Гайдамацький
рух
на Уманщині.
Коліївщина
1768 року

МІНІСТЕРСТВО НАУКИ І ОСВІТИ УКРАЇНИ
Уманський державний педагогічний університет
імені Павла Тичини

ГАЙДАМАЦЬКИЙ РУХ НА УМАНЩИНІ. КОЛІЇВЩИНА 1768 РОКУ
ХРЕСТОМАТІЯ

КИЇВський ВЛ УНІВЕРСИТЕТ 2002

УДК 94(477)(075.8)
ББК 63.3(4Укр)46я7

Г 12 Гайдамацький рух на Уманщині. Коліївщина 1768 року : Хрестоматія / *Монке С.Ю.*, канд. екон. наук, голова Уманської районної державної адміністрації; *Кузнець Т.В.*, канд. іст. наук, докторант Київського національного університету імені Тараса Шевченка; *Петренко А.І.*, перший заступник голови Уманської районної державної адміністрації. – К.: Видавничо-поліграфічний центр "Київський університет", 2002. – 213 с.

Рекомендовано до друку Вченою радою
Уманського державного педагогічного університету
імені Павла Тичини.
Протокол №2 від 25 вересня 2001 року

ISBN 966-594-264-6

Хрестоматія є своєрідним "літописом" Коліївщини. До неї увійшли документи, свідчення очевидців, мемуари, історичні дослідження гайдамацького руху та повстання 1768 року. Вони дають уяву про характер та розмах повстання, про його учасників та ватажків, про Уманщину другої половини XVIII століття взагалі.

Як навчальний посібник хрестоматія може бути використана для поглибленого вивчення історії рідного краю не тільки вчителями історії, але й учнями та студентами.

Рецензенти

Калакура Я.С., д-р іст. наук, завідувач кафедри архівографії та спеціальних галузей історичної науки Київського національного університету імені Тараса Шевченка;

Шевчук В.П., д-р іст. наук, професор кафедри історії гуманітарних факультетів Київського національного університету імені Тараса Шевченка

ISBN 966-594-264-6 ББК 63.3(4Укр)46я7

Г 0503000000

Видавничо-поліграфічний центр "Київський університет", 2002

© Монке С.Ю., Кузнець Т.В., Петренко А.І., упорядкування, 2002

Максим Залізняк

Іван Гонта

ЗМІСТ

ПЕРЕДМОВА 6

С.Ю.Монке, Т.В.Кузнець, А.І.Петренко
КОЛІЇВЩИНА ДОСЛІДЖЕНА І МАЛОВІДОМА 8

ВИТЯГ З ПРЕТЕНЗІЙ ПОЛЬСЬКИХ КОМІСАРІВ ПРО ЗБИТКИ, ЗАПОДІЯНІ ШЛЯХТІ ГАЙДАМАКАМИ З 15 ЛИСТОПАДА 1755 РОКУ ДО 18 ЛИСТОПАДА 1757 РОКУ,СКЛАДЕНИЙ БРАЦЛАВСЬКОЮ ПОГРАНИЧНОЮ КОМІСІЄЮ..... 18

СВІДЧЕННЯ У КОШІ ЗАПОРІЗЬКОЇ СІЧІ МЕШКАНЦІВ УМАНІ ОСТАПА ПОЛАМАНОГО І ОСТАПА БОЧКИ ПРО НАПАД ГАЙДАМАКІВ НА МІСТО УМАНЬ 20

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ ГАЙДАМАЧИНЫ..... 22

Костомаров Н.
МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ КОЛИИВЩИНЫ
ИЛИ РЕЗНИ 1768 Г. 38

№1
ПИСЬМО ПАНА ЯКОВА КУЗАЛКЕВИЧА К РУССКОМУ ПОЛКОВНИКУ ЧОРБЕ, С ОПИСАНИЕМ УМАНСКОЙ РЕЗНИ 1768 ГОДА 48

№ 2
ПИСЬМО ЗАПОРОЖСКОГО АТАМАНА УМАНСКОГО КУРЕНЯ СЕМЕНА НЕЖИВОГО К ГУСАРСКОГО ПОЛКА КОМАНДИРУ ФЕДОРУ ЧОРБЕ, 21 ИЮНЯ 1768 Г. 50

№ 3
СВИДЕТЕЛЬСТВО ОТ МОШЕНЦЕВ..... 51

№ 4
СВИДЕТЕЛЬСТВО КАНЕВСКИХ МЕЩАН И КОЗАКОВ 52

№ 5
ПИСЬМО АТАМАНА ЗАПОРОЖСКОГО НЕЖИВОГО К ПОДПОЛКОВНИКУ ХОРВАТУ, В КОТОРОМ ЖАЛУЕТСЯ, ЧТО РУССКИЕ ВОЕННЫЕ ВЛАСТИ ПРИНИМАЮТ И УКРЫВАЮТ ПОЛЯКОВ И ЖИДОВ ОТ КАЗАЦКОЙ РАСПРАВЫ..... 53

№ 6
РАПОРТ ПРЕМЬЕР МАЙОРА ВУЛЬФА ПРАВИВШЕМУ В КРЕПОСТИ СВ. ЕЛИСАВЕТЫ ЗА КОМЕНДАНТА ХРИСТИАНУ ГРИГОРЬЕВИЧУ КОРФУ О ГАЙДАМАЦКОМ НАБЕГЕ НА СЛОБОДУ ГОЛТУ И О ПРЕСЛЕДОВАНИИ ГАЙДАМАКАМИ ПОЛЯКОВ И ЖИДОВ 54

№ 7
ПОКАЗАНИЯ КУПЦОВ О НАПАДЕНИИ ЗАПОРОЖЦЕВ И ГАЙДАМАКОВ НА ПАЛЕЕВО ОЗЕРО, ИЗБИЕНИИ ТАМ ПОЛЯКОВ И ЖИДОВ И О ПОКУШЕНИЯХ НА ТУРЕЦКОЕ МЕСТЕЧКО БАЛТУ 56

№ 8
ПИСЬМО АТАМАНА СЕМЕНА НЕЖИВОГО ЧОРБЕ ОТ 30 ИЮНЯ 1768 ГОДА 58

№ 9
СВИДЕТЕЛЬСТВО МЕДВЕДОВЦЕВ 59

№ 10
РАПОРТ К ПОЛКОВЫМ ДЕЛАМ ЖЕЛТОГО ГУСАРСКОГО ПОЛКА ПОРУЧИКА КНЯЗЯ МАНВЕЛОВА О ПЕРЕГОВОРАХ С АТАМАНОМ ГАЙДАМАКОВ НЕЖИВЫМ, ДОМОГАВШИМСЯ ВЫДАЧИ БЕЖАВШИХ ПОЛЯКОВ И ЖИДОВ 61

№ 11
КИЕВСКОГО ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРА ВОЕЙКОВА БРИГАДИРУ ЧЕРТКОВУ О ПРЕСЛЕДОВАНИИ ГАЙДАМАКОВ И БЕГЛЕЦОВ 62

№ 12
ТОГО ЖЕ ВОЕЙКОВА ТОМУ ЖЕ БРИГАДИРУ О ПРЕСЛЕДОВАНИИ ГАЙДАМАКОВ И О СОДЕРЖАНИИ КАРАУЛОВ 64

№ 13
ОТНОШЕНИЯ КИЕВСКОГО ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРА ВОЕЙКОВА БРИГАДИРУ ЧЕРТКОВУ: 1) О ВОДОВОРЕНИИ ПОЛЬСКИХ КОЗАКОВ, ПОЖЕЛАВШИХ ПОСТУПИТЬ В ПОДДАНСТВО РОССИИ, 2) О ДОПРОСЕ И ОТСЫЛКЕ СОДЕРЖАЩИХСЯ В КРЕМЕНЧУГЕ ЗАПОРОЖЦЕВ, УЧАСТВОВАВШИХ С ГАЙДАМАКАМИ И 3) О СУДЕ И ПРИГОВОРЕ НАД ВИНОВНЫМИ. АВГУСТА, 15, 1768 ГОДА 65

№ 14
СЕКРЕТНОЕ ПИСЬМО КИЕВСКОГО ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРА ВОЕЙКОВА БРИГАДИРУ ЧЕРТКОВУ О МЕРАХ К ПОИМКЕ И О ДОСТАВЛЕНИИ, КАПИТАНА СТАНКЕВИЧА, УЧАСТВОВАВШАГО В ГАЙДАМАЦКОМ БУНТЕ 67

В.Антонович
УМАНСКИЙ СОТНИК ИВАН ГОНТА (1768 г.) 68

К ИСТОРИИ УМАНСКОЙ РЕЗНИ 1768 Г. (читано в историко-филологическом обществе при нижинском институте) 94

ЛИСТ ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА МИХАЙЛА КРЕЧЕТНИКОВА
ДО КНЯЗЯ МИКОЛИ РЄПНІНА ПРО ЗАХОПЛЕННЯ
ПОЛКОВНИКОМ ГУР'ЄВИМ ГАЙДАМАКІВ ПІД УМАННЮ 114

ЛИСТ НЕВІДОМОЇ ОСОБИ ДО НЕВСТАНОВЛЕНОГО АДРЕСАТА.....
ПРО ПОВСТАННЯ ГАЙДАМАКІВ В УМАНІ ТА ІНШИХ
МІСЦЕВОСТЯХ І РОЗПРАВУ НАД НИМИ РОСІЙСЬКИХ
ТА ПОЛЬСЬКИХ ВІЙСЬК 119

ЗАПИСКИ ВЕРОНИКИ КРЕБС
(перевод с предисловием – И.М.РЕВА)..... 120

СВІДЧЕННЯ КУПЦЯ КАНТАРЖЕЯ ПРО ЙОГО ПЕРЕБУВАННЯ
У ТАБОРІ ПОЛКОВНИКА МАКСИМА ЗАЛІЗНЯКА ПІД УМАННЮ..... 144

ГРАМОТА МАКСИМА ЗАЛІЗНЯКА..... 145

ПРОТОКОЛ ДОПИТУ ПОЛКОВНИКА МАКСИМА ЗАЛІЗНЯКА,
СКЛАДЕНИЙ У КАРГОПІЛЬСЬКОМУ КАРАБІНЕРНОМУ ПОЛКУ..... 146

И.Галант
МОЛИТВА В ПАМЯТЬ УМАНСКОЙ РЕЗНИ И ПИСЬМО,
КАСАЮЩЕЕСЯ ТОГО ЖЕ СОБЫТИЯ 151

РІШЕННЯ КИЇВСЬКОЇ ГУБЕРНСЬКОЇ КАНЦЕЛЯРІЇ
ПРО ПОКАРАННЯ МАКСИМА ЗАЛІЗНЯКА, СЕМЕНА НЕЖИВОГО,
ПАВЛА ТАРАНА, МИКИТИ ШВАЧКИ ТА ІНШИХ УЧАСНИКІВ
ГАЙДАМАЦЬКОГО РУХУ..... 159

Н.Добротворский
ПОРТРЕТ ГОНТЫ 197

В.Антонович
НЕСКОЛЬКО ДАННЫХ О СУДЬБЕ ЖЕЛЕЗНЯКА
ПОСЛЕ ЕГО АРЕСТА В УМАНИ..... 200

Ф.Ф.
ОСТАТКИ ПРЕДАНИЯ О ГОНТЕ 205

ДЖЕРЕЛА ТА ЛІТЕРАТУРА ПРО КОЛІЇВЩИНУ 210

ПЕРЕДМОВА

Історія українсько-польських взаємин досить-таки відома, як відомо й те, що Уманщина не раз ставала епіцентром кривавих подій у періоди найбільшого загострення тих взаємин. Мається на увазі ціла низка селянсько-козацьких повстань кінця XVI століття, 30-х років XVII століття, Визвольна війна середини XVII століття та Коліївщина (1768 р.). І попри те, що у Коліївщини є чимала українська і польська історіографія, є необхідність знову повернутися до цієї сторінки нашої історії. Така необхідність обумовлена двома групами чинників. По-перше, потрібно ще раз наголосити на тому, що не можна відривати події від конкретно-історичної епохи і переносити їх на сьогоднішні стосунки українського, російського, польського та єврейського населення. А стосовно польсько-українських взаємин з їх дотичністю до Уманщини, то згадаймо те, що вже було чимало спроб згладити взаємозвинувачення у жорстокості наших предків. У 1836 році польськими громадянами в Умані була створена громада "Люду польського" під назвою "Умань". Один з її учасників писав: "Нам належало прийняти назву Умані, щоб укласти з населенням України перемир'я відродження, союз майбутнього, щоб змити цією назвою переслідування народу України, викликану нами (тобто поляками – Авт.) страшну реакцію, змити взаємну ненависть, затерти криваві спогади."[1] А в 1998 році дослідник історії Східної Європи, президент Французької асоціації українознавчих студій, член-кореспондент Польської Академії наук Даніель Бовуа знову підкреслив, що "абсолютна ясність і однозначна погодженість щодо інтерпретації польсько-російсько-українського минулого є *conditio sine qua non* (абсолютно необхідною умовою) добросусідства в майбутньому."[2] Отож, події конкретно-історичного минулого потрібно знати, розуміти їх історичну зумовленість, відноситись до них як до об'єктивної реальності, що

---

[1] Українська література в загальнослов'янському і світовому контексті: У 5 т. – К., 1987. – Т.1. – С.189.

[2] *Бовуа Даніель.* Битва за землю в Україні 1863-1914. – К., 1998. – С.313-314.

мала місце в минулому. І ні в якому випадку не варто копирсатися в минувшині з тим, щоб "довести" щось нинішньому населенню краю, де відбувались ці події.

А звідси випливає і друга група чинників. Отож, по-друге, щоб мати достовірну інформацію і знати події, то найкраще знайомитись із першоджерелами. І саме першоджерелами різного походження, тобто стосовно Коліївщини – це спогади очевидців, документи, мемуари українського, польського, єврейського і російського походження. Досить уже заборон та вибірковості у вивченні історичних джерел, що було типовим для радянської історичної науки. Досить уже суб'єктивних оцінок та суджень, які нав'язувались читацькому загалу. Була конкретна епоха, що залишила першоджерела, і вивчаючи її потрібно і користуватися ними. А щоб сформувалася об'єктивна оцінка, варто залучати до наукового аналізу всі групи джерел.

Тому-то джерелознавчу базу хрестоматії становлять документальні (актові) і наративні (оповідні) пам'ятки українського, російського, польського, єврейського походження. Зауважимо, що деформованість та однобічність висвітлення Коліївщини радянською історіографією спонукали упорядників умістити суперечливі за змістом документи, в яких іноді по-різному відображені конкретні події. Щоб краще розібратися в них до хрестоматії включені наукові розвідки з історії Коліївщини істориків М.Костомарова та В.Антоновича, які вже стали бібліографічною рідкістю.

Документи публікуються мовою оригіналу із збереженням стилю викладу і всіх мовних особливостей часу. Крім того, до хрестоматії вміщено карту, портрети ватажків Коліївщини та інші ілюстрації, а також список джерел та літератури про Коліївщину, які можуть бути використані для поглиблення досліджень цієї сторінки нашої історії.

Упорядники сподіваються, що пропонована хрестоматія стане джерелознавчою скарбницею для тих, хто вивчає історію нашого краю.

С.Ю.Монке, Т.В.Кузнець, А.І.Петренко

КОЛІЇВЩИНА ДОСЛІДЖЕНА І МАЛОВІДОМА

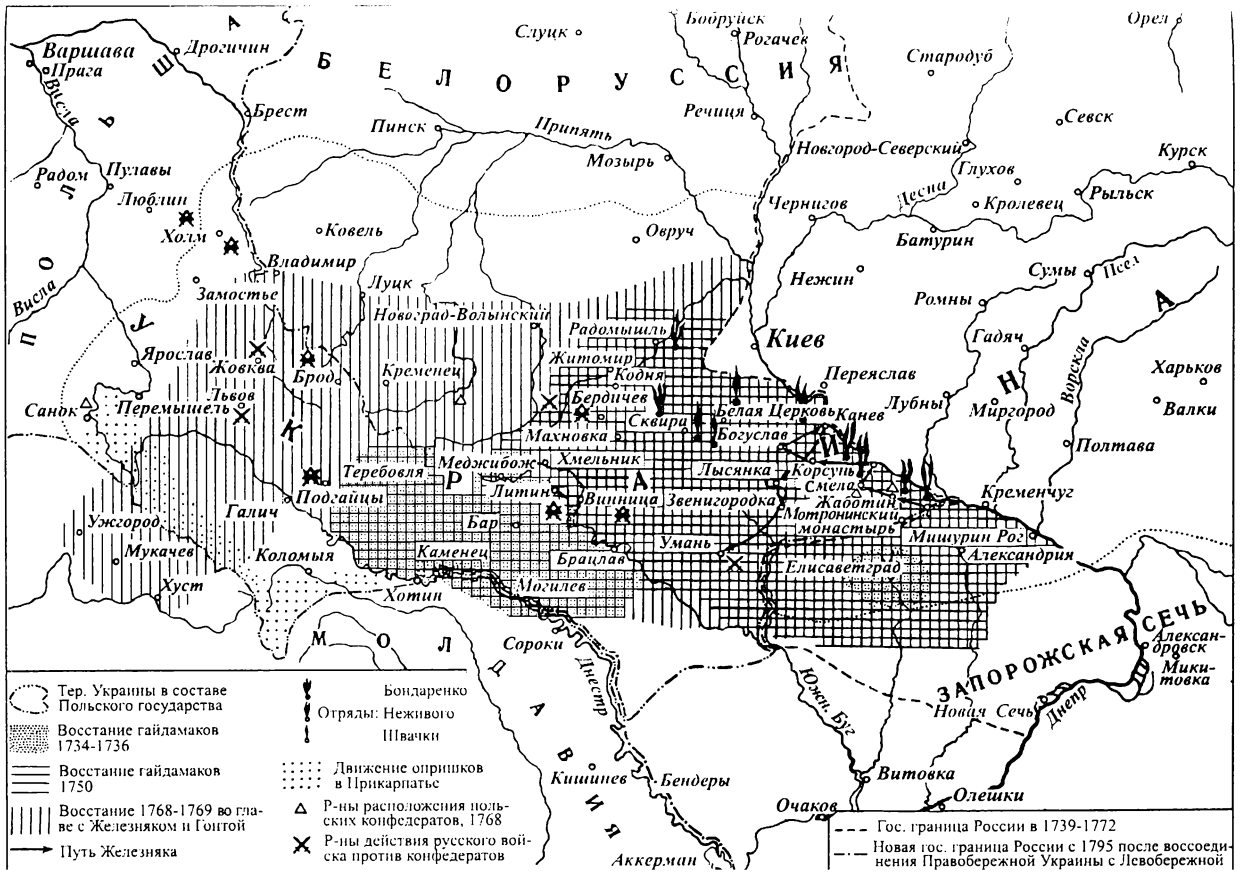
Гадаємо, що матеріали хрестоматії створять подієву канву Коліївщини. Нам би хотілося висловити лиш деякі міркування стосовно цієї події. Оскільки впродовж більше як 200-літніх дослідницьких пошуків істориками створено чималу історіографію Коліївщини, то ми лише окреслимо досліджені та малодосліджені аспекти цієї сторінки історії нашого краю.

У першу чергу підкреслимо, що майже всі дослідники Коліївщини оцінювали події 1768 року як найвище піднесення гайдамацького руху, що охоплював Правобережну Україну з початку XVIII століття. При визначенні причин, які зумовили Коліївщину, було звернуто увагу на дві групи факторів: першу – соціальні й другу – національно-релігійну. У новітній історіографії вже ствердилася теза, що за видимої парадоксальності, Коліївщина мала генетичний зв'язок насамперед з подіями визвольних змагань українців середини та другої половини XVII століття. Історики наводять висловлювання великого канцлера литовського 1649 року про те, що "козаки і чернь здійснили нечувані злочини, бо нечувані були наші гріхи."[3] І при цьому підкреслюють, що за сто з лишком років, що відділяли переддень Визвольної війни середини XVII століття від Коліївщини, у становищі українського народу не відбулося принципових змін: Україна залишилася колонією сусідніх держав з усіма негативними наслідками цього. А гайдамацький рух і, зокрема Коліївщина, був відповідною реакцією трудящих мас України на утиски і знущання колонізаторів. Не обійшлося, на жаль, без жорстокостей та релігійного фанатизму.

Певна зумовленість і тяжіння подій від одного народного руху до іншого є очевидною коли пригадати, що події другої половини XVII століття призвели до масового спустошення Правобережної України. Частина населення була знищена, частина залишала об-

---

[3] *Мицик Ю.* Новознайдені пісні про Коліївщину // Народна творчість і етнографія. – 1993. – №5-6. – С.66-68.


Варшава
Прага
Висла
Дрогичин
Брест
Пинск
Припять
Мозырь
Слуцк
Бобруйск
Рогачев
Речица
Стародуб
Орел
Севск
Курск
Новгород-Северский
Глухов
Десна
Кролевец
Рыльск
Чернигов
Овруч
Батурин
Нежин
Сумы
Псел
Ромны
Гадяч
Ворскла
Харьков
Валки
Полтава
Миргород
Лубны
Переяслав
Киев
Канев
Белая Церковь
Богуслав
Корсунь
Смела
Жаботин
Мотронынский монастырь
Кременчуг
Мишурин Рог
Александрия
Елисаветград
Умань
Звенигородка
Винница
Брацлав
Могилев
Хотин
Сороки
Днестр
Южн. Буг
Днепр
Новая Сечь
ЗАПОРОЖСКАЯ СЕЧЬ
Александровск
Микитовка
Витовка
Олешки
Очаков
Аккерман
Бендеры
Кишинев
МОЛДАВИЯ
Радом
Пулавы
Люблин
Холм
Ковель
Владимир
Луцк
Замостье
Новоград-Волынский
Радомышль
Житомир
Кодня
Бердичев
Сквира
Махновка
Хмельник
Меджибож
Литин
Бар
Каменец
Теребовля
Подгайцы
Галич
Коломыя
Ярослав
Жовква
Брод
Кременец
Львов
Перемышль
Санок
Ужгород
Мукачев
Хуст
ПОЛЬША
БЕЛОРУССИЯ
ПОДОЛИЯ
ВОЛЫНЬ
УКРАИНА
Тер. Украины в составе Польского государства
Восстание гайдамаков 1734-1736
Восстание гайдамаков 1750
Восстание 1768-1769 во главе с Железняком и Гонтой
Путь Железняка
Бондаренко
Отряды: Неживого
Швачки
Движение опришков в Прикарпатье
Р-ны расположения польских конфедератов, 1768
Р-ны действия русского войска против конфедератов
Гос. граница России в 1739-1772
Новая гос. граница России с 1795 после воссоединения Правобережной Украины с Левобережной

житі місця та звичний спосіб життя і переселялася на Лівобережжя та Запорожжя. Унаслідок складних політичних обставин та масових міграційних процесів з'явилась люмпенізована категорія населення, яка перебивалася випадковими заробітками, наймитуванням, а той грабежами. Люди, позбавлені засобів до існування, становили резерв поповнення гайдамацьких ватаг, а пізніше й повстанських загонів М.Залізняка та його соратників.

У першій половині XVIII століття окреслились і виступи у протидію дві взаємопротилежні тенденції. З одного боку, у феодальне суспільство все глибше проникали буржуазні відносини, а з іншого – у Південно-Східній частині Правобережжя на зміну чиншу й слободам (пільгам, що заохочували поновну колонізацію краю після його обезлюднення в період "Руїни") йшла відробіткова рента. Населення шукало різних шляхів виходу з цієї ситуації. І саме в цей час магнати і шляхта з метою збільшення своїх прибутків вдаються до масового запровадження оренди. Передача пропінаційних (монопольних) прав на шинки, млини, ґуральні й ін. у руки інших осіб (переважно євреїв) у кілька разів збільшувала визиск селян і спричинила масове розорення безпосередніх виробників. Це не могло, звісно, не викликати їх невдоволення.

Не обійдена увагою істориків і проблема суспільно-політичних передумов Коліївщини. Досліджена так звана "дисидентська карта" у взаєминах Петербурга і Варшави. Не піклуванням становищем православного українського люду (а воно справді було критичним унаслідок дій уніатів у 1765-1767 рр.) переймався російський уряд, а переслідував міркування політичного характеру і власні інтереси. "Дисидентське" питання було тільки приводом для втручання Петербурга до внутрішніх справ Речі Посполитої. Щоб підтримувати Радомську конфедерацію (її учасники закликали Росію виступити гарантом "давнього державного ладу" в Польщі в той же час, коли виникла можливість здійснення прогресивних державних перетворень), на початку березня 1767 року до меж Польської держави вступили царські війська.[4] Серед православного населення Правобережжя пішла чутка, що російські війська з'явились для захисту

---

[4] *Кречетников П.Н.* Журнал о движении и военных действиях в Польше в 1767 и 1768 годах. – М., 1869. – С.34, 41.

православ'я від уніатів і католиків. Особливо поширювались такі ілюзії після утворення Барської конфедерації (лютий 1768 р.) і проведених нею погромів, від яких постраждали селяни, міські жителі та православні священики. Таким чином, до повстання 1768 року спричинився цілий комплекс обставин – економічних, соціальних, політичних, релігійних і навіть міжнародних.

Дослідники мають достатньо документального матеріалу, щоб реконструювати фактичний бік розвитку повстання. Декларовані М.Залізняком та його соратниками гасла збирати "охочих людей в козаки для знищення от поляков благочестия и недопущения к умертвлению, не хотящих принять унию христианского народа" й готових боротися проти конфедератів і євреїв[5] притягувала пригноблений люд. Залишивши 26 травня Холодний Яр, повстанці оволоділи Жаботином, Черкасами, Смілою, Корсунем, Богуславом та іншими містечками та селами. У ніч з 9 на 10 червня 1768 року військо М.Залізняка за допомогою сотника І.Гонти здобуло Умань. Взяття Умані закінчилось різаниною шляхти, католицького та уніатського духівництва і євреїв. Козацькі отамани, підтримані місцевим населенням, за незначний проміжок часу визволили величезну територію Правобережної України від Макарова на півночі до Балти на півдні, від Погребища на заході до Чигирина на сході. Розмах повстання стривожив російський уряд і до Умані були підтягнуті російські війська генерала Кречетникова. Російські карателі підступно арештували вождів Коліївщини М.Залізняка та І.Гонту. У неволі також опинилися ще 845 гайдамаків, у тому числі 65 запорожців і 780 простих селян. Гонта був закатований і підданий лютій страті, а Залізняк – засланий до Сибіру. Усіх полонених поділили на уродженців Правобережної та Лівобережної України, на формально підданих Польщі та Росії. Перших чекали каземати й катівні Львова, Кам'янця-Подільського, Кодні та інших міст, других після тортур погнали до Сибіру.

Надзвичайно ідеологізована епоха не дала можливості історикам всебічно висвітлити питання про ставлення Росії до Коліївщини, а наявні оцінки та характеристики несуть на собі карб тієї епохи, в яку

---

[5] Гайдамацький рух на Україні в XVIII ст. – С.361, 367, 422.

жили й творили їх автори. А між тим, цікавою є проблема трансформації оцінок російським самодержавством подій 1768 року: від невтручання у взаємини його учасників з поляками до придушення Коліївщини. Відсутня однозначність й у питанні про заміну жорстоких вироків суду учасникам повстання на менш жорстокі тощо.

Залишається до кінця не з'ясованим питання про характер Коліївщини. Переважна більшість дослідників (за винятком Г.Ю.Храбана, "Спалах гніву народного") вважає її гайдамацьким рухом у найвищому його піднесенні. Звичайно, Коліївщина виросла на ґрунті гайдамацьких загонів, її учасники засвоїли кращі традиції повстанської боротьби. Та, водночас повстання 1768 року нагадує таку форму боротьби, як селянські війни. Воно відрізнялось від звичайної гайдамаччини вищим рівнем організації, глибшою суспільною свідомістю селян і козаків, ширшою соціальною базою тощо. Для Коліївщини характерна певна організаційна забезпеченість (наявність єдиного центру, поділ військ на окремі підрозділи і т.д.) та ідеологічна спрямованість.

Повстання 1768 року істотно відрізнялося від гайдамацького руху і соціальним складом його учасників. Як відомо, ініціаторами Коліївщини виступили запорозькі козаки і частина люмпенізованих елементів. Проте з часом соціальний склад повстанських загонів зазнав істотних змін. Їх обличчя й природу почало визначати місцеве населення, у першу чергу селяни, міщани, "польські козаки". На це вказують наведені у хрестоматії свідчення мешканців Умані О.Поломаного та О.Бочки у Коші Війська Запорозького. Йдеться, зокрема, про те, що "те ж гайдамацкие шайки называют себя запорожскими козаками, но в самом деле есть не запорожцы, но сущие с простых Польськой области на Украине живущих мужиков, также винокуров и обитающих в турецком городе Очакове и других оного околичностях ардатов."[6] Січовик Семен Галицький у своєму свідченні в Коші у червні 1768 року говорив, що "по большей части видел в них (повстанцях – авт.), что они самые простые мужики"...[7] Як "селянський бунт" кваліфікував був добре організований із ситуаці-

---

[6] Гайдамацький рух на Україні в XVII ст. – С.372.

[7] *Скальковський А.* Наезды гайдамак на Западную Украину в XVIII столетии. – Одесса, 1845. – С.113-114.

єю на Правобережній Україні.[8] На селянську природу "бунту" 1768 року звертали увагу також польські урядовці."[9]

Участь селян надала повстанню гостроти, тривалості і драматизму. На знущання панів, дибу і фізичне знищення кріпаки відповідали тим самим. Це особливо виразно виявилось у трагічних подіях початку червня 1768 р. під Уманню. Проте зміст і спрямування Коліївщини визначили насамперед конструктивні заходи, що їх несе будь-який великий народний рух.[10]

Істотних коректив потребує питання про возз'єднавчий рух, який справді мав місце в Україні. Але в радянській історіографії поняття "возз'єднання Правобережної України з Лівобережною" підмінялось семантично ідентичним, але не науковим поняттям "возз'єднання" Правобережної України з Росією. Все ще відкритим залишається питання про хронологічні межі Коліївщини (1768 чи 1768-1769 рр.). Не менш важливою є проблема понятійного апарату, яким користуються вчені у визначенні характеру і спрямованості згадуваних подій.

Та попри всі ідеологічні нашарування і малодосліджені аспекти, Коліївщина 1768 р. була важливою віхою у визвольній боротьбі українського народу. Цим виступом практично завершується епоха великих повстань в Україні. Він продемонстрував стійкість традицій боротьби українського народу за волю і незалежність. Разом з тим він показав глибоку кризу в політичному житті Речі Посполитої, її агонію і небажання правлячих кіл Варшави впродовж багатьох десятиліть вирішувати насущні питання етнічного і конфесійного характеру. Мине тільки чотири роки, і відбудеться перший поділ Польщі. А попереду ще два поділи і століття бездержавності польського народу.

Хочеться звернути увагу і на ті матеріали хрестоматії, які хоча б частково показують місце Коліївщини в народні творчості.

---

[8] Гайдамацький рух на Україні в XVII ст. – С.387.
[9] Там само. – С.410, 491.
[10] *Смолій В.А.* Деякі дискусійні питання історії Коліївщини (1768 р.) // Український історичний журнал. – 1993. – №10. – С.27.

Не бракує прибічників Коліївщини як великого національно-визвольного повстання та й тих, хто справедливо засуджує жорстокість повстанців під час "уманської різні". Воно й зрозуміло: нічим не виправдані жертви та прагнення перенести сучасні моральні мірила та цінності на ті події є своєрідним водорозділом у плині думок і висловлювань щодо повстання 1768 року. А може не варто ділитися на захисників і критиків, звинувачувати наших предків у взаємній жорстокості, дошукуватися однієї-єдиної істини. Адже в історії це зробити іноді неможливо. Тим паче в нашій історії, що має так багато суперечливих подій та боротьби.

Офіційна історична наука радянського періоду часто змушена була висвітлювати Коліївщину в рамках існуючої ідеології, і тому довгий час документи та мемуарна література про ці події були важкодоступними, єврейські та польські джерела не перекладалися і не доходили до українського читача. Навіть твори польських поетів "української школи" – Богдана Залєського, Северина Гощинського, Міхала Грабовського, – в яких висвітлювались події цієї доби не знаходили значного поширення в Україні. Але ж їх називали "уманцями" (бо народились в Україні та здобували освіту в Умані, у школі при католицькому монастирі), жили вони серед українського народу, освітлювали його історію (звісно, маючи право на художнє трактування подій), а їх твори не перекладалися українською, бо не відповідали "класовому підходу до оцінок минулого". Більше друкувалося дослідницьких коментарів та вибирались з-поміж творів польських поетів ті, що "об'єктивно" відображали події, як-то "Канівський замок" С.Гощинського, то вже його твір "Коліївщина і степи" українськомовного перекладу немає.

У радянські часи історикам неможливо відійти від принципу класового підходу до оцінок минулого, проаналізувати роль і місію російсько-імперського царату і його військ до колонізації України, особливо в роки Коліївщини. І тільки суспільні зміни в Україні уможливили початок подібних досліджень і, зокрема дозволили львів'янину І.М.Голубенку у публікації "Сині мої, гайдамаки"[11]

[11] Жовтень. – 1989. – №10-11.

зробити висновок з чисельних наведених ним російських документів щодо селянського повстання 1768-1769 років про те, що російський царизм цікавиться не долею українців, а повним чином використовував їх кровопролитну боротьбу з поляками у своїх імперських інтересах.

Радянська історична наука хрестоматійними зробила ті дослідження та художні твори про Коліївщину, в яких виопуклювалися аспекти національно-соціально-релігійного гніту українського населення і як справедлива помста – його національно-визвольна боротьба. І якщо, приміром, цитувалася поема Т.Г.Шевченка "Гайдамаки", то саме ті рядки, де йшлося про героїку взяття повстанцями Умані як приклад "вірності ідеї та присязі" виокремлювався сюжет вбиття Гонтою "синів малолітніх" (хоча, насправді, не вбивав Гонта своїх дітей і було в нього чотири доньки і син). А насправді ж, Тарас Шевченко був далекий від прославляння насильства і смакування уманською різаниною, бо в розділі "Гайдамаків" – "Гонта в Умані" натрапляємо на поетичні фрази, які виразно засвідчують гуманістичну авторську позицію:

Не спинила весна крові
Ні злості людської.
Тяжко глянуть...

Або:

... Того лиха
не було ніколи,
Що в Умані робилося.

Кривава уманська веремія трактувалася Шевченком як трагедія, як "лихо", як кривавий фінал "злості людської".

Але в усі часи, і дорадянські, і радянські мірилом об'єктивності і глибокої духовності була бездонна криниця народної мудрості, з якої витікає життєдайний потічок народної творчості. Події Коліївщини теж знайшли відображення в жанрах народної творчості, і навіть більше того, завдяки творцям народної поезії до нас дійшли живі свідчення про ті події.

Одним з давніх пластів української народної культури є українське кобзарство. Значною мірою стараннями кобзарів зберігалися та передавалися від покоління до покоління оповіді про повстання та його керівників. Кобзарі оспівували Коліївщину не тіль-

ки після повстання, але й виконували роль пропагандистів та духовних натхненників у ході повстання. Так, у своїх спогадах про події в Умані в 1768 році донька уманського губернатора Вероніка Кребс згадує, що надвірні козаки захоплювалися народними думами. "Одного разу мій батько почув, як в одному місці козаки співали думи про Хмельницького; він одразу ж покликав Обуха (козацького полковника – авт.) і попросив його раз і назавжди заборонити співи подібних дум, і все-таки в 1768 р. цей захід ні до чого не привів".[12]

Є згадки про те, що кобзарі перебували і серед селян, і в самому повстанському таборі. Про одного з них – незрячого Волоха – на основі розповідей свого діда Т.Г.Шевченко у поемі "Гайдамаки": "За гайдамаками ходив кобзар, його називали сліпим Волохом". Малюючи його образ, Шевченко називає репертуар пісень кобзаря, серед яких пісня про Максима Залізняка, яка особливо імпонувала рядовим запорожцям та селянам, в яких як і в Залізняка не було "ні оселі, ні саду, не ставу". Про те, що пісня про Залізняка була створена в ході повстання є свідченням діда Шевченка, який був учасником Коліївщини. Є інші документальні свідчення про те, що кобзарі були учасниками Коліївщини і творили поезію в процесі повстання, або по свіжих його слідах. Це перш за все Коденська книга судових актів, в якій зібрані матеріали суду над учасниками повстання. В одній із публікацій "Киевской старины"[13] автори розповідають про учасників повстання – бандуристів і лірників, які надихали повстанців на боротьбу. Участь народних співців у Коліївщині підтверджував і В.Ястребов[14], який теж на сторінках "Киевской старины" розповідав про бандуриста Данила Бандурка, що був навіть керівником одного з повстанських загонів.

Крім бандуристів, лірників та народних поетів, які оспівували боротьбу в ході повстання та по закінченні, пам'ять про ті події

---

[12] Записки Вероніки Кребс. – К., 1879. – С.17.

[13] У.О., К.Ф. Коденская книга и три бандуриста // Киевская старина. – 1882. – №4. – С.161-166.

[14] *Ястребов В.* Гайдамацький бандурист // Там само. – 1886. – №10. – С.379-388.

зберігали їх учасники та очевидці. Вже в ході Коліївщини народилося багато легенд та переказів, що відображали прагнення та світогляд повстанців. Героїчні та трагічні сторінки Коліївщини, епізоди з життя її ватажків стали темами багатьох історичних пісень, найвідомішими з яких є пісні про Максима Залізняка, Івана Гонту, Саву Чалого, Лебеденка, Микиту Швачку, Олексія Бондаренка. Зібрані та проаналізовані в багатьох публікаціях (хоча б "Колиивщина в песнях")[15], пісні є одним з невичерпних джерел вивчення повстання 1768 року.

Крім історичних пісень народна пам'ять фіксувала події Коліївщини і в усних переказах. Так, на Уманщині живе легенда про те, що взявши Умань, гайдамаки збирались на раду під великим дубом, який і донині росте в "Софіївці" на Дубинці (за даними історика-краєзнавця Г.Ю.Храбана повстанці стали табором під містом в урочищі "Карпівка"). Той дуб так і називають – Дуб Залізняка і Гонти. Звідси ватажки направляли повстанські загони в різні напрямки. Але повстання було приречене, бо російський царський уряд теж взяв участь у придушенні повстання. І в нашому краї зберігся переказ про те, як Іван Гонта та Максим Залізняк попрокидалися з похмілля у Грековому лісі з пов'язаними руками і ось тут Залізняк сказав до Гонти: "Лях і москаль на один копил шиті". Цей матеріал записав автор відомого етнографічного збірника "Звичаї нашого народу" Олекса Воропай в с.Громи Уманського району в 1937 році від жительки села п'ятдесятилітньої Марії Г-н.

Трагічні події літа 1768 року на Уманщині породили в народі вислів, який і сьогодні є вживаним: "А пішов би ти поза Уманню!". Тобто спіткала б тебе найгірша доля.

Коліївщина залишила до сьогодні ще одну згадку на Уманщині – назву Гайдамацький ліс біля села Черповоди. У селі пояснюють назву лісу і самого села так: "Село Черповоди розташоване на мальовничих берегах річки Ятрань. Назву свою отримало від того, що недалеко в лісі стояли гайдамаки і заходили до села набирати або черпати з ріки воду. Ліс, в якому вони стояли, стали називати Гайдамацьким. Ка-

---

[15] Колиивщина в песнях // Киевская старина. – 1882. – № 9. – С.582-589.

жуть, що зі своїм військом заходили до села Залізняк і Гонта". Записано з розповіді жителя Володимира Дідурика.

Народна творчість не тільки фіксувала події, а й стала зразком глибокої духовності українського народу. Коли в історичній літературі переважали ідеологічні нашарування, народна творчість відзначалася більшою об'єктивністю. З загальнолюдських позицій, позицій вселенської моралі і духовності в народній творчості відображались ці трагічні для обох народів (польського і українського) події. В ті часи, коли український народ піднявся за визволення, він жалкує з приводу невинно пролитої крові тих, проти кого повстав. В одній з народних пісень про Коліївщину є такі слова:

Прилетіли на Вкраїну
із западу гуси,
Погинули на Вкраїні
невинії душі.
Погинули депутати
шляхетної вроди,
Навіть тая дрібна шляхта,
тії хлібороби.
О Боже мій нескончений,
що ся тепер стало:
Як то віра, так то віра,
а милості мало!
О Боже мій нескончений,
дивитися горе,
Що тепера на сім світі
віра віру боре!

Так не забуваймо народної мудрості, не ділімо себе на кривдників і покривджених, не треба відривати події від конкретно-історичної епохи і переносити події минулого на сьогоднішні стосунки російського, українського, польського та єврейського населення. А в прикінцевій фразі підкреслимо, що народи, за будь-яких історичних обставин, не можуть бути ворогами. Цьому вчить народна мудрість. А історичний досвід допомагатиме уникнути помилок в майбутньому.

ВИТЯГ З ПРЕТЕНЗІЙ ПОЛЬСЬКИХ КОМІСАРІВ ПРО ЗБИТКИ, ЗАПОДІЯНІ ШЛЯХТІ ГАЙДАМАКАМИ З 15 ЛИСТОПАДА 1755 року ДО 18 ЛИСТОПАДА 1757 року, СКЛАДЕНИЙ БРАЦЛАВСЬКОЮ ПОГРАНИЧНОЮ КОМІСІЄЮ

Копія экстракта, присланного із учрежденной с полским Брацлавским воеводством пограничной коммисіи; учиненного в оной коммисіи із претензей внов подданних от полских коммисаров, о приключенних от гайдамак полским подданим 1755 году ноября с 15–1757 году ноября ж по 18 числа сверх прежних обидах і разореніях.

Яснѣвелможному воеводе і генералу земель кіевских Францѣшку Салезиушу Потоцкому ограбленіем местечка Торговицы і деревень Гордашевки, Молодецкаго, Манковкы, Паланки, Нерубайки, Дмитрушек, Борщовой, Псяровкы, Разсошы, Карачевец, Буковкы, Каменки, Папужинец, Кияйна, Каменечего, Теплина, Тарнавки, Їсаек, Гризановки, Мишурова, Грушки, Заузненталнаго, Фурманки, Мотилной, Каменной, Вилтарнавы, Ташлика Кривого, Березовой, Голованевского Ташлыка, Расоловец, Копиевки и протчих, також отгоном жолнѣрских козацких под Уманю і Торговицею на макши болотах і с разних мест лошадей приключено убитка на полскіе золотіє 120 777 грошы 20.

Яснѣвелможному Станѣславу Потоцкому, воеводѣ познанскому, ограблением деревень Бубновкы, Дзерденевы, Соколовки Бродка, Каташина, Жалконовки, Мариковки, Заводовкы, Крушиновкы і протчих приключено убитка на 23 144.

Господину скарбнику добрянскому Гогелю ограбленіем села Бабанки приключено убитка на 8312.

Господину Курдвановскому, бывшему в Ягорлеке на фарпостѣ, забором лошадей, ружя і протчих пожитков приключено убитка на 720.

Господину Зелезнѣцкому ограбленіем села Закриннича, забором лошадей, платя і разних шляхетських уборов учинено убитка на 9117.

Господину Стефану Дорозинскому ограбленіем села Полуш, забором платя, лошадиних уборов, седел і готових денег приключено урону на 9819–24.

Господин Троцкевич, которой в том же селѣ в самое грабителство был, в плати і готових денгах і во всех пожитках імеет убитка на 1088–15.

Господин Рибицкій в ограбленіи слободы Веселого Кута і в заборѣ готових денег, платя і протчих движимостей імеет убитка на 1055-27.

Войску коронному партіи украинской, також і разним господам товарищам в разних местах от нападенія на зимніе квартеры в Новоселце бывшей грабителства на доброволних дорогах с должности возвращающихся і забору лошадей, мундира, седел, готових денег всего на 58 596.

Господину Либишевскому ограблением села Лубовницы приключено убитка на 694.

Господину Букаемскому злодее заграничніе – расколникы в покраже двух котлов приключили убитка на 200.

Подданому яснѣвелможного Потоцкого, кіевского воєводи, слободи Каменной Криницы к уезду Уманскому, принадлежащей жителю Костинѣ, россійскіе гайдамаки з слободи Терновки (между которими і житель терновской Бѣлой, данной ему от сотника Юрія пашпорт потерял), напав ночю, забрали разних движимостей на 650.

Теж гайдамаки у Михайли Кривошейка і Федора близ Терновского млина взяли лошадей трое в 130.

Господина чесника бранского Лупинскаго, напав на квартеру в местечке Ладижине гайдамаки россійскіе, которіе особливим реестром означени, взяли червоних 480 на 8640.

У того ж господина Лупинскаго в тож время забрато мужеска і женска платя, шабель, лошадиних уборов, клейнотов і разних пожитков на 6000.

Господину Бугуславскому долгу по векселям надлежит от российских людей 1396.

Господину скарбнику авруцкому Спендовскому ограбленіем местечка Райгорода і разореніем от ватажки Швидкого і других заграничних россійских гайдамак приключено убитка на 17 905.

Господину скарбнику новогородскому Антонію Хоецкому забором трех лошадей под Немеровим приключено урону заграничними россійскими гайдамаками на 900.
Всего на 269 143.86[16].

Джерело: Архів Ленінградського відділення Інституту історії Академії наук СРСР. – Ф. 200. – Оп. 3. – Спр. 47. – Арк. 1. Копія.

---

[16]Так у тексті.

СВІДЧЕННЯ У КОШІ ЗАПОРІЗЬКОЇ СІЧІ МЕШКАНЦІВ УМАНІ ОСТАПА ПОЛАМАНОГО І ОСТАПА БОЧКИ ПРО НАПАД ГАЙДАМАКІВ НА МІСТО УМАНЬ

Показанія уманских жителей:

1768 года іюля 2, приѣхавши в Запорожскую Сѣчь по купеческому промыслу, Польской области, Уманской губерніи, города Умани жители Остап Поламанный и Остап Бочка в Войсковой Запорожской Низовой канцеляріи сказкою показали:

Минувшаго іюня 9-го дня гайдамацкая шайка, простираючаясь в собраніи с 1000 человек конно, при знаменах, одном – большом, а прочих – меньших нѣсколькиx, в предводительствѣ по извѣстиям нѣякогось полковника Максима Желѣзняка, вошед в город Умань, подольстив к себѣ в единомысліе к злым начинаніям с Уманской губерніи сотников четырех: города Умани Ивана Кузьменка и Гонту, Торговицкаго – Власенка, Хущоватскаго – Панка и при них козаков конных вооруженных 500 и, в 10-й день [июня] напав на оный город, в нем бывших польских шляхтычей на сто, а жидов на 3000, в том числѣ мужеска и женска полу, даже съсущих младенцов поумерщляв, всѣ до послѣдня их имѣнія, также городовое знамя одно большое, пушок одну большую, а меньших двѣ забрали и расположились под оным городом Уманью в полѣ лагерем. Умерщвленных же поляков и жидов тѣла брошены на разных мѣстах и остались без обыкновенного погребенія. Тѣ ж гайдамацкія шайки называют себя запорожскіми козаками, но в самом дѣлѣ есть не запорожцы, но сущіе с простых Польской области на Украинѣ живущих мужиков, также винокуров и обитающих в турецком городе Очаковѣ и других оного околичностях ардатов. Сказуют же они, якобы имѣют у себе на искорененіе в Польшѣ ляхов и жидов нѣякоесь указное повеленіе. Сей имянующійся полковник Железняк имѣет управительную резиденцію над оным городом Уманью и цѣлою Уманською губерніею, и всякіе между тамошними жителями расправы производить. И егда к ему з города Умани обыватели пришед, требовали от его избранія начальников, то он, Железняк, объявил им, что будто послал от себе в Кіев к командующему

тамо генералитету письмо о присылки отътуду к ним потребных начальников, но с отъѣзда их (Порламанного и Бочки) с Умани, чтобы посланные возвратились, не слыхали. Который имянуючійся полковником Железняк им, Поламанному и Бочкѣ, на проход до Сѣчи Запорожской в промыслѣ купеческом и билетом снабдил, по коему они с пропуска на россійской границѣ чрез Орельскій форпост приѣхали в Сѣчь.

Джерело: Архів Ленінградського відділення Інституту історії Академії наук СРСР, ф. 200, оп. 3, спр. 215, №2. Копія.

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ ГАЙДАМАЧЧИНЫ

В первой половине текущего столетия в числе киевских деятелей, трудившихся на поле науки и положивших большие заслуги для научного описания края, одно из самых почетных мест занимает Иван Иванович Фундуклей, бывший в сороковых годах киевским гражданским губернатором. Несмотря на многочисленные занятия, сопряженныё с его служебным постом, И.И.Фундуклей находил возможность уделить значительное количество времени на научное изучение вверенной ему губернии. Результатом его научных трудов были три капитальные сочинения: 1) Статистическое описание киевской губернии (3 тома). – Киев, 1852. 2) Обозрение могил, валов и городищ киевской губернии. – Киев, 1848 и 3) Обозрение Киева в отношении к древностям. – Киев, 1847. Последнее сочинение, составляющее в настоящее время библиографическую редкость, издано было весьма роскошно и украшено многочисленными видами и рисунками киевских древностей. По плану издателя, вышедшее "Обозрение Киева" составляло только первый том задуманного издания. Второй том должен был заключать такое же "обозрение в отношении к древностям" киевской губернии. И.И.Фундуклей вполне закончил этот труд; он составил полный текст сочинения и собрал альбом, состоящий из 52 планов и рисунков, назначенных для его иллюстрации. К несчастью, сочинение это не было издано вследствие перехода автора на службу из Киева. Заготовленная рукопись была передана автором известному ученому М.А.Максимовичу, после смерти же последнего при распродаже его библиотеки, рукопись Фундуклея была приобретена киевским университетом для библиотеки музея древностией.

В сочинении И.И.Фундуклея кроме географического и топографического описания городов, местечек и исторических местностей киевской губернии, кроме многочисленных сведений о памятниках древности доисторической и исторической, находящихся в пределах губернии, помещены народные предания и целые рассказы, записанные из уст старожилов, об исторических событиях прошлого столетия. Рассказы эти, записанные 50 лет тому назад из уст

людей, которые в молодости были сами свидетелями рассказываемых событий или слышали их от непосредственных участников, представляют богатый исторический материал для характеристики как самих событий, так и отношения к ним народа. За сохранение этих рассказов, вероятно исчезнувших уже из народной памяти, или, по меньшей мере, выветрившихся и потерявших характер живого непосредственного воспоминания, нельзя не принести глубокой благодарности памяти почтенного ученого.

Мы приводим целиком в том, виде, как они внесены в рукопись И.И.Фундуклея, четыре такие народные рассказа, записанные около 1840 года от старожилов города Черкасс и м.Медведовки. Рассказы эти относятся к характеристике гайдамацких набегов, к преследованию православного духовенства униатами и к истории подготовления колиивщины.

О наездах гайдамаков на здешние окрестные места во время колиивщины сохранились в Черкассах живые воспоминания. Рассказы о том стариков мало заключают в себе исторических фактов, но разительно изображают характер эпохи, устройство городов, взаимные отношения сословий и характер самих гайдамаков, так неполно и ошибочно понимаемый нашими писателями. Здесь приводятся некоторые из этих преданий, любопытнейшие и рассказанные в том же тоне, в каком передаются самим очевидцами.

I

"Губернатор черкасский Раковский услышал, что гайдамаки грабят одного человека Шрама, а тот Шрам держал у него на аренде корчму в Русской–Поляне, вот он, услышавши, что Шрама грабят, поехал его защищать, а один гайдамак, не допустивши его к аренде, выстрелил в окно из ружья и убил его, так они сами закололи того гайдамака: "О, вражий сын, говорят, погубил доброго пана", да и закололи того гайдамака! До сих пор стоит над губернатором крест в Русской Поляне; а потом был губернатором пан Сельский, так и при этом же губернаторе приехал раз в Черкассы атаман Шило, с ватагою, душ может быть с сотню, меня тогда еще и на свете не было, а рассказывал все это покойник отец мой; при-

ехали, говорит, они под браму (черкасского замка) да и кричат, чтобы отворили, а губернатор испугался и велел отворить, хотя в замке было не без народу; а я, говорит отец, был на то время дома (т.е. в самом городе); прибегаю к замку, но меня уже не пускают; я к частоколу; смотрю сквозь щель: губернатор стоит на коленях перед Максимом Шилом, а тот сидит на коне, как раз на супротив меня и читает ему указ, будто бы царицы, чтоб резать всех ляхов и жидов на Украине до ноги, чтобы их и духу не было, а я себе думаю: постой лишь, я тебе дам не такого указу! Да просунувши в щель ружье, только что хочу выстрелить прямо ему в грудь, а конь махнет головою, так и нельзя потрафить; я опять обожду, пока конь потупит голову, да опять только что хочу выстрелить, так он опять и махнет головою, а летнее, знаете, время, как раз перед Троицей, так мухи коня кусают".

Так вот прибегает тоже с города полковник войсковой Ацына Францишек: "Бога бойся, – Омелько! не стреляй; – пойдем сперва разузнаем".

Пошли, стали стучать, отворили нам ворота.

Вот отец поднял под руки губернатора и говорит:

– Встань, пане, что это ты перед ледащим делаешь?.. Да вы их не слушайте, – говорит козакам, – это гайдамаки, перестреляем их, вражых сынов.

Губернатор и встал, а Максим (Шило) говорит отцу: "Что ты за человек?"

А отец говорит: "Кого тебе нужно?"

– Ты, видно, Омелько Судиенко?

– Так, Омелько Судиенко.

А батько был первый в губернии стрелок, потому Максиму и сказано: берегись, Максим, Омелька Судиенка, тот человек сгонит тебя со свету.

Вот Максим и говорит отцу: "Не стреляй же, брат, того молодца свинцовою пулею, а стреляй серебряною!"

А отец говорит: "Моли Бога за пана полковника, а то до сих пор и от свинцовой не сидел бы на коне, да еще молись Богу за то, что конь головою махал: переколем, говорит, их панове!

Вот наши заходились возле гайдамак, а Максим и говорит: "Что ж панове, что из того будет, что вы нас переколете; нас много есть, так переколют и вас; я не по своей воле приехал; меня послали, а посланного не бьют.

Наши подумали, подумали, да и выпустили их.

Гайдамаки остановились на квартире у Андреевца возле Троицы, а потом присылает Максим козака с запискою в замок, просит губернатора выйти за калитку для тайных переговоров. Губернатор вышел без оружья, а отец мой с ним при пистолетах.

– Не знаю, – говорить, – что мне и сказать своему начальнику.

– Выедь, – говорит, – ты из Черкасс, так я скажу, что дома тебя не застал.

Губернатор послушал да и выехал, а гайдамаки перебили с водкою бочки, ограбили богатых жителей, да и потянулись из Черкасс.

II

Гайдамаки приходили в Черкассы раз пять, иногда днем, иногда ночью, иногда большою, а иногда маленькою толпою. Раз ехал Тышко Герасименко с мальчиком из ярмарки, как смотрит, – по Медведовской дороге едут на конях, и вот прибегает к возу козак: "Что за люди?"

– Из Черкасс, были на ярмарке.

Козак возвратился к атаману и дал ответ; тогда атаман прислал уже двоих гайдамак.

Вот, говорит Герасименко, взяли они меня, да и связали поясом, а мальчику велели погонять лошадей; едем с ними до самого города, приехавши близко, остановились; атаман сейчас: "С коней!"

Все и посходили с коней.

– Припадайте к земле!

Припали все ниц, и мальчик встал с повозки да и себе прилег к земле, а я лежу связанный на повозке, да и смотрю, а он себе что-то там ворчит, ворчит; – видите, колдует: "Будет неудача!", а потом: "Вставайте!"

мальчик еще за городом встал с воза, да и пошел себе, а им и нужды мало.

Едем, говорить, прямо к Дриге, а Дрига жил насупротив того двора, где теперь городничий; оставили воз за воротами; один тотчас перескочил через частокол и отворил ворота, а я, говорить, лежу в повозке и видать мне все это. Вот гайдамаки вырубили огня, а один взлез на угол, пролез по под кровлею и отворил двери. Я ж, говорить, давай сунуть с себя пояс; развязался и побежал, бросивши и лошадей, и повозку: добежал до колокольни, ударил раза три в колокола, да опять далее; бегу мимо дядьковых ворот; а дядько на то время случился на дворе: "Кто это такой? Это ты, Тышко?"

– Я, говорю.

– Чего ты бежишь?

– Прячьтесь, – говорю, – гайдамаки Дригу граблять. И ходять по двору на стороже дядько с своими, а к Дриге боятся идти, – такой страх был.

А гайдамаки положили Дригу на землю, да насыпавши ему пороху на спину, зажгли и драли скребницею, чтоб признался: "Где те червонцы, что заработал, гоняя, в Шленске волов?"; а меж ними, видите, был наемщик Дриги, так тот то все и высказал, и до тех пор драли, пока старуха не принесла горшка с червонцами.

В самую Петровку, именно в первый день, в понедельник приехало человек двадцать затяжцев на разведки, встретили Андреев и расспрашивают:

– Где тут такой то вот?

– Я, – говорит Андреец.

– Веди ж нас к себе на квартиру.

Зазвал их к себе на квартиру, послали к пану Сельскому в замок, чтобы дал им напитков; тот тотчас и прислал им, потому что все боялись гайдамаков; вот они пьют, да и говорят:

– Пусть вражий лях даёт, а потом свяжем, да и повезем в кош.

А они стояли тогда кошем целые сутки в Великим Курганах. Андреец же, услышавши это, скорее в замок:

– Берегись, – говорит, – пане, вот такое и такое дело.

Так пан Сельский заперся в замок, а гайдамаки повертелись-повертелись по под частоколом, да и воротились в кош.

А такой был шалений народ эти затяжцы, что бывало когда едет по улице и увидит где-нибудь в дворе человека, то выхватит пистолет, да и кричит:

– В хату, пулею, а то запалю!

Так человек склонится, да скорее куда-нибудь под навес.

...На другой день Петровки разнесся по Черкассам слух, что идет какое-то войско; мы ж тогда еще были детьми, так люди боятся, а нам и нужды мало; сказано: дети, побежим, что там за войско?

Побежали за Белозерскую заставу: в самом деле идет войско, такое настоящее войско. Впереди едет атаман на буланом коне, в красном жупане, шапка на нем сивая, сапоги сафьянные, пояс шалевой, за поясом пистолет, с боку сабля. Это был сам Максим Железняк; нестарый был еще человек; лет может быть сорока, а может быть больше, полный, круглолицый, хорош собою, небольшого росту, но плечист, усы русые, небольшие, за ухом оселедец, а за ним все по два в ряд с копьями и у передних пар копья с значками двойчатыми, так что половина значка белая, а половина красная, половина желтая, а половина черная или розовая, или синяя, а сзади всех идет человек с десять пешком без коней, а только поприжигали колья и идут; то уже были винокуры и подобные им, вступившие в гайдамаки.

Вот мы и стали возле дороги по правую руку, снявши шапки, а он, поравнявшись с нами, говорит:

– Здравствуйте, вражьи дети!

А мы говорим: "Здравствуй, пане!"

– А что вы, не орете?

– Нет пане!

– А мы ж от се почали жати!

Да й поехал в город тою ж улицею, где теперь старый базар, а потом по за панщиною, где теперь живет Ищенко, что служит в суде; и приехали они прямо к замку через мост, башня была отперта, я уже не знаю кто отворил ее; въехали в замок, сами стали в ряды, а копия поставили в козлы. Железняк крикнул: "С коней!"...

Вот они сошли с коней и привязали их возле конюшни у коновязи, а атаман (Железняк) с десятью что ли человеками пошел к покоям, навстречу ему вышло из покоев человек тоже с десяток, с

атаманом Буськом из Цесарской слободы; сняли перед ним шапки, он также подошел к ним, снял шапку, да тотчас и надел, а они все перед ним без шапок стояли.

– Здравствуйте, – говорит, – козачество!

– Здорово, атамане-батько!

– А где ваш атаман?

Вот атаман и вышел к нему из толпы без шапки таки, а он и себе шапку снял, обнялись, поцеловались: "Ну, просите ж на квартиру!"

Пошли в покои.

А пані уже давно убрались на тот бок Днепра еще тогда, когда услышали от Андрейца, что гайдамаки хвалятся их перевязать. Отбили кладовую топором, ищут, чего им нужно, а человек семь затяжцев пошли в аренду, а мы дети: "Пойдем, пойдем за ними".

Вот один схватил где-то топор, да по замку – трах!.. Замок так и рассыпался, тогда давай рубить у бочек обручи, водка так и полилась из амбара по косогору, а женщины сгребают песок, да и останавливают ту водку, черпают горстями и льют в горшки сквозь наметки; гайдамаки ж не трогали женщин и бедных людей, только богатых грабили – ляхов и жидов резали.

Вот я, посмотревши на это чудо, прихожу домой и узнаю, что отец уехал в лес с двумя работниками, а дома осталась одна мать, да работник Сидоголовка, прихожу в хату, а мать плачет.

– А где батько?

– Уже, сынку, поехали!

Как в это время батько, не знаю уже зачем, раздумался что ли, воротился из-под самой горы от церкви; только что выпрягают лошадей, как и идет реестровый, городской казак Головка, ведет в двор двух гайдамак, да и говорит: "Говорят цехмистер, что у вас есть сапоги сафьянные, которые вы работали для панов?"

– Нету, – говорит, – я работал, да давно!

Вот и повели в замок, к самому Железняку. Отец после уже рассказывал, что, говорит, как только вошли в покои, то я и увидел, что Бусько-атаман спрятался за перегородку, а Железняк говорит: "Ты цехмистер сапожнический?"

А я говорю: "Я, пане!"

– У тебя есть сапоги сафьянные, которые ты делал для панов?

– Делал, атамане, да давно, а теперь нет!

А Бусько из-за перегородки и шепчет что-то, а Железняк и ухо приложил, да говорит: "Не знаю, кто лжет, тот или другой? Ну, ступай себе!"

Отец скорее домой, да за лошадей, да со двора, поехал с двумя парубками в лес и там драли лубки, пока гайдамаки убрались з Черкасс.

Когда отец уехал, я хожу по хате, а работник Сидоголовка Яков шьет сапоги, сидя против окна, а мать тоже что то делает, как вдруг гайдамаки, идучи мимо окна:

– Пугу!..

А работник был когда-то на Запорожье, то и отвечает ему: "Козак з лугу!"

Как вот и идут в хату два запорожца с Головком Иваном и один, ставши на пороге в хату, из пистолета – бух! Мать так и затряслась, а другой гайдамака и говорит: "О, вражий сыну, испугал молодицу!"

– А ну, – говорит, – отворяй нене, комору. Бусько говорил, что именно есть сафьянные сапоги.

Отворили.

– Отмыкай сундук!

Отомкнули.

Копались-копались, ничего не взяли, не нашли сапог и ушли себе.

Когда ушли, то работник Сидоголовка опять сел и начал оканчивать сапоги, как приходит еще один, в жидовском кафтане, на груди и не сходится и в кожаных лаптях: "Кому это ты сапога шьешь?"

– Себе!

– Ну лишь, – говорит, – дошивай!

Да и сел на лавке и ожидал пока Сидоголовка дошил.

– А что, дошил?

– Дошил.

– На ж тебе эти лапти, а я надену твои сапоги, а ты себе сошьешь!

Надел и пошел себе.

III

Между рассказами жителей о минувшем и в песнях народных случается здесь слышать о бедствиях, потерпевших малороссиянами за веру и противодействие унии. Один из рассказчиков о гайдамаках, говорит, что вскоре после Колиивщины, может быть в том самом году, в Черкассах в Николаевской церкви был священник Остап Коряк. Поляки и стали его подговаривать, чтобы он ехал в Польшу, да высвятился на унию.

Он и поехал, высвятился и воротился уже униятом; вот в Троицкой церкви благочестие, а у нас уния; лет, может быть, уже несколько, но когда пойдут бывало наши в какой-нибудь монастырь говеть, то монахи нас наводят на путь: "Избунтуйтесь", говорят, "Да добийтесь к преосвященному, так будет и у вас благочестие". А эта епархия зависела тогда от Переяслава. В Переяславе ж был преосвященный Гервасий; вот отец мой и поехал туда с работником Шпаком. "Ваше Преосвященство, мы приехали просить, пусть будет и у нас благочестие, как у людей, а то у нас уния, которой мы терпеть не можем".

А преосвященный и говорит:

– Дети мои! Просите Коряка, пусть ко мне приедет, так я поблагословлю его на благочестие.

А отец говорит: "Святой Владыко, мы все его громадою просили, но он не верит; тогда, говорит, будет у вас благочестие, когда у меня поростут волосы на ладони.

Вот преосвященный и говорит: "Люди добрые, обождите же, он опомнится да поздно; едьте, говорит, детки домой, а священник вам будет".

В Ревовке же был тогда молодой священник – Максим Левицкий; ляхи его мучили, жар за сапоги сыпали, чтоб согласился на унию но он не согласился и ушел в Переяслав к преосвещенному; там его отец и видел; да также в Переяславе был тогда у преосвященного и ктитор из Млеева; он взял польский антиминс из церкви и привез к преосвященному; так отец мой и того там видел.

Вот, когда сказал преосвященный, что едьте детки домой, а священник вам будет, то отец и поехал назад с Шпаком, а тогда

перевоз через Днепр был только в Сикорной, да в Довмонтове, заплатишь было индукту, так и пропустять; вот мой отец и едет в Довмонтов, а как тут от брата посланец. Брат предостерегает его: "Пусть, – говорят, – "не едет в Черкассы: тут уже ляхи проведали где он был, так караулят на дороге, чтоб его поймать.

Вот батько скорее с Шпаком в Богушкову слободку, да нанял там рыбака, да заплатил, чтобы его перевез тайно на сию сторону, а лошадей и Шпака там оставил.

Приходит домой, а тут беда, ищут его ляхи, чтобы погубить вот он к зятю, да и жил там с месяц, в хлеве, пока все утихло.

Когда утихло, то и стал отец уже жить дома, но все еще побаивался, как вот раз присылает за ним пан швадронистый (начальник эскадрона), а тогда у нас в Черкассах команда стояла, так отец ладунки обшивал. Вот он и пошел к тому швадронистому, именно на то место, где теперь присутственные места стоят.

– Прихожу, – говорит, – я туда, когда ж смотрю: привезли млиевского ктитора, которого я в Переяславе видел; руки назади связаны, а сам он привязан к повозке. Я как увидел, так и обмер; думал, что и меня затем призвали, как вот выходит швадронистый: "Ну, цехмейстер, смотри, чтобы к середе были ладунки!"

– Будут, вельможный пане!

А он: "Иди ж", говорит, "да чтобы были".

– Вот я, – говорит, – скорей оттуда! Нехай вам бис!

А ктитора того повезли в Млеев, да там, где возле Млеева есть гребелька и вербы, повесили его на вербе за руки и всячески мучили; обмотают коноплями, обольют смолой да и зажгут, а потом, замучивши, отрубили ему голову и выставили на выгоне, на высоком колке; но ночью кто то украл ту голову и отвез в Переяслав к преосвященному, так преосвященный начал еще больше стараться, чтобы было благочестие.

IV
Мотронинский монастырь

Мотронинский Троицкий (мужский) монастырь, находится в Чигиринском уезде, на возвышенном месте, расстоянием от Киева

по прямой дороге в 170, а от Чигирина – в 40 верстах. Он с четырех сторон окружен древним, великим крепостным валом, заросшим устарелым уже лесом. Вал этот имеет в окружности 1750 саженей. Лес, окружаюший монастырь, назывался по имени когда-то бывшей владетельницы Мотронинским, а по лесу и монастырь получил название.

О построении в сем месте Мотронинского монастыря по грамотам только известно, что оный возобновлен по благословению киевского митрополита Іоны Протасевича в 1568 году и утвержден универсалами гетманов Петра Сагайдачного и Петра Дорошенка, 1620, 1621 и 1671 годов, но в 1679 году, во время занятия города Чигирина турками, сожжен и вовсе разорен. После чего вновь построена в нем церковь, по благословению киевского митрополита Гедеона Святополка (князя Четвертинского) в 1685 году, по универсалу чигиринского старосты князя Яна Станислава Яблуновского, и с того времени существует до ныне.

Мотронинский монастырь в 1768 году был главным гнездом гайдамаков. Один из стариков здешних рассказывает, что, когда собрались гайдамаки в Мотронинском лесу, то сделали себе сечь. Выбрали такое место, что с трех сторон пропасти, а с четвертой стороны поставили башню. Вокруг же обрубились лесом (т.е. засеками). Посреди сечи насыпали кучу денег, перекрестили ее ниткою и прибили ту нитку колышками к земле в четырех местах, и козак вокруг ходит. Это ж в одном байраке сечь, а в другом, на Байковой Луке, склик. Скликом назывался у них казан, висевший на дубу, и возле него молот, для того, что едва сделается тревога, тотчас прибежит козак и ну молотом валять, тогда уже все козаки сбегаются в место. А недалеко возле склика был значок, т.е. обозначенное вокруг место где паслись кони. А от значка верстах в трех к Жаботину было Гульбище, на высокой могиле, так, что когда взойдешь на нее, то весь Жаботин как на ладони видать – сойдутся, бывало, на ту могилу, разговаривают, в карты играют, песни разные поют. Редко бывало, чтоб никого там не было.

Рассказывает, бывало, покойный наш Гладкий, что гайдамаков пришло из Сечи Запорожской в Мотронинский монастырь сперва

только три, будто бы на поклонение, и притворились они народом ничтожным, ходят, бывало себе, сгорбившись. Один из них пошел в Лебединский монастырь, назывался Демьяном Гнидою, а другой, по прозванию Лускониг, пошел в Мошенский монастырь, а третий, Шелест, остался здесь в Мотронинском монастыре послушником. Живет, говорит, года два, и все делает копья, закупает жупанки (кафтаны), шаровары, шапки, сапоги, и когда спросит его кто-нибудь: "На что это брать?" – "Это", говорит, "я пошлю на Сечь Запорожскую подарок, потому что все это там дорого, а народ беспрестанно умножается, так терпят недостаток в одежде".

Мы тому и верим; думаем, что в самом деле это он хочет послать на Сечь подарок. Только однажды иду я, говорит, в церковь в Мотронин монастырь, смотрю, стоит он, тот Шелест, на тропинке, именно на Спасовом яру, и уже в жупане. Прежде бывало ходит в старенькой свиточке (зипуне), а теперь уже на нем жупан, синие штаны, шапка хорошая, сабля у пояса, за поясом пистолеты – все совершенно! "Здоров", говорит, "брат Антон!"

– Здоров!

– Приставай, – говорит, – в козаки.

А я говорю: "Что ж? у меня есть и отец и мать и братья, будут меня бранить".

– Да приставай, – говорит. – У нас будет хорошо, у нас так будет, что мы во веки козаками будем.

А мне страшно, я и говорю: "Нам и без того хорошо".

– Да приставай!

Я еще таки боюсь.

А он: "Иди-но к повозке".

Иду, глядь – и повозка стоит, а возле повозки лях и жид лежат связанные. Я как посмотрел на них: э, это ж уже что-то недоброе, когда вяжут! И взял меня страх еще больший.

А он тянет из повозки бочонок: "Пей", говорит, "водку!"

А я говорю: "Что ж, брат? еще рано, еще только в церковь поблаговестили".

– Да пей, брат, – говорит. – Один тому час, что невестка в плахте.

Как пристал, как пристал ко мне с просьбами, я, нечего делать, выпил немного.

– Пей еще!

Я еще выпил.

– Приставай, брат, – говорит.

– Но я все таки боюсь. Тогда он насыпал на ладонь пороху, да растер с водкою, да как потер по лицу, то такая вдруг взяла меня охота, что только дай в руки пику, то кажется пошел бы, да и душил всякого.

Он тотчас мне жупан, саблю, пистолеты привязал, нарядил меня совсем по-козацки и пику дал.

– Пойдем же, – говорит, – за клен, да там и стой, и кто б ни шел, кто б ни ехал, бери и вяжи.

Пошел я, говорит, за клен, только гляжу, а козаки везде уже и стоят по за деревьями.

А он, видите, хотел, чтоб никто не известил команды в Жаботине. Поставил меня: "Смотри ж, хорошо карауль, чтоб никто ни прошел, ни проехал".

Вот я постоял там немного, пока тот чад прошел, да потом одумался, да скорей домой. Прибегаю я, батько: "Где это ты был?"

– Беда, – говорю, – тато! Шелест козаков уже собирает!

Вот батько побранил меня немного, да и говорит: "Спрячься ты, вражий сын, а то будет тебе от него беда!"

Вот я как пошел прятаться, то прятался целых три года.

А Шелест, когда проведал, что команда о нем уже знает и пошла на Ведмедовку, на Писарскую Гать, то собрал на самую святую неделю, двести козаков, да прямо в монастырь. Но удивительно, откуда явились вдруг те козаки, где они лошадей набрали и всего? А народ только что стал из церкви выходить, как эти (гайдамаки) ему на встречу. Народ так и бросился из монастыря: – Э, это ж гайдамаки!

А Шелест стал гулять с козаками. Музыка, песни и танцы! Монахи ж ничего им; сидят себе в келиях, потому что давно еще об этом знали. Еще как только Шелест пришел в Мотронинский лес, а там тогда были великие трущобы, густота была непроходимая, и жил в лесу один монах, то он сказал тотчас тому монаху:

– Иди, – говорит, – себе отсюда, отче; тут тебе не жить, потому, что тут козаки будут, тут будет такое, тут будет такое.

Вот монах и удалился с того места.

Ну, погулявши Шелест с козаками, и повел их в сечь. Там они обрубились и жили года три. Поедет бывало их человек десять, пятнадцать, да схватят какого-нибудь человека и давай мучить, чтоб говорил у кого есть деньги или хорошие платье, да ночью придут и грабят, так что каждую ночь бывало народ переходит с имуществом спать в бурьян, однако ж и в бурьяне находили.

Команда ж к ним не приходила, потому что и сама боялась. Да сколько там и команды той было!

Вот , когда собралось их в каждом монастыре по триста человек, тогда и Залезняк приехал из Запорожья, да собравшись все вместе, девятьсот человек и двинулись в Польшу. Пришли к Уманю, а там была ярмарка, да как увидела, что идет Залезняк, то и заперлась в замке. А они (гайдамаки) замок взяли и вырезали всех ляхов и жидов. Говорил мне Лопата, а тот Лопата был три года слугой при Залезняке, так говорил, что вот как (показывая за косточку ноги) из замка кровь текла.

Вот, когда завладели Уманем, то и поставили везде свой караул. Вдруг едут два донца: один, по-видимому, из старшины, а а другой простой. Залезняк принял их как гостей, угощает так, что ну. Как вот, немного погоди, едут опять три донца. Он и тех принял. Как едет уже человек пять гусар. Тогда он и догадался уже, что беда будет, да и зовет Лопату, своего слугу, а это сам Лопата и рассказывал мне:

– Иван, – говорит.

А я, говорит, говорю: "Чего, батько?"

– Поди ко, – говорит, – сюда.

Я и пошел, этак из-за печки в графских домах. Вот он расстегнул кафтан, расстегнул кожаный пояс вокруг себя, набитый червонцами. "На", – говорит, – "тебе этот пояс, если вывезешь, то будешь меня вспоминать".

– А вы ж, батьку?

– Э, – говорит, – мы тут пропадем.

Уже догадался, сердечный, говорю: "Как же я отсюда выеду?"

Говорит: "Возьми моего коня и веди к водопою. Если спросят тебя, куда идешь, то ты скажи, что поведу батькова коня поить, так они и пропустят".

Выглянул я на двор, а уже вяжут гайдамак. Свяжут двух за руки, спинами один к другому, да и мешок земли на руках положат; то они бедные и стоят так, по два вместе. А я взял коня и веду. А уже везде московская стража стоит и спрашивают у меня: "Куда идешь?"

– Поведу, – говорю, – батькова коня поить.

Вот они и пропустили.

Напоил я коня и вот уже мне нужно уходить. Но так мне жалко его (Залезняка), думаю себе – ворочусь!

Только что выбрел из воды, как бежит из города козак, уже на жидовском коне: "Куда?"

– Поведу батьку коня.

– Уже, – говорит, – батька чорт взял, и тебя возьмет.

Да рванул у меня из рук того коня, а мне бросил жидовского.

– Давай, – говорит, – уходить!

Бросились мы уходить, а за нами два донца, и гнались от полудня до самой ночи, да уже возле самого Тального потеряли нас в лесу. А мы ехали домой двое суток, блудили все по захолустьям и ничего не ели. А везде уже стоит стража; ловят гайдамак. Приехали ночью к Калным Болотам, а козак и говорит: "Постой лишь, я тут брод знаю" (чрез речку Гнилый Тикич).

Стали брести, а кони в воде заполоскались, так тут за нами: "Лови! Лови!"

Мы по лошадям, а козак хотел пику поправить, да как подпер меня под пояс, так и перерезал; пояс в воду только брязь! Пропали деньги!

А мы, вскочивши в лес, легли на коней и только ногами понуждаем, неси куда хочешь! И приехавши домой еще долго скрывались.

Так то когда-то деялось. Лопата тот давно уже умер, и слух замолкнул о гайдамаках. Но однажды был я в Монастырище, а за Монастырищем есть глубокие ямы. Вот я остановился, да и смотрю: чтоб это за ямы были?

Гляжу, идет старый человек: "Диду, говорю, что это за ямы?"

– А ты, – говорит, – разве не знаешь?

– Нет, – говорю, – я издалека, из самого чигиринского уезда.

– Вот это ж, – говорит, – ваши чигиринские гайдамаки лежат. Тут их казнили девятьсот, и когда навалили землею, то кровь из ям била вверх высотою в человека. А видишь ты три креста вон стоять? То лежат их предводители. Там расстреляли Шелеста, Лусконога и Гниду.

Джерело: Киевская старина. – 1888. – №11. – С.307-325.

Костомаров Н.

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ КОЛИИВЩИНЫ ИЛИ РЕЗНИ 1768 Г.

В то время, когда в России царствовала Екатерина II, в Юго-Западном русском крае, пребывавшем еще под властью польской Речи Посполитой, происходило гайдамацкое движение, разразившееся в 1768 году страшною уманской резнею. Последнее событие, на первый раз, представляется как бы отдельным эпизодом в истории южнорусского народа. Так на него долго смотрели и многие искали причин этого события в ближайших к тому времени явлениях, и действительных, и вымышленных, никогда не происходивших. Польские историки обыкновенно взваливали вину, главным образом, на русскую политику того времени и давали веру басне о том, будто императрица Екатерина II через своих агентов рассылала манифест, которым разожгла против поляков южнорусское простонародие, исповедующее, наравне с целым народом русским, православную (или, как ее называли поляки, схизматическую) религию.

Русские исследователи опровергали эту басню. Соловьев (Истор. Росс., XXVII. – С. 307), опираясь притом на свидетельство одного польского писателя, указал даже лицо, сложившее подложный манифест от имени русской государыни. Между тем этот документ везде в Европе почитался за подлинный манифест русской государыни и с таким же значением был во французском переводе напечатан в Сборнике Ангенберга, заключающем дипломатические акты, относящиеся к Польше. В Киеве в 1879 году издана была книжечка: "Уманская резня". Это перевод известного в польской литературе мемуара г-жи Кребс, которая в своем детстве была свидетельницею уманского события, ставшего трагическим для ее родителей да и для ней самой. Переводчик, г.Рева, в своем предисловии к издаваемому переводу, критически разобрал этот манифест и доказал неоспоримо его подложность. В последнее время (Киевская Стар. 1882 г., месяц май. – С.308-310) напечатан подлинный манифест императрицы Екатерины II, от 9 июля 1768 г., распространенный тогда же на польском языке между жителями Речи Посполи-

той. В нем русская государыня извещала всем, что ходившие под ее именем указы – подложны, никто от ней не посылался поднимать ее единоверцев против сограждан иных вероисповеданий, и те, которые выдают себя за отряд низового запорожского войска, будто бы отправленный по ее воле – не более как воры, разбойники, нарушители общественного спокойствия, а потому будут, после их поимки, подлежать каре. Обещалось помилование только тем из них, которые, раскаявшись в своих преступлениях, окажут участие в поимке зачинщиков и будут представлять пойманных ближайшим войсковым командам. Нет ни единого несомненного исторического свидетельства, подающего хотя бы только намек на подущение южнорусского простонародия со стороны русской государыни, однако, ни отсутствие верных исторических свидетельств, ни явная несостоятельность документа, на котором основывалось обвинение, не могут до сих пор выбить из головы у польского общества уверенности в участии России и ее государыни в этом деле. Поляки всегда готовы приписывать влиянию Москвы и москалей все дурное, испытанное Польшею в прошедшие времена, не исключая даже и таких времен, когда не существовало Москвы. Так, православие называют поляки московскою верою и готовы сами верить и других уверять, что приверженность подвластного им русского народа к православной или восточной вере была известна и подогревалась москалями; поляки не хотят знать, что в южной и западной Руси еще прежде, чем эти края очутились под польской властью, господствовала православная вера греко-славянского обряда, и то было еще тогда, когда Москвы и в помине не было; а следовательно приверженность народа к вере своих предков естественно могла проявляться без всякого постороннего воздействия. При существующем настроении польского миросозерцания не удивительно, если в таких вопросах, как восстание южнорусского простонародия против польского шляхетства, поляки хватаются за всякое обвинение против России, вовсе не заботясь подвергать его критике, и, раз усвоивши его себе, с трудом от него отстанут. Кроме патриотических предубеждений, отчасти поддерживает неверные взгляды и скудность числа изданных верных источников, которые бы могли пролить более света и установить правильные воз-

зрения. Правда, в издаваемом киевскою археографическою комиссиею Архиве Юго-Западной России напечатано уже немало документов, относящихся к состоянию в южной Руси в XVIII веке и даже специально к гайдамачеству, с превосходными исследованиями, составляемыми на основании печатаемых документов и прилагаемыми в качестве предисловий к каждому тому издания. Но издание Архива Юго-Западной России не дошло до 1768 года, до эпохи, когда происходила уманская резня. Тем не менее однако, изданные до сих пор документы, относящиеся к XVIII веку достаточно уже показывают, что событие, совершившееся в 1768 году, неизбежно должно было состоять в непосредственной связи с целым рядом такого же рода событий, происходивших в предшествовавшее время. Оказывается, что борьба южнорусского народа с Польшею, начавшаяся уже давно и проявившаяся резко в половине XVII столетия эпохою Хмельниччины, не окончилась в XVII веке, а перешла в восемнадцатый век. После смерти Богдана Хмельницкого Украина правой стороны Днепра, вследствие возникших там усобиц, попала снова под власть поляков, но южнорусский народ не хотел оставаться под ненавистною для него властью и энергически восставал против нее, опираясь на помощь со стороны московского государства. Скоро, однако, московское правительство заключило перемирие с Польшею и формально, по договору, уступило Польше Правобережную Украину. Покинутое своими покровителями тамошнее козачество металось само не зная, что делать, подпадало под управление разных своих же гетьманов, споривших между собою за власть, отдавалось даже турецкому султану, лишь бы не быть под властью поляков, и тогда южнорусский народ, спасаясь от ужасов, раздиравших его отечество, стал толпами убегать за Днепр и селиться на землях, принадлежавших московскому государству. Таким образом заселилась слободская Украина, а Правобережная Украина все пустела и пустела и, наконец, совершенно опустела. Остались южнорусские жители в так называемом Полесье, на Волыни и в северной части Подолии, да в Червоной Руси, состоя под властью Польши, находясь в зависимости, иные же и в полном порабощении у польского шляхетства. Край, лежавший к востоку от этих стран, собственно, Украина козацкая, занимавшая

пространство значительной части нынешних губерний киевской и подольской, сделался почти безлюдною пустынею.

Но не долго приходилось этому краю оставаться в таком состоянии. Уже в конце XVIII века возникло у малорусского народа стремление населять эту пустыню, хотя еще недавно покинутую своими прежними обитателями, но все-таки снова приманивавшую к себе и плодородием своей почвы, и благодатным климатом, и раздольным привольем. Русское правительство сдерживало побеги народа как из левобережной Украины, так и из Слободской. Однако Правобережная Украина год от году все более и более заселялась пришельцами из этих стран. Новосельцы являлись туда с унаследованною от отцов и дедов неприязнью к польскому шляхетству, а попытки поляков распространить на них свою власть и водворить между ними прежние порядки привели к кровавым столкновениям. Вспыхнуло восстание южнорусского простонародия против польского шляхетства не только в Украине, заселявшейся вновь, но и в тех краях, где оно не переставало пребывать под шляхетскою властию. Восстание это вызвано было появлением козачества, недавно возродившегося, разгорелось в 1702 году, было укрощено свирепыми мерами, но не было погашено совершенно. В 1711 году Украина козацкая, находившаяся в каком-то неопределенном состоянии, как бы в чересполосном владении России и Польши, населенная козаками, которые по своему званию подчинялись регименту малороссийского гетьмана Левобережной Украины, была окончательно уступлена от царя Петра Польше. Всем тамошним козацким старшинам и рядовым козакам дозволялось с своими семьями и движимыми имуществами переселяться на левый берег Днепра и каждому, по своему желанию, водворяться в каком-нибудь из козацких полков левобережной гетьманщины, или в каких-нибудь иных краях, находящихся под властью царской державы (Арх. Юго-Зап. Росс. – Ч.III. – Т.I. – 757), тогда русским государем польской Речи Посполитой. Некоторые из тамошних козаков воспользовались дарованным дозволением и переселились в царские владения; другие остались на местах прежнего жительства и подпали под власть шляхетства, начавшего тотчас же утверждать свое господство в новоприобретенном крае.

Польские паны в Украине захватили пустые земли; для ведения хозяйства им нужна была рабочая сила, и они стали зазывать к себе насельников, привлекая обещаниями льгот и разных выгод. Украина стала тогда заселяться снова еще раз и все люди того же южнорусского происхождения, к которому принадлежали и прежние жители этого края. Новосельцы приходили на селитву, привлекаемые панскими обещаниями, но с тайным недоверием к этим обещаниям и с неприязнью в сердце к польскому шляхетству. Такое недоверие с тех пор и до настоящего времени осталось типичною чертою южнорусских поселян того края. Не могла скоро испариться неприязнь к панам-ляхам, напротив, она стала еще развиваться, потому что польские паны не оставили прежнего способа обращения с подвластным южнорусским народом, отдавая его в волю арендаторам доходов своих, а эти арендаторы были обыкновенно иудеи. Не покинули паны и своего заветного католического фанатизма и стали по-старому пытаться вводить в народ унию. И вот – опять открылась борьба южнорусского простонародия с польским шляхетством. Борьба эта явилась теперь в новой форме. Эта форма была – гайдамачество. Оно, по характеру и приемам своей деятельности, походило на прежнее козачество, но отличалось от него отсутствием сословной солидарности. Сначала гайдамачество дало себя знать в краях волынском и подольском еще до передачи от царя Петра Украины Польше: оно было тогда непосредственным продолжением неугашенного восстания 1902 года. Не переставали возникать ватаги "своевольных гультаев", составлявшиеся из порабощённых шляхетством поселян, к которым приставали мещане и всякие пришельцы, между прочим даже и люди шляхетского происхождения. В польском обществе почти всегда господствовало построение и происходили явления своевольства. Не редко обыватель шляхтич, поссорившись с своим соседом обывателем, таким же шляхтичем, вместо того, чтобы начать против него судебный иск, нападал на его имение с ватагою, составленною из своих и чужих крестьян и разных "гультаев". При таких наездах происходили всякие бесчинства и разорения. То было в шляхетских нравах. В сохранившихся уголовных делах о гайдамаках зачастую попадаются имена лиц "урожоных", т.е. лиц шляхетского про-

исхождения в качестве участников и не редко предводителей гайдамацкой ватаги. Таким образом, шляхетство своими обычными наездами друг на друга само приучало подвластных ему холопов к самовольству и собственным примером дало им повадку расправляться и за себя путем насилия, а не путем закона, который в Польше вообще был малосилен.

С утверждением шляхетского господства в бывшей козацкой Украине, получившей прежнее административное наименование киевского воеводства, и в этом крае распространилось гайдамачество, и там нашло оно свой главный центр. Польские историки придают ему разбойничий характер. Оно и должно было иметь его, по крайней мере на первых порах. Гайдамаки были люди, недовольные тогдашним общественным порядком; их преследовали власти, и они по необходимости должны были скрываться в лесах и не быть разборчивыми в добывании способов к своему существованию, по крайней мере, пока не приобретут к себе и к своим целям сочувствия ее единоверных и единоплеменных обывателей страны. Но последнее случилось скоро, благодаря накоплявшейся все более и более вражде простонародия к шляхетству. Число гайдамаков увеличивалось в южнорусских краях, подвластных Польше, умножались их шайки большею частию панскими подданными, и меры к их истреблению для польского шляхетства становились все более и более затруднительными. По соседству с Украиной, на юг от нее, находилось Запорожье, край населенный воинственным братством того же южнорусского племени, всегда готовым откликнуться к народным страданиям единоверцев и единоплеменников и подать им помощь. Запорожцы приходили в прямое и непосредственное общение с гайдамаками, наполняли собою их ватаги и являлись часто предводителями и устроителями этих ватаг, как люди более опытные и искусные в войсковом деле. Борьба шляхетства с гайдамачеством готовилась превратиться в открытую борьбу двух национальностей: польской поработительной и порабощенной южнорусской, искавшей себе освобождения. В Украине правой стороны Днепра зачиналось снова возрождение дважды убитого козачества. Эпоха этой борьбы изображена в изданных киевскою археографи-

ческою комиссиею документах под редакциею профессора В.Б.Антоновича (Арх. Юго-Зап. Росс. – Ч.III. – Т.II).

"Гайдамачество", говорит достопочтенный профессор в предисловии к изданным документам, "сделалось, как бы нормальным явлением в быту юго-западного края: крестьянское население сливалось с ним все более и более; количество крестьян, поступавших или состоявших в связи с ним, постоянно увеличивалось; становилось очевидным, что гайдамацкое движение, раньше или позже, должно охватить массу народонаселения, если не изменится порядок общественного строя. Такая минута, казалось, пришла было в 1750 году и только благодаря несвязанности и разрозненности действий гайдамацких отрядов и отсутствию сколько-нибудь ясной постановки ими вопроса удалось шляхетству на этот раз предотвратить катастрофу теми экстренными мерами, какие были приняты военными начальниками, шляхетскими сеймиками и особенно, по просьбе последних, русскими пограничными властями" (стр.124). Тогда весь юго-западный край был покрыт многочисленными гайдамацкими отрядами, разбегавшимися во всех направлениях и наводившими повсеместно трепет на дворян; последние должны были прекратить свои обычные занятия; они не могли вести хозяйства и не получали дохода с имений, из которых крестьяне или ушли к гайдамакам или могли призвать последних, если бы помещик стал настоятельно взыскивать панщину; они должны были отказаться от ведения судебных дел, так как проехать в "грод" было не безопасно, да и самые города, где помещались гродские суды, подвергались нападениям. В таком положении гайдамачество продолжало находиться еще в течении восемнадцати лет, и, наконец, в 1768 году, благодаря выгодно-сложившимся политическим обстоятельствам того времени, разразилось страшною катастрофою, носящею имя "Колиивщины" (С.126-128).

Несколько лет уже мы ожидаем выхода в свет нового тома актов о гайдамаках, который должна издать киевская археографическая комиссия. Этот второй том будет заключать документы, относящиеся к 1768 году, к эпохе уманской резни. В чаянии появления этого желанного издания не будет, надеемся, излишним, напечатание четырнадцати документов, касающихся означенной эпохи. До-

кументы эти доставлены нам от г.Поля, екатеринославского обывателя, известного в своем крае знатока местной старины, чрез посредство А.Л.Боровинского, которым обоим считаю долгом принести мою признательность за любезное и обязательное внимание. Кроме одного польского письма с русским переводом, сделанным в то время (№1), где убежавший от уманского погрома поляк описывает близкую к себе трагедию в своеобразных чертах, некоторые из помещаемых здесь документов относятся к личности Неживого, одного из предводителей гайдамацких ватаг, до сих пор известного только по голому имени. Этот Неживой сам лично не участвовал в уманской резне с Железняком и Гонтою, но расправлялся с поляками и иудеями в других жилых местностях Правобережной Украины, между прочим в Мошнах, Каневе, Медведовке и получить от обывателей этих городов свидетельства на письме о том, что он не причинил никому из них никакого оскорбления, а по их желанию освобождать их от поляков и иудеев, делавших им обиды. Неживый сносился с начальниками команд войска русской императрицы, расставленных в пограничных форпостах, излагал им в своих отписках причины, принудившие его взяться за оружие, и прилагал при своих отписках выданные ему свидетельства украинских обывателей (№2-4, 89).

И он сам, и те земляки его, что давали ему свидетельства, изъявляли желание верно служить императрице всероссийской. Но потом Неживый, не заставши в Крылове ни одного человека из поляков и иудеев, и узнавши, что все они оттуда убежали под защиту русских войск, стал этим недоволен и домогался выдачи своих жертв (№5). 18 июня Неживый с своею ватагою взял местечко Палеево Озеро, перебил там захваченных врагов, но некоторые успели заранее убежать в турецкий городок Балту. Неживый послал к тамошнему каймакану просьбу о выдаче беглецов. Но турки не только не выдали их, а еще послали военную силу и сожгли Палеево Озеро, откуда гайдамаки тем временем выступили. (№7). Неживый овладел турецкою слободою Голтою близ Балты, где также расправился по-гайдамацки с поляками и иудеями, каких успел там застать (№6), а 26 июня он был в Крылове, откуда послал к одному из русских командиров, полковнику Хорвату, просьбу о выдаче

беглецов, обреченных на гибель народным ищением и изъявлял желание лично объясниться с русским военным начальством. По этому поводу произошло свидание Неживого с высланным для этой цели русской службы офицером, поручиком кн. Манвеловым. Оно происходило на "гребле" (плотине) по указанию Неживого. На все представления гайдамацкого предводителя русский офицер наотрез объявил, что невозможно выдавать беглецов, которые явились искать защиты (№ 10). Неживый с своим отрядом удалился из Крылова, установивши там козацкий порядок и назначивши атамана, как это делалось во всех жилых местностях, приставших к гайдамацкому восстанию. Отъезжая, Неживый объявил атаману и всем крыловским обывателям, чтоб они, в случае нужды, обращались с просьбой о защите к русскому войску, уверяя, что в скором времени все тамошние места будут принадлежать российской, а не польской державе и все они должны считать себя российскими, а не польскими обывателями. Но в июне получены были от верховной власти сведения о (вероятно после манифеста императрицы от 9 июля, напечатанного в майской книжке "Киевской Старины") преследованиях гайдамаков, и киевский генерал-губернатор Воейков рассылал подначальным командирам соответствующие приказы (№11-12). Из елисаветградской провинции отправлены были в погоню за гайдамаками отряды гусарских пикинерных и компанейских команд, и приказано было объявить всем польским шляхтичам, укрывшимся от погрома в елисаветградской провинции, что они могут спокойно пребывать в русских владениях под высочайшею защитою до совершенного истребления гайдамаков и до восстановления порядка в их отечестве, когда возможно будет им безопасно возвратиться в свои жилища. Но такая же милость оказана была и польским козакам, которые изъявляли желание переселиться в русские владения под тем предлогом, что не хотят быть в согласии с барскою конфедерациею, а такое несогласие выставлялось побудительною причиною и у гайдамаков к восстанию против польских властей. Им дозволялось, по желанию, переходить в Россию и селиться там с своими семьями, устраиваясь слободами по указанию начальства. Первый пример показать прибывший в Кременчуг еще в апреле 1768 года козацкий атаман Сухина с шестиде-

сятью двумя человеками, прибегнувший под высочайший покров ее императорского величества с желанием остаться вечно в подданстве (№ 13). Затем всех пойманных гайдамаков, оказавшихся подданными русской императрицы, преимущественно из запорожцев, доставленных в елисаветградскую провинцию и особенно в Кременчуг, приказано было судить и за доказанное сопротивление оружию ее императорского величества, а равно за разнообразные варварства, совершенные ими в Польше, приговорить к смертной казни, но пред самым исполнением ее изменить в телесное наказание кнутом с наложением клейм и с вырыванием ноздрей, после чего отправить в ссылку в Перчинске, оковавши на месте в кандалы (№13)[17].

Последний из печатаемых здесь документов – секретное письмо Воейкова находившемуся в Кременчуге бригадиру Черткову, от14 декабря того же года о препровождении из Смелой содержавшихся там русских подданых, бывших в числе гайдамаков, а между ними оказывается поручик черного гусарского полка Станкевич. Неизвестно, было ли это единичное явление, когда русский офицер участвовал в восстании южнорусского народа против польского шляхетства, или может быть это было один из немалого числа таких.

---

[17] Вот неотразимое опровержение польским писателям, клевещущим на Екатерину II, будто она не наказывала своих подданных, участвовавших в гайдамацком восстании 1768 года, а иных даже и награждала.

№1
ПИСЬМО ПАНА ЯКОВА КУЗАЛКЕВИЧА К РУССКОМУ ПОЛКОВНИКУ ЧОРБЕ, С ОПИСАНИЕМ УМАНСКОЙ РЕЗНИ 1768 ГОДА[18]

С величайшим почтением получил и письмо нашего высокородства ко мне и вместе с ним и приказ к его благородию г. поручику Мацкову насчет помещения и безопасности в Архангроде, за что и подвергаю к ногам его благодарность. Теперь же, пока сам буду в возможности пасть к ногам вашей вельможности, ужасное, неслыханное и никогда не практикованное (неслучавшееся) делаю донесение, что гайдамаки числом в несколько сот, соединившись с крепостными уманскими и козаками тамошними, т.е. с сотником Кгонтенком и Уласенком тож сотником и другими ватагами уманскими, которые изменили присяге в верности к высокородному благодетелю своему, штурмом взяли Умань, где собравшихся с разных сторон для безопасности дворянства с имуществом, женами детьми около пяти тысяч и более и жидов тоже со всем имуществом, женами и детьми более семи тысяч всех без малейшего исключения дня 21 июня по римскокатолическому календарю текущего года до ноги вырезали и между ними губернатора Младовновича, подскарбия Радошевского, для заключения договоров на имений от его высокородия пана воеводы нашего, высланного с женами и детьми, а равным образом и ксендзов как латинского обряда, так и отцов базилиан с прихода тамошнего и монастыря Маковецкого варварски поумерщвляли и повешали. Кроме того, в костеле и часовне отцов базилианов алтари и образа поопрокидывали, стреляли, списами (пиками) кололи, пресвятые тайны на землю с дарохранительницы выбросили, топтали, обесчещивали, образ самого Спасителя, изображенного на кресте, списами кололи, стреляли и, наконец, за голову повесили у распятии, головки пообрывали и велели женщинам эти головки Христовы грудью кормить. Вообще, трудно описать, вспомнить ужасно, какие осквернения изображениям самого

---

[18] Подлинное письмо на польском языке, но при нем современный перевод на русский язык, сделанный по получении письма. Мы печатаем один лишь перевод, найдя оный вполне сходным с подлинником.

Бога делали, чего бы даже и бусурмане не делали. Целый город и предместье покрыли трупами. Я только с погранича до Арханграда, а другой высокородный полковник Обух с частью семейства, и то отдельно, с помощью Божиею, спаслись бегством. Бунт возрастая в силе, все дальше в польский край подвигается и умножается, и до того доходит этот край злополучия, что свои на своих нападая погибают взаимно, и где был только дворянин или поляк или жид, везде своим коварным шпионством разузнали и погубили. Мы только с женами находимся здесь в Арханграде и отсюда желаем отправиться в Елисавет, Кременчуг и Киев снискания покровительства (защиты) имениям его вельможности нашего благодетеля. Сообщая при этом ужасные проделки Максима Железняка, Войска Низового запорожца, который успел распустить множество своих воззваний и прокламаций во всей Уманщине, а также Ивана Кгонтенка и Пантелеймона Уласенка, уманских сотников. Желая этим просить великодушно покровительства и помощи, дабы отвратить совершенное разорение имуществам вельможного пана и благодетеля нашего, не имею никакой возможности известить вас о сем, ибо эти злодеи наполнили край и все дороги позанимали, разве через Киев, пользуясь покровительством г. генерал-аншефа, генерал-губернатора киевского, к которому делаем особенное донесение, всепокорнейше просим, чтоб это письмо, приложенное к оному донесению, дошло вскорости рук ваших в Киеве. А при сем прилагаем еще всепокорнейшую просьбу к вашей милости, чтобы особым указом г-дам пограничным комендантам русским приказано было делать розыск деньгам, серебру и другим вещам, таскаемым в те стороны, и чтобы вещи те оставались при командах до дальнейшего распоряжения вашего, которого великодушию и покровительству препоручаясь, имею честь писаться.

Вашей вельможности, милостивого государя, нижайший слуга Яков Кузалкевич. 11 июля 1768 г.Арханград[19].

---

[19] Ныне посад херсонской губернии на реке Синюхе, на самой границе киевской и херсонской губернии, иначе называемой Архангельск. В XVШ столетии там находилось русское пограничное укрепление.

№ 2
ПИСЬМО ЗАПОРОЖСКОГО АТАМАНА
УМАНСКОГО КУРЕНЯ СЕМЕНА НЕЖИВОГО
К ГУСАРСКОГО ПОЛКА КОМАНДИРУ ФЕДОРУ ЧОРБЕ,
21 ИЮНЯ 1768 Г.

Высокородный и высокопочтенный г-н полковник, правящий командою, наш всегдашний благодетель.

Поневаж в польской области показалося немалое разорение, яко и в старостве чигиринском от году 1766-го от униат, которые униаты народу христианскому великие беды и разорения делали, при том же разорении, священников благочестивых словивши, головы, бороды и усы обстригали и тиранско мучили не токмо священникам и монахом тое делали, но и народу христианскому, и еще войско конфедерацкое, в Украину спровадивши, хотели народ христианский мучити, яко в городе Каневе от козак отобравши ружья хотели (их) смертью казнить. Я Семен Неживый, атаман куренный уманский, видячи кривду народа православного, собравши козаков, вооружился и тех конфедератов з Украины отогнал, а некоторых ляхов и жидов смерти предал. Теперича содержусь в Медведовке со всею своею командою и ожидаю от вашего высокородия милостивой резолюции: что мне впредь поступать; поневаж со всею своею командою народу христианскому никакой обиды не делал и которые города доставал, и те города подписалися, при котором письме до вашего высокородия для рассмотрения и предоставляю. В. в-дия покорный слуга, атаман куреня уманского Семен Неживый со всем своим товариством. Июня 21 дня, 1768 г. з Медведевки.

№ 3

СВИДЕТЕЛЬСТВО ОТ МОШЕНЦЕВ

Благородному и досточтимому г-ну атаману курени уманского войска запорожского Семену Неживому от мещан мошенских.

За прибытием к нам з войском г-на атамана Семена Неживого нужду и отягощение от ляхов, так и от войсковых, яко теж и от губернатора мощенского Подгородецкого, который то Подгородецкий много людям мощенским разных обид делал не только свецкому народу, но и духовному чину за благочестие: людей свецких до полусмерти киями забивали, униатам гонителям великую протекцию давал во всем, что наши священники мошенские, которые до благочестия пристали, всюды гонимы были, по лесах и по разных местах укрывалися; сверх же того той же губернатор на нашу громаду великое страхование наносив и за подлинно мнил на нас конфедерацию спровадити из ляхов, чтоб з вас христиан ни одний души в живых не осталося, все то г-ну атаману Семену Неживому представляли. И ежели б мы смерти нечаянной от поляков не убегли, и близко тое уже к нам приходило. Что же г-н Семен Неживый атаман бытностию его в Мошнах и з воинством людям нашим мошенским ни меншей кривды не учинил, совместно о том свидетельствуем и какое подписуемось, неграмотные быв, крестами. Атаман городовый мошенский Василь Кирченко, Іван Бабич, Марко Гречула, Иван Левченко, Антон Швець, Данило Ярош, Петро Высочин, Максим Птиченко, Иван Каля, Моисей Моргун, Андр. Дуда, Грицько Слюсарь, Никола Сусенко, Корней Костаченко, Иван Гречуха, Фесько Гречуха, Иван Яцына, Максим Швець, Федор Прулев (после каждого значек).

К сему и целая громада мошенская.

Дано сие свидетельство в местечке Мошнах июня 15, 1768 г.

№ 4

СВИДЕТЕЛЬСТВО КАНЕВСКИХ МЕЩАН И КОЗАКОВ

Благородному господину атаману куреня уманского, войска запорожского Семену Неживому от мещан и козаков каневских.

За прибытием к нам з войском до Канева, которому наши козаки каневские, видя свою нужду и ближнею смерть и прочих христиан, доносили ему атаману, чтобы посланного от них с таковым резоном, что господа наши каневские в замку обретающиеся советовали между собою не применять никакоже намеренного дела: оных козаков прежде атаманов, потом рядовых обретающихся между собою, отобравши оружие от них, выгубити смертно. И с тоей причины слышали от некоторых таковую нечаянную смерть не токмо на себе, но и на прочих христиан, оные каневские козаки и просили вышепомянутого атамана войска запорожского, но только слышали об оном войску за несколько недель. То вышепомянутый атаман посылал до замку три раза команды своей з писанием козака, дабы оные господа каневские не спасовалися никакова разорения от них, но только посоветовать между собою желал. На то ответствовали, что они – готова до битвы.

И по тем трем посылкам видя их противных, приказал атаман двор поручиков согласно с командою своею пустой запалить, от которого то и замок загорелся, и в то время, господа каневские с войском польским и козаками каневскими з дворов уступили; по выходе же з замку козаки от поляков отлучились и прилучилися к команде вышеупомянутого атамана и были при команде его. Той же вышеупомянутый атаман, будучи в городе нашем Каневе, жителям здешним каневским никаковой обиды не делал, но только и то по возможности своей от мещан каневских и что имел, тем войсковых козаков кормил и грабительства христианам никакова не делал; в том мы ему атаману вышепомянутому войска запорожского козаки и мещане каневские даємо квитанцию с подписанием рук наших во свидетельство.

В Каневе июня 12 дня року Божия 1768. Якщо же неумевшие писанию крест святый саморучно полагаем.

Леско Сало атаман козацкий

Алексей Галушка атаман,

Ив.Секан атаман

И все городовые козаки

Мещане: Василь Куссейко, атаман городовый

Яков Серенко, Семен Ковальский цехмистр, Прокоп Лабаренко, Тимошан Крамар. После каждого, имени следует знак.

№ 5

ПИСЬМО АТАМАНА ЗАПОРОЖСКОГО НЕЖИВОГО К ПОДПОЛКОВНИКУ ХОРВАТУ, В КОТОРОМ ЖАЛУЕТСЯ, ЧТО РУССКИЕ ВОЕННЫЕ ВЛАСТИ ПРИНИМАЮТ И УКРЫВАЮТ ПОЛЯКОВ И ЖИДОВ ОТ КАЗАЦКОЙ РАСПРАВЫ

Высокородный и достойный почтеня господин подполковник Ив.Хорвате, наш всегдашний благодетель.

Случилося нам с командою приехать в Крылов полской, только не имеем себе того счастия, что не заслали в ни единого поляка такжеж и жида. Поневаж пребралися все под вашу команду в границу российскую, и не знаем с какой причины ваше высокородие они погано-неверным врагам и неприятелям Ея Императорскому Величеству, также ж и правоверным христианам принимаете; понеже оные проклятые жидове ввесь народ христианский своим поганством сквернят, то хиба Вашему высокородию великое награждение зделали, что оных принимаете? за что? Просим от оных все имущество отобрати и на всю стороны к нам выдать хоча и сонных. Понежваши (?[20]) не за имущества втруждаемося, только абы вера христианская от нас[21], не была большим скверненная и чтоб не было врагов на государство, также ж и на правоверных христиан. А ежели ваше высокородие не исполните[22] нашего прошения зделать, то просим всепокорнейше, ибы вводили нас[23] к нам утрудиться хоча и на половину гребли для совету с нами. Притом кланяемся вашему высокородию хлебом и солью; и мы не приехали, чтоб на воеводство к вам, только за своим интересом, что нам поведено делать и притом зостаємся:

Вашему высокородию доброжелательные слуги
Семен Неживый атаман,
Василь сотник с товариством.

---

[20] Вероятно ошибка переписчика – вместо: "поневаж"/

[21] Может быть описка: надобно было бы – "от них", так по смыслу/

[22] Быть может и здесь переписчик описался вместо: не изволите.

[23] В списке, бывшем у нас, это слово поставлено в скобках. Смысл дальнейшей речи тот, что атаман Семен Неживый просит выехать к нему на средину плотины, за которою на другом берегу он стоял с козаками, для совещания.

№ 6

РАПОРТ ПРЕМЬЕР МАЙОРА ВУЛЬФА ПРАВИВШЕМУ В КРЕПОСТИ СВ. ЕЛИСАВЕТЫ ЗА КОМЕНДАНТА ХРИСТИАНУ ГРИГОРЬЕВИЧУ КОРФУ О ГАЙДАМАЦКОМ НАБЕГЕ НА СЛОБОДУ ГОЛТУ И О ПРЕСЛЕДОВАНИИ ГАЙДАМАКАМИ ПОЛЯКОВ И ЖИДОВ

Вчерашнего, то есть 24 числа, в третьем часу с полдня, приехав до девятнадцати человек запорожских козаков в ханскую слободу Голту, прислали двух человек своих к тамошнему каймакану с требованием, чтоб он выслал с Голты укрывшихся туда поляков и польских жидов. И как он каймакан выслать неепохотел, то они запорожцы, прибежав туда, учинили тамошним жидам грабительства и разорение, и находящихся там во укрывательстве двух польских шляхтичей и до семи жидов польских же до смерти закололи, а несколько жидов, убегая их запорожцев нападения, хотя переплыть чрез реку Буг на здешнюю сторону для укрывательства, утонуло. Тож и сего числа в десятом часу дня, во оную слободу Голту прибежав, несколько из тех запорожцев человек, убили до смерти трех голтинских жидов, а некоторых до полусмерти прибили, и имущество их грабили. Почему я и голтянский каймакан, опасаясь их запорожцев, перешедших на здешнюю сторону в слободу Орел, объявил мне де посыпанный от него каймакана в запорожский гард Бегилей, возвращаясь оттуда обратно, видел, что запорожской команды на запорожский гард перешло того же 24 числа пеших до тридцати, а конных до двадцати человек, и состоят в урочище Романковой, расстоянием от Голты за пятнадцать верст, да переехавшие с хапской стороны на здешний орловский форпост чумаки объявили, что вчерашнего ж 24 числа видели на степи, в ханской стороне, близь Гарду, до полтораста человек запорожской команды пешей, а запорожский гардовой писарь Быстрицкий, будучи у меня сего числа по его надобности объявил, что де на запорожский Гард никакой команды не переходило на ханскую сторону, тоже и состоящей в Гарду запорожской команды ни един де человек никуда

не отлучался, а чает только де та команда из числа находящейся в Умани запорожской же команды; некоторые же из перешедших на здешнюю сторону в слободу Орел из оной слободы Голты объявили, что де он будучи во оной слободе Голте слышали, что за Кодымой на ханской стороне верст в четыре собирается татарское войско, а для чего – неизвестно, о чем нашему высокородию рапорт, и ежели паче чаяния те запорожцы и отсель укрывшихся на здешней стороне поляков и жидов о выдаче ему требовать станут, как в том повелено будет, прошу ваш высокородия снабдить резолюциею.

Премьер-майор Владимир Вульф.

25 июня
1768 года.

№ 7

ПОКАЗАНИЯ КУПЦОВ О НАПАДЕНИИ ЗАПОРОЖЦЕВ И ГАЙДАМАКОВ НА ПАЛЕЕВО ОЗЕРО, ИЗБИЕНИИ ТАМ ПОЛЯКОВ И ЖИДОВ И О ПОКУШЕНИЯХ НА ТУРЕЦКОЕ МЕСТЕЧКО БАЛТУ

1768 года 21 июня в крепости св. Елисаветы купцы Александр Соломянцев, Ефим Шапошников и Тимофей Балашов сказкою показали: в бытность де их в местечках ханском Балте и польском Палеевом Озере для торгового промысла видели, что сегодня 18 числа приехав во оное польское местечко Палиево Озеро команда до трехсот человек, которые себя называли запорожцами, бывших тамо поляков и жидов пиками покололи и имущества их забрали, а потом с оной команды послано двух человек во оное ханское местечко Балту к турецкому воеводе Якубу Аге с прошением, чтоб он укрывшихся туда поляков и жидов с онаго местечка на польскую сторону выгнал и чтоб оной команде никакой обиды от стороны турецкой не было. Однак он воевода трех перешедших туда для укрывательства поляков и жидов не выгнал оттуда, и того же числа оная команда, убоясь, яко бы турков, с онаго польского местечка Палеева Озера выехала и не в отдаленности от онаго местечка стала; что усмотри турки, считая их за гайдамаков, переехав на польскую сторону с тем, чтобы их ловить, оное польское местечко Палеево Озеро зажгли и, напавши того местечка на купцов и прочих тамошних жителей, начали рубить, считая их за бунтовщиков, будто яко бы они тоя команда поддались, и потом побежали было за оною командою в погонь, однак убоялись оной, возвратились в местечко Балту. Тож оная команда к оному польскому местечку возвратилась; на которую команду те турки с их сторон до полдня с ружья паля убили двух человек, тож одного грека и трех волохов. Оная команда на их турков не палила; а после как приехало еще конной до четырехсот человек при их полковнике таковой же команды, – а как онаго полковника зовут и прозывают неизвестно – с четырьмя пушками, то в ту пору и оная команда начала на турец-

кую сторону с пушек палить; и тогда турки и прочие тамошние жители, убоясь, побежали с оного местечка Балты за которыми большая часть оной команды в погонь побежала, и там учинила сражение. А убито ль кого на оном сражении или нет неизвестно ж; а потом возвратились на польскую сторону, где оная команда до отъезду их, купцов, оттуду находилась. Более вышепоказанного они Соломянцов, Шапошников и Балашов ничего не видели и не слыхали и что в том по самой справедливости показали, в том и подписались на подлинном тако:

Крепости св. Елисаветы купец Александр Соломянцев, крепости св. Елисаветы купец Тимофей Балашов, а вместо него неграмотнойгопо его прошению подписался Евфим Шапошников.

№ 8

ПИСЬМО АТАМАНА СЕМЕНА НЕЖИВОГО
ЧОРБЕ ОТ 30 ИЮНЯ 1768 ГОДА

Высокородный и высокопочтенный г-н жолтого гусарского полку полковник, высокомилостивый наш государь и наособливейший патрон!

Нарочный войска запорожского был посланный казак Василей Талов для уведомления, что бежавшие гусары, забравши из собою казну и амуницию, присягать самовольству и конфедерации польской и против верности вашой всемилостивейшей ее императорского величества и всея России много нападения и разбойства делают, нам же будучи христианам не хотя того оставить, толко в верность Ея Императорского Величества, хотя и ныне, все товариство должны смертию страждать. Что же приказ от нашего высокородия и патрона словесный и письменный, дабы явиться к Гаграганову для разговоров, сего дня крайне не могу, но дня 1 июля с приставою ваших дезертиров служить одолжаемся. Мы же верные и всенайподданнейшие Ея Императорского Величества просили вашего высокородия от нашего войска посланного Василья Бузка да жителя медведовского Давида Войта приказать отпустить, дабы мы от вашего высокородия обиды не могли признать. Впрочем и отданный от нас всего войска всенижайший первый поклон зостаемся вашему высокородию, высокомилостивому государю и наиособливейшому патрону, всенижайшие слуги Семен Неживый с товариством.

Июня 30 дня 1769 г. з Медведовки.

№ 9
СВИДЕТЕЛЬСТВО МЕДВЕДОВЦЕВ

Благородному и достойно почтенному атаману войск низовых запорожских Семену Неживому куреня уманского от мещан и козаков медведовских.

Сего 1768 г. месяца мая 18 числа в полской области в старостве чигиринском везде по городах и селах великое разорение народу показалося от поляков, то есть от конфедератов, которые то, приехавши в Жаботин войска четыреста пятдесят человек с козаками и через три дни стоячи, ходили пьяные по лесах и людей жаботинских, которые позбегали по лесах, ловили и, имущество от оных отобравши, до полусмерти киями забивали, и скота рогатого з города Жаботина немалое число забрали. Которые ж то конфедераты, враги и неприятели Ея Императорскому Величеству и Короне польской, приехавши сто человек у Медведовку и стали в замку и зараз от козаков и клеянов (?[24]) списы и оружия со всеми припасами отобрали и, недовольна тем будучи, но еще хотели нашего пана полковника Квасовского взять с собою до конфедерации, но он ушол в границу российскую. И неотменное их такое намерение было, чтоб панов и козаков с собою забрать, а священников греко-российской православной веры и людей главных и ктиторей мучити смертно за благочестие, и чтобы привесть всех до присяги и на верность конфедерации. Но мы все правоверные христиане, не хотя своей присяги касовати благочестивой, но, верными быть (хотя) Ея Императорскому Величеству, от их конфедератов гордо ( ) бежали з домов своих по лесах, островах и на розных местах непристойных скрывалися и чрез тое гонение не един в домах имущество потеряв. И как бы сей атаман от войска запорожского Семен Неживый, собравши команду козаков и вооруживши, оных конфедератов з Украины (не) отогнал, то бы оные поляки, чтоб похотели, то тоб и зде-

---

[24] Быть может в этом месте, испорченном переписчиком, надобно читать кияков: так назывались в Украине и в Польше мужики, ходившие на заработки. Они всегда ходили с большими палками, называемыми киями.

лали с вами. Понеже панов[25] наших и арендаров розогнали и не было за нами никакого обстоятеля; только сей атаман Семен Неживый стал за веру христианскую и конфедератов отогнал з Украины и явился с командою у Медведовку, грабительства и обиды народу христианскому не делав нигде, но еще великое спомоществование от своевольцев; и как бы не он у нас содержался, то бы до сего времени великое кровопролитие между народом было и имущества были бы от нас пограблены. Но только он от нас громад требует харчей для войска, а грабительства не делает. И в том мы ему атаману Семену Неживому свидетельство (даем) и подписуемся руками своими властными. Написуем кресты. Деялося сие на уряде городовом в Медведовке дня 1 июля 1768 году.

Семен Рудь, атаман городовый

Федор Латка, Василь Бухан, Григ. Колесник, Авр. Гончар, Борис Гончар, Симон Крамар, Улас Зобенко, Сем. Коваль. После каждого из этих имен следует знак.

К сему и целая громада медведовская.

---

[25] Под панами разумелись запорожские войсковые товарищи, водворявшиеся в разных местах Правобережной Украины.

№ 10

РАПОРТ К ПОЛКОВЫМ ДЕЛАМ ЖЕЛТОГО ГУСАРСКОГО ПОЛКА ПОРУЧИКА КНЯЗЯ МАНВЕЛОВА О ПЕРЕГОВОРАХ С АТАМАНОМ ГАЙДАМАКОВ НЕЖИВЫМ, ДОМОГАВШИМСЯ ВЫДАЧИ БЕЖАВШИХ ПОЛЯКОВ И ЖИДОВ

По отправлении вчерашнего числа от меня в четвертом часу к полковым делам рапорта, злоумышленные гайдамаки с атаманом Неживым, тож и сотником Василием пред вечером прибыли более (как?) и на человек сто. Прибывши в польский Крылов, означенный атаман Неживый присланным на имя господина подполковника Хорвата письмом просили (кое письмо присемь- оригиналом прилагается), что (б) для некоторого совету с ними выйти на греблю; по каковым обстоятельствам я перво предпринял самую крепчайшую предосторожность и, совокупив(ся с) своею и козачьею командою, прибыв к крыловскому форпосту, где возле оного оставя, а я – с поручиком Бутовичем и прапорщиком князем Манвеловым и Танталеевым, тоже и з сотниками, вышли на половину гребли, куда и означенный атаман Неживый и сотник Василий к нам прибыл с хлебом и солью, а при том объявили: что мы де не для чего иного прибыли, как только требовать от нас о выдаче жидов и поляков; на это я оным объявил, что тех жидов и поляков, потому что оные в силе предложениев находится у нас под защитой, отдать невозможно. И так оные, установив от себя в польском Крылове расположение, и определив в оном атамана, приказывали ему, чтобы по их приказаниям единственное исполнение чинили; а потом – отъехали до села Конабарка, где и находятся поныне; а сверх того приказали оному атаману, что если каковы между оными поляками и жидами у них суспиции оказываться будут, то давали бы к нам знать, и просили оные нас, чтоб и в том вспомоществование чинили, а во всем объявляя притом, что де оные места будут в скором времени российской державы, а не польской и чтоб те мужики считались российскими, а не польскими жильцами.

Поручик князь Иван Монвелов.

июня 26. 1768 г.

№ 11

КИЕВСКОГО ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРА ВОЕЙКОВА
БРИГАДИРУ ЧЕРТКОВУ
О ПРЕСЛЕДОВАНИИ ГАЙДАМАКОВ И БЕГЛЕЦОВ

Высокородный и высокопочтенный господин бригадир! Вашего высокородия четыре рапорта от 17 и 18 сего со всеми к оным предложениями исправно до меня дошли на которые следующее для ведома и в наставление вам предписываю. Елико до перехода запорожских козаков чрез Гард в ханскую сторону для удобнейшего с гайдамаками в пути соединения принадлежит то, в силу моих ордеров, от кошевого атамана командированием, при шести полковниках и при нескольких куренных атаманах, разных партій в степь запорожскую и рекою Днепром кн. Очакову, надлежащие меры уже приняты нами для пресечения перехода гайдамакам в Польщу, так и для переловления возвращающихся оттуда с добычей в запорожские земли, чем без сумнения ( ) к искоренению сей зловредной шайки не малый способ подан быть может, если только содержание прежних моих ордеров о преследовании, поимке и истреблении оных точно наблюдаемо и в исполнение неослабное и ревностное старание приложено будет. Татарское за Кадымою собрание хотя по обстоятельствам и видится быть действом гайдамацкого на Балту и Голту нападения, следовательно не иное в себе заключающее, как собственную предостережоность от других гайдамацких на татарские места пустошений, однако презирать оное не должно, ибо предосторожность, а найначе при пограничности, никогда излишнею не признавается; и для того изволите, ваше высокородие, по получении сего, немедленно одного надежного и искусного офицера отправить к начальнику Едисанской Орды с письмом для искания яко бы какого либо за границу с немалою суммою бежавшего купца, прося, чтобы, в силу вечно мирного трактата и соседственной дружбы в отыскании оного, приказано было старание приложить и по отыскании (чтоб) оный совсем, что при нем найдено будет, посланному на руки отдать(н) и до границы препровожден был, так (как) и с нашей стороны с подобными от них беглецами неоднократно уже поступлено. Под которым претекстом посланный стараться должен о подлинных обращениях и намерениях той орды разведать, а между тем в разговорах отзываться и уверить может, что набегшая на Балту и Голту разбойническая шайка, состоявшая в немалом числе всякой сволочи, польских козаков, мужиков и других гайдамаков, разоряющий польскую Украину, нашими

войсками большею частию разбита и переловлена, которой остаток уповательно также скоро истреблен быть имеет. И так, что симъ нарочным посланцем разведано будет, меня немедленно уведомить. По второму вашему рапорту, при котором сказка купцов елисаветградских Евфима Шапошникова с товарищами, надлежит такожде у начальника Едисанской Орды справедливого удовлетворения, по соседственной дружбе, требовать, и что потом последует, меня уведомить. По третьему – всем находящимся в елисаветградской провинции польским шляхтичам, кои под покровительство ее имп-го в-ства прибегнули для спасения живота от гайдамацкого гонения, приказать до дальнего ордера оставаться в тех местах, где находятся, пользуясь под высочайшею защитою дозволенным им благоденствием до совершенного истребления всех гайдамаков и возстановления в их отечестве прежнего покоя и тишины; а когда желанное спокойствие возстановлено будет и опасность к возвращению в их отечество минется – от меня им знать дано будет, и они тогда безпрепятственно в свои домы прежнего моего, ордера, присылки от вас имянного списка всех шляхтичей польских, ретировавшихся в елисаветградскую провинцию, с означением чина, фамилии и служителей обоего пола; на последний (рапорт), при котором сказка отставного ротмистра Иванченка и допрос сотника Власенка с переводами двух писем губернатора Квитневича, рекомендую: арестованное вино ротмистру Иванченку с роспискою отдать приказать, ибо, как видно, Квитневич с ним в том помирился[26]. Ротмистра Иванченка хотя и не надлежало по причине экономии в дом отпустить, однако, когда оное за надежными поруками учинено, то быть так, но смотреть надобно, чтобы каким либо образом он скрыться не мог. Сотника же Власенка до дальнего ордера содержать под караулом в крепости, а вещи как Иванченка, так и Власенка оставить в смотрении вахмистра Бабки, не окажется ли иногда и впредь по оным какой либо улики, по которой тогда и дальнейшее следствие произведено быть может[27].

Вашего высокородия охотнейший слуга

Федор Воейков.

Киев. 31 июля 1768 г.

---

[26] Обстоятельства, на которые здесь делается намек, неизвестны.

[27] Власенко сотник – вероятно иначе Уласенко, товарищ Гонты. Допроса, учиненного ему, о чем здесь намекается, не имели мы в руках.

№ 12

ТОГО ЖЕ ВОЕЙКОВА ТОМУ ЖЕ БРИГАДИРУ
О ПРЕСЛЕДОВАНИИ ГАЙДАМАКОВ
И О СОДЕРЖАНИИ КАРАУЛОВ

Высокородный и высокопочтенный господин бригадир! Два ваши рапорта от 23 с приложением исправно здесь получены. Первый, служащий только для ведома, остается в своей силе, а на второй предписывается, что во уважение вашего представления, яко за отправлением для истребления и поимки разбойников в Польшу гусарских и пикинерных и компанейских команд и умножающихся ежечасно арестантами, равно как и в разсуждении обширности границ Елисаветградской провинции, над которой тамошними гусарскими, компанейскими и пикинерскими полками форпосты содержутся и безпрестанные разъезды чинятся одним пехотным козловским полком, от которого две роты на подкрепление главных форпостов посланы, по числу некомплекта все караулы в крепости в Кременчуге и над арестантами, без крайней тягости и изнурения солдат, исправлены быть не могут, от меня генерал-аншефу и кавалеру графу Румянцеву сообщено. По его благоразсмотрению приказать из ближних полков конный или пехотный в Елисаветградскую провинцию командировать до совершенного восстановления в Польше покоя; и так пока оный полк или какая другая команда и там прислана будет, изволите приказать по вашему рассмотрению в Кременчуге хотя гарнизонными солдатами надлежащий караул содержать.

Вашего высокоблагородия охотнейший слуга.

Федор Воейков. Киев 31 июля по полудни в 6 часу 1768 году.

№ 13

ОТНОШЕНИЯ КИЕВСКОГО ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРА ВОЕЙКОВА БРИГАДИРУ ЧЕРТКОВУ:
1) О ВОДОВОРЕНИИ ПОЛЬСКИХ КОЗАКОВ, ПОЖЕЛАВШИХ ПОСТУПИТЬ В ПОДДАНСТВО РОССИИ,
2) О ДОПРОСЕ И ОТСЫЛКЕ СОДЕРЖАЩИХСЯ В КРЕМЕНЧУГЕ ЗАПОРОЖЦЕВ, УЧАСТВОВАВШИХ С ГАЙДАМАКАМИ И
3) О СУДЕ И ПРИГОВОРЕ НАД ВИНОВНЫМИ.
АВГУСТА, 15, 1768 ГОДА

1

Высокородный и высокопочтенный господин бригадир! По рапорту вашему от прошедшего апреля о вышедшего из польской Украины козацкого атамана Сухины с шестьюдесять двумя человеками польских козаков кои убегая от согласования с польскими конфедератами, прибегнули под высочайший покров Ея Императорского Величества с желанием остаться вечно в подданстве, объявляя, что в такому же выходу и еще многое число козаков намерение имеют, с желанием учинить в верности службы присягу и выведя всю свою фамилию, поселиться слободою, где место отведено будет, Ея Императорскому Величеству всеподданнейше от меня донесено с испрошением высочайшего указа, что с ними и с являющимися впредь учинить повелено будет; начто высочайшим раскриптом от 11 июля всемилостивейше поведено: во уважение указанного от них усердия принять их ласково и поместить между настоящими в Елисаветградской провинции поселянами, не заводя особых для них поселений, пока замешательства в Польше продолжаться будут, а при том дозволить им пользоваться всеми теми выгодами, кои согласоваться могут с узаконениями по тамошнему месту учиненными. Сие разумеется и о тех польских козаках, кои впредь из польской Украины по объявлению сих выходцев с таким же точно намерением, с каким и они прибегли, выходит будут.

Во всеподданнейшее исполнение такого Ея Императорскаго Величества всемилостивейшаго повеления изволите ваше высокородие потребное к распределению их по вашему разсмотрению учинить расположение и, по вмещении всех, меня в свое время рапортовать.

Вашего высокородия охотнейший слуга Федор Воейков.

15 августа 1768 г.

2

Высокородный и высокопочтенный господин бригадир!

По получении сего извольте, ваше высокородие, приказать кому надлежит как можно скорее всех в елисаветградской провинции и в Кременчуге находящихся между содержащимися гайдамаками запорожских козаков, каждого особо по приложенным при сем пунктам, допросить и таковый с них допрос с нарочным ко мне отправить, между тем надлежит их злодеев по приложенному при сем экстракту из указа формальным образом судить их и приговор сделав с нарочным ко мне рапортовать.

Пункты, по которым допрашивать пойманных в Польше на розбое запорожцев:

1. Стараться выведать прямое начало заговора оных пойманных в Польше запорожцев, а особлыво, кто из них подговорщик был сам, или же все от других научены были и где именно зборище их началось?

2. С ведома ли кошевого атамана и войсковой старшины отлучились в Польшу?

3. С каким намерением сделали нападение на слободу Балту и что кем где учинено?

Вашего высокородия охотнейшаи слуга Федор Воейков.

15 августа 1768 г.

Экстракт присланнаго в киевскую губернскую канцелярию из государственной коллегии иностранных дел указа от 24 июля 1768 г.

1. Тотчас по получении сего указа произвесть над помянутыми запорожцами надлежащий суд, который однакож весьма скоро окончен быть должен.

2. В суд положив на мере формальный приговор на основании законов, – ибо колодники, будучи взяты с ружьем в руках противу войск Ея имп-го в-ства, не могут конечно оправдаться ни в бунтовничьем супротивлении воле и оружию Ея Величества, ни в разнообразных в Польше произведенных варварствах, когда они на самом деле пойманы и следовательно судимы быть должны, яко бунтовщики, нарушители общаго покоя, разбойники и убийцы.

3. Когда по сим уважениям, в следствие всех на свете законов, определена будет смертная казнь, переменить ее, при самом исполнении, в телесное наказание кнутом, клеймом и вырванием ноздрей, ссылкою в Нерчинск оковавши на месте в кандалы.

В губернскую канцелярию из государственной коллегии иностранных дел указа (экстракт). Канцелярист Федор Онисимов.

№ 14

СЕКРЕТНОЕ ПИСЬМО КИЕВСКОГО ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРА ВОЕЙКОВА БРИГАДИРУ ЧЕРТКОВУ О МЕРАХ К ПОИМКЕ И О ДОСТАВЛЕНИИ, КАПИТАНА СТАНКЕВИЧА, УЧАСТВОВАВШАГО В ГАЙДАМАЦКОМ БУНТЕ

Высокородный и высокопочтенный г-н бригадир!

Из сообщения его сиятельства, г-на генерала-аншефа и кавалера, графа Петра Александровича Румянцева усмотрел я, что между пойманными посланною в Польшу наших войск командою около Жаботина и Смелой гайдамаками находится бездельник чернаго полку капитан Станкевич с несколким числом российских подданных, которые содержатся в Смелой. А как сие место в близости елисаветградской провинции находится, то от меня г-ну генерал майору и кавалеру Исакову ордером подтверждено для взятья оных оттуда и препровождения до Кременчуга отправить достаточную из гусар и пикенер команду. Того ради вашему высокородию найприлежнейше рекомендую, по приводе сих здодеев к вам, приказать оных под крепким содержать караулом и над помянутым бездельником Станкевичем изследовать: как и с чем был он отправлен в Польшу и для чого нашим войскам противился? Прочих гайдамак всех обыкновенным образом допросить: кем они подговорены и с каким намерением в Польшу пошли. О получении сего и о исполнении меня во свое время рапортовать.

Вашего высокородия покорный слуга Федор Воейков.

Киев 14 декабря 1768 года.

Джерело: Киевская старина. – 1882. – №8. – С.297-321.

В.Антонович

УМАНСКИЙ СОТНИК ИВАН ГОНТА (1768 г.)

Для характеристики исторического значения гайдамачества вообще и особенно "Колиивщины" личность одного из вождей последней, сотника Гонты, имеет особенный интерес. Печальное состояние края, разразившееся во второй половине прошлого столетия страшной уманскою катастрофою, недостаточно еще обследовано беспристрастным историческим изучением. Современники – мемуаристы, принадлежавшие к потерпевшей стороне, оставили нам лишь яркие картины пожаров, убийств и грабежа, сопровождавших катастрофу; но о поводах, вызвавших эти печальные явления, о причинах, которые довели постепенно народ мирный, земледельческий, стремившийся, к прочной, оседлой и хотя сколько-нибудь обеспеченной и спокойной жизни, они или вовсе не упоминают, или же говорят в самых общих выражениях. По их мнению, страшное народное волнение в Украине было, с одной стороны, плодом якобы дипломатической интриги России, с другой – результатом врожденного будто бы южнорусскому народу варварства, его злой природы и главное – страсти к грабежу. Конечно, такие объяснения мемуаристов, весьма впрочем естественные в устах людей мало развитых и сильно раздраженных, не заслуживают серьезного внимания, как всякие огульные приговоры над характером целого народа; конечно, легче объяснить явление историческое, предположив известную, будто врожденную наклонность в народном характере, вместо того, чтобы исследовать истинные причины этого явления, часто слишком сложные для степени развития исследователя или слишком нежелательные для самолюбия той общественной группы, к которой принадлежит. Но предположения такого рода не могут останавливать на себе внимания сколько-нибудь спокойного исторического исследования и первый попавшийся факт, передаваемый источником пристрастным, при внимательном рассмотрении, совершенно разрушает все поверхностные предположения автора оного.

Іван Гонта

Одним из таких фактов является в рассказах о "Колиивщине" личность уманского сотника Ивана Гонты. Несмотря на то, что все сведения о нем мы можем извлекать лишь из записок шляхтичей или духовных лиц польской народности, писавших после "Колиивщины" (и следовательно относившихся с крайней ненавистью к бывшему уманскому сотнику), личность его, и по их сказаниям, является с характером совершенно противоположным тому общему их взгляду на "гайдамачество", которые высказывается ими в мемуарах. Гонта является человеком не только зажиточным, но даже богатым, – следовательно, не страсть к грабежу руководит им; он пользуется особою милостью владетеля Умани, воеводы Салезия Потоцкого, который обеспечивает вполне его будущую карьеру, обещает ему подарить в потомственное владение несколько сел и выхлопотать на сейме "нобилитацию", т.е. возведение в дворянство, – следовательно – личный интерес и личное честолюбие должны были бы склонять Гонту к защите шляхетства, в ряды которого попасть он имел возможность. Сведений о влиянии на Гонту мнимой политической интриги сами мемуаристы не передают и влияния такого даже не предполагают. Таким образом, побуждения, заставившие Гонту принять участие в "Колиивщине", остаются не разъясненными, с точки зрения на "Колиивщину" шляхетского общества, и само его участие является чем-то, по-видимому, неожиданным, загадочным. Конечно, колорит этот исчезает, если мы посмотрим на данное событие с их точки зрения, которая присуща была в свое время украинскому народу; тогда станет понятным, что Гонта действовал из-за убеждений, глубоко укоренившихся в народе, из-за сознательного долга стать в борьбе, охватившей страну, на стороне своего народа, его прав, веры и национальности, и принести этому делу в жертву и свою карьеру и свое общественное положение.

Если бы до нас дошли известия о Гонте и его участии в "Колиивщине" от лиц, принадлежавших к другой заинтересованной стороны, или, по крайней мере, от свидетелей беспристрастных и по-

сторонних, то мы не сомневаемся, что высказанное нами положение можно было бы установить самыми точными подробными ссылками. К несчастью, мы поставлены в необходимость пользоваться источниками, составленными исключительно лицами враждебными Гонте, и потому можем попытаться лишь указать путем сопоставлений и критического отношения к сообщаемым фактам на более серьезные и человечные побуждения деятельности Гонты, чем те, которые приписывали ему шляхтичи-современники, увлекаясь весьма естественно ненавистью к лицу, причинившему им много бедствий и страданий. Не желая, впрочем, теряться в догадках и гипотезах, мы ограничимся лишь фактическим изложением относящихся к его биографии событий.

Иван Гонта принадлежал по рождению к крестьянскому сословию; по словам Липпомана, он родился в селе Росошках, принадлежавшем к уманскому имению Потоцких. Сведение это заимствованно Липпоманом из записок Вероники Кребс, которая говорит: "Когда мой отец приехал в Умань (1757 г.), он уже застал там полковника (надворных козаков) Обуха и старшего сотника Гонту, крестьянина из деревни Росошек" (Записки Кребс. – С.16). Брат госпожи Кребс, Павел Младанович, утверждает в своих записках, будто Гонта родился где-то в Полесье и, достигши 18-летнего возраста, совершил какое-то преступление, за которое был приговорен к виселице, но будто, уже на самом месте исполнения казни, отец Младановича, занимавший тогда должность уманского "губернатора", выпросил ему помилование, уплатил в суд штраф в 4000 злотых, причитавшийся за его вину, и затем зачислил его в уманскую надворную милицию (Записки Павла Младановича. – С.106). Конечно, весь рассказ Павла Младановича есть не более, как эпизод, сочиненный им самим для того, чтобы изобразить в более черных красках характер Гонты; рассказ этот не заслуживает вероятия не

только при сопоставлении его с рассказом его сестры, но и с данными, сообщаемыми самим Младановичем[28].

Мы не знаем, когда Гонта поступил на службу в надворную козацкую милицию; во всяком случае это должно было случиться задолго до катастрофы 1767 года, так как, по сведениям Кребс, за 11 лет до нее он уже занимал должность старшего в ней сотника. Среди козаков этой милиции он пользовался значительным уважением и авторитетом, и шляхтичи, управлявшие уманским имением, были уверены, что в каждом затруднительном случае мнению Гонты и его влиянию вся уманская милиция готова повиноваться беспрекословно. Вследствие этого убеждения шляхтичи старались жить в дружбе с влиятельным сотником и обходились с ним с почетом, как с равным; впрочем, положение свое в шляхетном обществе Гонта поддерживал и личными своими качествами. Павел Младанович описывает его, по своим воспоминаниям, следующими словами: "Гонта был козак видный, рослый и красивый, отличался постоянною удачею во всех своих предприятиях" (Записки Младановича. – С.78). В записках Кребс мы находим такую же его характеристику: "Гонта", – говорит составительница этих записок, – "был красивый, представительный мужчина, и к тому он не только говорил, но и превосходно писал по-польски, а воспитание его было таково, что и теперь (т.е. в начале XIX ст.) его можно было бы

---

[28] Госпожа Кребс была взрослою девушкой (18 лет) во время уманской катастрофы, была лично хорошо знакома с Гонтою и могла знать лучше его отношение к отцу, чем ее брат, бывший в то время еще мальчиком. Притом невероятность рассказа Младановича явствует из сопоставления следующих данных: 1) Младанович-отец был назначен уманским губернатором в 1757 году, следовательно, по его словам, в 1768 году Гонте могло быть максимум 28-29 лет, между тем сам Младанович рассказывает впоследствии, что у Гонты было 4 взрослые дочери и сын. 2) Надворная милиция составлялась из оседлых крестьян уманского имения; если бы губернатор и приписал к ней лицо постороннее, то навряд ли можно допустить, чтобы это лицо было выбрано в сотники преимущественно перед почетными односельцами. 3) Наконец, солидарность Гонты с громадою села Росошек, помимо записок Кребс, подтверждается еще надписью на церковной двери в этом селе, сведение о котором мы сообщим ниже.

счесть за шляхтича" (Записки Кребс. – С.18). Благодаря этим качествам Гонта, несмотря на крестьянское происхождение, принят был в местном кругу шляхетского общества и занял в нем даже видное положение, вследствие особенного к нему благоволения уманского владельца, воеводы Салезия Потоцкого. По установленному обычаю, ежегодно 300 козаков из надворной уманской милиции, под предводительством сотника, отправлялись по очереди ко дворцу владельца в его резиденцию – Кристинополь, находившуюся в Черво-ной Руси, где исполняли при его особе службу в качестве придворной стражи. За время этих командировок Гонта обратил на себя внимание Потоцкого, сделался его любимцем и доверенным лицом. В два похода Гонта приобрел от воеводы грамоты, по которым последний отказал в его пожизненное владение два богатых села: его родину Росошки и соседнее село Орадовку, а села эти приносили в то время ежегодно доход в 20 000 злотых; сверх того Потоцкий изъял Гонту и его сотню из зависимости от полковников-шляхтичей, командовавших уманскою милицией и подчинил прямо власти губернатора (Записки Кребс. – С.17-18; Записки Младановича. – С.78; Липпоман. – С.15; Записки Мощинского. – С.137). Вследствие этих распоряжений Гонта стал возбуждать зависть шляхтичей, заведовавших администрацией Уманщины, но, тем не менее, они, не исключая губернатора, обращались с сотником с большим вниманием и уважением, так как в среде их установилось мнение, что Потоцкий будто выслушивает сообщение Гонты о действиях их по управлению имением и относится к этим сообщениям с большим доверием.

Семейство Гонты жило в то время в его доме в селе Росошках; оно, по сведениям П.Младановича, состояло из жены, четырех дочерей и сына: тот же мемуарист сообщает, в весьма, впрочем, неясных выражениях, будто Гонта вступил в брак не по собственному желанию, а по чьему-то принуждению, но будто в последствии он примирился с судьбою и был совершенно доволен своею семейною обстановкою. (Записки П.Младановича. – С.78).

Приведенными фактами исчерпываются все известия, сообщаемые о Гонте мемуаристами до 1768 года; из известий этих явствует, что, несмотря на милость владельца и уважение, которым поль-

зовался Гонта в среде окружающей его шляхты, он не увлекся личною карьерою настолько, чтобы перейти в шляхетский лагерь и разорвать связь с народом, из среды которого вышел; тесная связь эта обозначается как признанною всеми мемуаристами популярностью Гонты в среде уманской милиции, в которой он был выборным сотником, так и его усердием к православной вере, на которые мы имеем два фактические указания. В 1860 году нам случилось быть в селе Росошках, где в старой деревянной церкви над дверью мы видели резную надпись примерно следующего содержания: "Церковь сия збудована коштом сотника Ивана Гонты и всей громады"[29]. В местечке Володарке, в старой Воздвиженской церкви, в числе церковных ктиторов записан был и Иван Гонта с женою, и портреты их хранились в церкви до 1847 года. В этом году старая церковь была разобрана и перенесена на другое место по желанию помещика; тогда, вероятно, в собственность последнего перешли и портреты ктиторов, в том числе и портрет Гонты, снимок, с которого и помещается в настоящей книжке "Киевской Старины".

В 1768 году Гонте суждено было занять видную и трагическую роль в истории края. В феврале этого года вспыхнула барская конференция; конфедераты, заняв значительную часть воеводств: Подольского, Брацлавского и Киевского, стали понуждать земледельцев к доставке в помощь конфедерации денег, провианта и вооруженных людей; в Умани получен был универсал, требовавший присылки в стан конфедератов 30 000 злотых, значительного фуража и 3000 вооруженных и форменно одетых солдат, т.е., иными словами, всей надворной козацкой милиции, и угрожавший строгим взысканием в случае ослушания (Записки П.Младановича. – С.79). Универсал этот был препровожден на усмотрение владетеля Уманщины, воеводы Салезия Потоцкого, и управлявший его имением дворянин Младанович просил снабдить его инструкциями. Потоцкий не был расположен в пользу конфедерации, но, с другой стороны, боялся, чтобы, в случае резкого отказа, его уманские по-

---

[29] За буквальную точность приводимой надписи мы не можем поручиться, ибо восстанавливаем ее по памяти, так как копия, снятая с надписи, утерялась.

местья не подверглись разорению со стороны конфедератов, и потому занял двусмысленное положение. Он приказал Младановичу ответить конфедератам, что он находит неудобным послать им в помощь свою козацкую милицию, так как на искреннее участие козаков в войне с русскими войсками невозможно положиться; но, взамен милиции, он обещал навербовать требуемое количество войска из шляхты и, вооружив ее на свой счет и снабдив мундирами, отправить в помощь конфедерации. В то же время он приказал всю уманскую милицию расположить лагерем у реки Синюхи вдоль русской границы и вошел в сношения с киевским военным губернатором Воейковым; последний, по просьбе Потоцкого, разрешил уманским козакам отступить за русскую границу, в случае если бы конфедераты заняли Умань (Записки Мощинского. – С.138). Не доверяя, впрочем, в этом деле шляхтичам, управлявшим Уманщиною, симпатизировавшим конфедератам, подобно всем лицам их сословия, Потоцкий, помимо губернатора Младановича, снабдил Гонту особыми инструкциями относительно поведения милиции и вступил с ним в частную переписку. Одно из писем воеводы к Гонте было перехвачено и утаено Младановичем: мы не знаем, какие распоряжения заключались в нем, но несомненно то, что Потоцкий обещал в нем Гонте, в награду за точное исполнение всех инструкций, выхлопотать дворянство и подарить несколько сел немедленно после усмирения конфедерации (Записки П.Младановича. – С.78; Записки Липпомана. – С.32; Записки Тучапского. – С.135-136).

Между тем Младанович и другие экономические урядники в Умани, желая вместе оказать помощь конфедерации и исполнить формально распоряжения Потоцкого, отправили милицию в лагерь к Синюхе, приказав командовавшим ею полковникам шляхтичам зорко следить за поведением козаков вообще и в особенности за действиями Гонты; затем они принялись весьма усердно подготовлять вооружение предположенной шляхетской милиции. Они обложили всех крестьян Уманщины тяжелым налогом и за полученные деньги стали приобретать оружие и заготовлять мундиры, белые жупаны, зеленые шапки и куртки. К Младановичу стали съезжаться местные шляхтичи на секретные совещания, являться ка-

кие-то таинственные лица для интимных переговоров, по ночам в экономические магазины привозили запасы оружия, седел и т.п. (Записки Кребс. – С.18-19; Записки П.Младановича. – С.79; Записки Мощинского. – С.139).

Хотя все эти приготовления делались в тайне, но слухи о них дошли до Потоцкого и последний решился отправить доверенное лицо для поверки действий своих управляющих: выбор его, впрочем, сделан был весьма неудачно. В Умань явился, в качестве уполномоченного воеводы, белзский мечник Цесельский, человек, по словам современника, "весьма видной наружности, но скудный умом, лишенный храбрости и самостоятельности". Цесельскому поручено было: проверить расходы и не допустить растраты денег управляющими на предметы, не разрешенные владельцем. Приехав в Умань, Цесельский немедленно подчинился влиянию Младановича и окружавшей его шляхты; вместо того, чтобы удержать их от действий в пользу конфедерации, он сообщил им подробности о сношениях воеводы с Гонтою и о том, что последний сообщает Потоцкому сведения об их поступках (Записки Мощинского. – С.137).

Известие это крайне взволновало шляхтичей: губернатор Младанович, главный кассир Рогашевский и полковник милиции Обух давно уже косились на Гонту, завидуя милости и доверию к нему Потоцкого и негодуя на то независимое от них, самостоятельное и обеспеченное положение, которого успел достигнуть козацкий сотник. Давно их коробило от необходимости обращаться с хлопом, как с равным себе урядником; теперь, узнав, что Гонта противодействует их конфедерацким замыслам и служит органом непонятных для них намерений воеводы, они решились изобрести всевозможные меры для того, чтобы уронить его в глазах владельца и, если возможно, совершенно погубить; но для этого необходимо было добыть факты обвинения, и шляхтичи занялись этим весьма усердно. Они начали с того, что уговорили Цесельского сделать представление Потоцкому о том, что Гонта получает вознаграждение не по заслугам, что уманская касса терпит значительный урон, вследствие отдачи ему в пользование двух богатых сел, и что было бы справедливо, отняв у него эти села, назначить ему в качестве сотника жалование в 100 злотых (т.е. 15 р.) в год, которые более

чем достаточны для содержания холопа (Записки Мощинского. – С.138). Вслед за тем Младанович стал вызывать и тщательно собирал всевозможные доносы на сотника. В доносчиках не оказалось недостатка: несколько евреев уманских сообщили Цесельскому, будто в лагере Гонта уговаривает козаков вступить в сношения с гайдамаками, но что в осуществлении этого намерения помешал ему скончавшийся недавно в лагере же сотник Дашко, который будто сказал: "Я не согласен, ибо семь недель будет вашего господства, а потом в течении семи лет будут вас вешать и четвертовать". (Записки Мощинского. – С.139). Получив этот донос, Цесельский хотел было судить Гонту и приговорить к виселице; но другие шляхтичи сообразили недостаточность улик и удержали его от решительных шагов, в надежде на более веское обвинение. Новый донос, более серьезный, не замедлил явиться; его прислал в начале мая из лагеря полковник Обух. Он извещал, что Гонта по ночам уезжает из лагеря в свои села и там проводит время в тайных совещаниях с какими-то "заграничными особами". В ответ на это донесение из Умани известили Обуха, что сообщения его недостаточны для того, чтобы казнить Гонту, и посоветовали более тщательно следить за ним, пресечь ему всякую возможность тайно сноситься с посторонними лицами, и главное, стараться поймать врасплох и арестовать "заграничные особы", если таковые появятся. Мы не знаем, какие меры были приняты Обухом, но они увенчались полным успехом; несколько дней спустя в лагерь казацкий приехали какие-то духовные лица из Киева и заявили желание посетить Гонту. Обух распорядился немедленно арестовать их, обыскать и доставить под сильным караулом в Умань вместе с найденными при них бумагами. Узнав о случившимся, Младанович вызвал в Умань Гонту, в полной уверенности, что нашел достаточные улики для его гибели; но губернатору пришлось разочароваться. Оказалось, что духовные арестованные лица вовсе не занимались политикою; найденные при них бумаги заключали лишь полемические рассуждения, направленные против унии, сетования о том, что польское правительство воспрещает православным жителям Украины ходить на поклонение в Киевские пещеры и, наконец, письмо какого-то духовного лица к Гонте, заключавшее исключительно заявления

дружеских чувств. Конечно, на основании всего найденного нельзя было Гонту ни казнить, ни судить, особенно ввиду расположенности к нему Потоцкого. Младанович находился в затруднительном положении: чтобы выйти из него, он дал пир в честь Гонты, объяснил все дело недоразумением Обуха и, вступив с заподозренным сотником в интимную беседу, предложил ему: или искренно поклясться в верности шляхте, или сложить с себя чин сотника и оставить милицию. Гонта ответил, что он не намерен ни оставлять военной службы, ни нарушать верности к воеводе Потоцкому. На том противники и прекратили переговоры. Младанович, чувствуя поражение, отпустил Гонту с честью в лагерь, приказав тем не менее полковникам Обуху и Магнушевскому продолжать тщательный за ним надзор (Записки Младановича. – С.79-80).

Таковы были отношения Гонты в Уманщине в мае 1768 года, когда неожиданное событие прервало сеть шляхетских интриг против ненавистного им сотника. В конце мая в Умань пришли первые вести о появлении гайдамак у Чигирина, но первоначально власти не обратили на эти слухи особенного внимания; гайдамацкие отряды, более или менее крупные, каждую весну появлялись в Украине и тревожили шляхтичей, но покушаться на более сильно укрепленные города не дерзали. В числе украинских крепостей Умань считалась сильнейшею: город был окружен рвом и валом с палисадом; внутри его экономический двор, устроенный в виде цитадели, имел особые укрепления; двое городских ворот и валы кругом города были снабжены численною артиллерией; наконец, гарнизон, состоявший из пехоты под начальством капитана Лепарта и надворная козацкая милиция представляли силы слишком внушительные для летучих гайдамацких отрядов. Но на этот раз тревожные вести вскоре стали принимать необычные размеры: гайдамацкий набег ясно стремился перейти во всеобщее крестьянское восстание. Небольшой отряд Железняка, заключавший в себе при первом появлении только 18 человек, рос по часам и мгновенно почти охватил весь юго-восточный угол Киевщины, направляясь медленно к западу; шляхта и евреи в тревоге бежали под защиту крепостей: Белой Церкви, Лысянки и особенно Умани. В виду возраставшей паники, Младанович счел наконец нуж-

ным в начале июня принять более серьезные меры предосторожности: он приказал запереть городские ворота и не пропускать в город никого без тщательного осмотра, отправил доверенных лиц в Бендеры для закупки у турецкого паши пороха и ядер, в которых чувствовался недостаток, кругом города расставил стражу[30] и, наконец, решился пустить в дело козацкую милицию. Младанович призвал ее из лагеря в Умань и приказал всему полку на рынке принести присягу на верность владельцу, после же ее исполнения он призвал к себе полковников Обуха и Магнушевского и сотников Гонту, Уласенка и Ярему и, угощая их усердно, уговаривал не изменять данной присяге, при чем обращался главным образом к Гонте; последний отвечал очень красноречивыми уверениями в своей неизменной верности владельцу. Вслед за тем к Гонте явилась депутация от уманских евреев, поднесла ему блюдо червонцев и другие богатые подарки и просила позаботится о их спасении. Младанович заключил пир уверением, что спасение города и всей Украины зависит от Гонты, и дал приказ козакам выступать в поход[31]. Для нас кажется очевидным, что во всех переговорах Младановича с Гонтою обе стороны не досказывали вполне своей мысли и в значительной мере скрывали ее под общею среднею формулою присяги: Младанович, трактуя о верности и требуя присяги на имя Потоцкого, подразумевал верность Речи Посполитой, шляхте и возникшей в ее среде конфедерации. Гонта, со своей стороны, ограничиваясь строго формулою верности воеводе, имел в виду исключительно личность последнего и, на основании бывшей переписки, мог чувствовать себя совершенно не связанным по отношению к шляхте вообще, а тем более к конфедератам. Между тем обе стороны считали неудобным открывать друг другу вполне свои побуждения и кружились в заколдованном кругу недомолвок и взаимного недоверия. По крайней мере, иначе трудно объяснить и ту легкость, с которой Гонта повторял требуемую присягу, и то недоверие, с которым принималась присяга Млада-

---

[30] Зап. П.Младановича. – С.81-82; "Киевская Старина" 1882. – Т.I. – С.523-524.
[31] Зап. Липпомана. – С. 16-17; Зап. Павла Младановича. – С.81; Зап. Тучапского. – С.126; Зап. Кребс. – С.19; Зап. Мощинского. – С.140.

новичем, и ту нерешительность, вследствие которой он не осмелился принять сколько-нибудь серьезных мер по отношению к Гонте, несмотря на постоянно осаждавшие его подозрения.

Выступив из Умани, козацкая милиция пошла по направлению к Звенигородке, так как получено было известие, что Железняк взял Смелу и оттуда идет на Умань. Между тем, количество беглецов, искавших спасения в Умани, увеличивалось все более и более; они уже не местились в городе и расположились лагерем за его чертою; в лагере этом насчитывали до 6 000 шляхтичей, евреев и слуг; между ними постоянно носились тревожные вести, и паника быстро возрастала. На третий день после выступления из города милиции, к Младановичу явилась депутация из лагеря и сказала, что шляхтичи имеют верное известие о соединении Гонты с Железняком у Звенигородки. Потому шляхтичи советуют, как можно скорее, призвать Гонту обратно и отрубить ему голову.

"Я не могу этого сделать", – отвечал Младанович, – "не потому, что Гонта в милости у пана, а потому, что у меня нет точных доказательств его вины. Впрочем, я сейчас пошлю к полковнику Обуху, чтобы он приказал сотникам приехать в Умань".

Сотники явились. Младанович публично повел разговор с Гонтою и объявил ему, что получено известие об его сношениях с Железняком. Гонта, не вступавший еще в эти сношения, по предположению Липпомана, отрицал факт и требовал очной ставки с обвинителем, но никто не явился, и Младанович замял дело и пригласил сотников еще раз принести присягу в верности.

"После этой церемонии", – говорит Кребс, "я слышала разговор Гонты с отцом и думаю, что всякий, услыхав его уверения в верности, подумал бы, что Гонта о том только и думает, как бы усилить к себе расположение воеводы"[32]. Того же дня сотники опять уехали к войску, и в городе настало тревожное затишье, прерываемое лишь глухими известиями о приближении гайдамаков к Умани. Гроза действительно приближалась: гайдамаки взяли Лысянку и перебили в ней шляхтичей; лысянская козацкая милиция присоединилась

---

[32] Зап. Кребс. – С. 19-20; Зал. Липпомана. – С. 18-19; Зап. Павла Младановича. – С.82.

к ним, и они направились на Умань; в уманскую волость они вступили с северо-востока, перебили шляхтичей в местечке Буках и в окружающих селах и направились к местечку Соколовке. На пути Железняк разглашал, будто он предпринял поход на основании указа императрицы, что он пришел восстановить козачество, в том числе и древний уманский полк, что он намерен изгнать всех панов из Украины, Подолии и Волыни и т.п.[33] После занятия гайдамаками Соколовки, к местечку подступила и уманская милиция и остановилась вблизи его на ночлег; здесь только, по всему вероятию, между Железняком и Гонтою открылись переговоры. Полковник Магнушевский, объезжая ночью расставленные им вокруг лагеря пикеты, узнал, что они были сняты по приказанию Гонты. Он отправился в палатку своего товарища Обуха, рассказал ему намеченный факт и предложил немедленно застрелить спящего Гонту, но Обух воспротивился этому, вероятно опасаясь ответственности перед Потоцким; между тем сотник Гонта и Уласенко успели войти в сношения с Железняком[34]. Мы не находим в мемуарах указания на побуждения, которыми руководился Гонта, решившись примкнуть к движению Железняка; конечно, слухи о мнимой грамоте императрицы были слишком наивны, чтобы могли сделать на него впечатление, как справедливо замечает Липпоман[35], трудно также предполагать, чтобы инструкции, данные Гонте Потоцким, могли его побудить к участию в гайдамачестве; Потоцкий мог ему предписывать уклоняться от участия в конференции, может быть, приказывал действовать против конфедератов или соединиться с русскими войсками, но он не мог предвидеть движения Железняка и тем менее не мог желать разорения центрального города своих поместий и истребления проживавшей в них шляхты. Очевидно, другие побуждения руководили Гонтою; скорее всего можно допустить, что в переговорах с Железняком он убедился, что последний поднял восстание во имя осуществления заветных народных идеалов: вос-

---

[33] Зап. Липпомана. – С.20; Киевская Старина. – Т.I. – С.522.
[34] Зап. Липпомана. – С.21; Зап. Мощинского. – С.140-141; Киевская Старина. – Т. I. – С.523.
[35] Зап. Липпомана. – С.21.

становления козачества, изгнания пано, истребления унии и счел своим долгом примкнуть к общенародному делу.

На следующее утро после ночлега у Соколовки, гайдамаки вышли из местечка по направлению к Умани, навстречу им шли уманские козаки; но на пути они остановились по приказанию сотников и последние обратились к полковникам-шляхтичам, примерно с следующею речью: "можете паны уехать прочь, мы не нуждаемся более в вашем присутствии, советуем вам: бегите, если хотите оставаться в живых; в противном случае погибнете если не от руки гайдамаков, то от нашей". Затем сотники объявили, что кто желает из козаков, может удалиться вместе с полковниками. Обух и Магнушевский быстро отъехали в сторону и направились к русской границе, которой достигли не без большой опасности; все же козаки под предводительством Гонты соединились с ополчением Железняка и вместе направились к Умани[36].

Между тем в городе в течении четырех дней не было вовсе известий ни о движении гайдамаков, ни о действиях уманской милиции. Наконец 18 июня около 11 часов дня, из башни экономического двора заметили приближавшийся полк уманских козаков; вслед за ним шло ополчение Железняка. Оба остановились в виду города, Гонта и Железняк дружелюбно приветствовали друг друга и оба войска, соединившись, бросились на табор, расположенный вне городских укреплений, и стали истреблять находившихся в нем шляхтичей[37]. Губернатор Младанович совершенно растерялся; в городе водворилась анархия и беспорядок; кое-какие меры для защиты приняты были лишь благодаря находчивости капитана гарнизона Ленарта и землемера Шафранского, служившего некогда в армии Фридриха II: они вооружили, чем попало, дворян, слуг, евреев и учеников базилианского училища, разместили их за палисадами и открыли пушечную пальбу по нападавшим. Перестрелка продолжалась в течении 30 часов, но средства осажденных быстро

---

[36] Зап. Тучапского. – С.127; Зап. Мощинского. – С. 141; Киевская Старина. – Т.I. – С.523.

[37] Зап. Липпомана. – С. 25-26; Зап. Младановича. – С. 83-84; Зап. Кребс. – С. 20-21; Зап. Мощинского. – С. 141-142; Киевская Старина. – Т.I. – С.524.

иссякли. В следующее утро Шафранский заявил Младановичу, что запасы пороху и картечи истощились; притом в городе не было воды, колодец, начатый за несколько дней назад, на глубине 30 сажень, наткнулся на скалу, но воды в нем не оказалось; осажденные должны были утолять жажду медом, вишневкою и вином, от которых хмелели и увеличивали беспорядок; сверх того, ночью из города сбежали к Гонте все солдаты гарнизона, экономические слуги и арестанты, содержавшиеся в экономической тюрьме и выпущенные на волю милиционерами[38]. Получая эти неутешительные известия, Младанович потерял всякую надежду на успех защиты и еще ночью уговорил купців-евреев отправить Гонте и Железняку в подарок несколько возов дорогих материй и начать переговоры об условиях капитуляции. Предводители гайдамаков приняли подарки, но переговоры отложили до утра[39]. На следующий день Гонта, привязал белый платок к копью, поехал к воротам и предложил возобновить переговоры об условиях сдачи; он требовал, чтобы Младанович вышел к нему лично и приказал бы открыть ворота; растерявшийся губернатор исполнил это требование, он пошел к воротам навстречу Гонте в сопровождении мещан, несших хлеб и соль. У ворот произошла беспорядочная сцена, различно рассказываемая мемуаристами. Из сопоставления сообщаемых ими известий, весьма впрочем противоречивых в частностях, несомненно то, что вследствие анархии, воцарившейся среди шляхты, переговоры не могли состояться; шляхетская старшина: губернатор Младанович, капитан Ленарт, кассир Рогашевский, хорунжий Марковский и другие вышли навстречу Гонте, не условившись предварительно между собою; когда ворота были отворены и Гонта и Железняк в сопровождении козацкой старшины въезжали в них, одни шляхтичи пытались было вступить в переговоры, другие прерывали их бранью, иные порывались палить из пушек, другие отталкивали их и ложились на пушки. Младанович, хотевший было предложить Гонте условия, не мог говорить среди шума; исполненный досады

---

[38] Зап. Липпомана. стр. 26-27; Зап. П.Младановича. – С.83-85; Зап. Тучапского. – С. 128; Зап. Кребс. – С.21-22; Киевская Старина. – Т.I. – С.524.
[39] Зап. Мощинского. – С.142-143.

и отчаяния, он обратился к шляхте: "Помышляйте же сами о себе, я иду в церковь; и предаю себя Господу!" и затем ушел к костелу[40]. Между тем, пока шляхтичи ссорились и шумели, вслед за старшиною вошла в город толпа народа и рассыпалась по улицам; началась кровавая расправа, известная под именем "Уманской резни". Мы не станем передавать подробностей этого дела, изобильно рассказанных всеми мемуаристами, а остановимся лишь на тех фактах, которые относятся лично к Гонте и очерчивают его отношение к излишествам народной мести. Несмотря на то, что факты эти мы в состоянии заимствовать исключительно из источников крайне неприязненных для Гонты и желающих свалить по преимуществу на него ответственность за варварские убийства, происходившие в Умани, всматриваясь в передаваемые мемуаристами данные, мы видим в действиях Гонты гораздо более желания смягчить расправу, чем усилить ее, и во многих случаях он очевидно прибегает к всевозможным компромиссам и хитростям для того, чтобы исторгнуть ту или другую жертву от ярости народного озлобления; он старается оттянуть время, делать распоряжения, будто грозные для жертв, но в сущности имевшие целью спасти их и т.п. Приняв во внимание состав овладевшего Уманью ополчения и отношение к нему Гонты, мы не можем относить к его личному влиянию того кровавого характера, который приняла расправа. Масса народа, нахлынувшая в Умань, состояла из крестьян, сбежавшихся из всей южной Киевщины: крестьяне эти, томившиеся долго в тяжелой крепостной зависимости, раздраженные недавними событиями, направленными к насильственному введению унии, представляли массу разъяренную и озлобленную и уже по степени своего развития не способную ни сдерживать своих страстей, ни подчиниться правильному руководству своих вождей. Притом, как ни был популярен Гонта, влияние его ограничивалось пределами Уманщины и для большинства восставших крестьян он был человек чужой и не

---

[40] Зап. Липпомана. – С. 27-29; Зап. Младановича. – С. 85-86; Зап. Тучапского. – С. 128-130, Зап. Мощинского. – С. 142-143; Киевская Старина. – Т.I. – С.525.

человек чужой и не авторитетный. Дать направление движению, сдержать чувство народной мести он не имел возможности, и на нем не может лежать ответственность за общий характер событий. Чтобы уяснить его личный образ действий, посмотрим, на какие факты указывают его враги. Самый враждебный к Гонте из всех мемуаристов, Павел Младанович, приписывает ему лично два убийства: кассира Рогашевского и своей тетки Констанции Янкевичовой; но в первом случае Младанович противоречит сам себе, так как он сам сообщает приказ данный Гонтою о том, чтобы пощадить семейство Рогашевского, относительно же Янкевичевой, сестра Младановича, видевшая ее смерть, сообщает, что она была убита каким-то неизвестным крестьянином, в то время, когда, в числе других женщин ее препровождали в церковь по приказанию Гонты[41]. Затем Тучапский утверждает, что Гонта приказал привести к себе губернатора Младановича, упрекал его в утайке важного письма, писанного воеводою к Гонте, и в заключение нанес ему удар саблею, а затем приказал окружавшим убить его; но Павел Младанович, сопровождавший отца во время этого разговора, ничего подобного не слышал; он утверждает, что Гонта требовал от Младановича передачи кассы и вследствие его отказа, выдал его окружавшим козакам[42]. Кроме этих трех сбивчивых, противоречивых и не ясных указаний, ни один мемуарист не приводит ни одного не только лично Гонтою совершенного убийства, но даже исходившего от него смертного приговора, между тем как в рассказах их постоянно просвечивают свидетельства, об усилиях Гонты спасти как отдельные лица, так и целые группы шляхтичей. Так, Тучапский свидетельствует, что Гонта приказал пощадить эконома Скаржинского; но крестьяне, ненавидевшие его за крайнюю строгость, убили его выстрелами из толпы, помимо запрета Гонты[43]. Младанович и Кребс рассказывают согласно о том, что, явившись в костел, куда укрылись многие шляхтичи и где уже началась резня, Гонта, приказал вывести из него несколько семейств, в том числе и

---

[41] Зап. П.Младановича. – С. 87, 94; Зап. Кребс. – С.23.
[42] Зап. Тучапского. – С. 135-136, Зап. Младановича. – С. 90-91.
[43] Зап. Тучапского. – С.136.

семейство Младановича, обещая спасти их. Выведенных из костела препроводили частью в дом мещанина Богатого, частью в экономический двор, их сопровождали козаки, назначенные Гонтою, которые, проходя среди толпы, кричали: "Не тронь!". Затем, явившись сам в дом Богатого и заметив, что гайдамаки в него врываются и обращают внимание на спасенных, он отвел Младановича в заднюю комнату и сказал ему: "сиди здесь, будешь в безопасности". Желая предохранить от разъяренной толпы детей и женщин, уведенных в экономический двор, он приказал их отвести в церковь, где священник прочел над ними молитву и окропил их водою; толпе было сообщено, что лица эти приняли крещение по православному обряду и что восприемниками их были Гонта и Железняк. Мальчика Младановича, будущего мемуариста, Гонта поручил безотступному попечению козака Шило, который его охранял в течении нескольких дней, объявляя всем: "то ляцка дитина, дарована житьем вид Гонты". Когда явились из одного из окрестных сел крестьяне, преданные семье Младановичей, он приказал выдать им и позволил увести из Умани троих спасенных детей. Наконец, когда страсти успокоились, Гонта приказал вывести на улицу всех, скрывавшихся во время погрома, и каждому поименно объявил, что жизни его не угрожает более опасность. Записывая последнюю сцену, Младанович прибавляет, что Гонта случайно заметил во время разговора лежавшие на улице трупы убитых детей, страшно побледнел и приказал немедленно похоронить их[44].

Факты, подобные приведенным, рассеяны в значительном количестве в мемуарах и они, независимо от воли сообщающих их лиц, восстановляют человечный образ ненавистного для шляхтичей уманского сотника.

Погром продолжался два дня, наконец страсти улеглись; нужно было приступить к устройству края и к продолжению начатых действий. О деятельности Гонты в течении трех недель, последовавших за взятием Умани, мы имеем только весьма скудные намеки, тем не менее в них ясно обозначается направление к тому порядку, который стремился осуществить восставший народ и его вожди.

---

[44] Зап. П.Младановича. – С. 87-100, 103; Зап. Кребс. – С.22-24.

После взятия Умани только в течении трех недель они имели возможность свободно распоряжаться в крае; в это время они приняли меры для того, чтобы, распространить движение на возможно широком пространстве: из крестьян формировали отряды и рассылали их в разные стороны: в Брацлавщину, на границы Подолия и Полесья, с поручением изгнать или истребить шляхтичей. В Умани созвана была рада для выбора войсковой старшины; на ней, по козацкому обычаю, при пушечной и ружейной пальбе, провозглашены были: Железняк – гетманом и Гонта – уманским полковником; о других должностных лицах до нас не дошли сведения[45]. Уманщина разделена была на сотни и в каждую отправлен сотник, который должен был регулировать доставку военного контингента и заведовать сбором провианта и податей, в этом смысле разосланы были по селам указы за подписью Гонты[46]. Униатским священникам предписано было или оставить приходы, или присоединиться к православию, испросив у переяславского епископа уставные грамоты и антиминсы[47]. Затем приступлено было к очистке города от трупов; часть козацкого войска заняла в качестве гарнизона Умань, другая выведена была за город в лагерь. Гонта старался поддерживать в войске бодрость духа и веселие: он разделил между козаками богатую добычу, старался о правильном снабжении лагеря провиантом и по временам устраивал пиры с музыкою и танцами, на которые приглашал без различия всех жителей города, в том числе и уцелевших дам шляхетского сословия[48]. Несмотря на эту деятельность, Гонта однако сознавал всю трудность прочного водворения козачества; он по временам был беспокоен и задумчив и говорил к окружавшим: "Братья! Сомневаюсь, пойдет ли в прок начатое дело"[49].

---

[45] Зап. Тучапского. – С. 137.
[46] Зап. Мощинского. – С. 145; Зап. П.Младановича. – С. 103.
[47] Киевская Старина. – Т. I. – С. 528.
[48] Зап. П.Младановича. – С. 101-102; Зап. Тучапского. – С. 137-138.
[49] Зап. Тучапского. – С. 138.

Действительно сомнения Гонты оправдались раньше, чем он полагал, и гроза наступила с той стороны, откуда менее всего она ожидалась. Русское правительство сочло необходимым принять участие в водворении порядка в русских областях, принадлежавших Польше, и снабдило соответственными инструкциями генерала Кречетникова, осаждавшего в то время отряд конфедератов в Бердичеве. Кречетников отправил в Умань полк донских козаков под начальством полковника Гурьева[50], с поручением усмирить восставших крестьян и вслед за Гурьевым послал туда же отряд пехоты. Гурьев прибыл к Умани и расположился рядом с лагерем Железняка; он вступил в приятельские отношения с предводителями восстания, посещал часто Гонту и Железняка, предлагал им план совместных действий против конфедератов, обещал свою помощь для изгнания шляхты из Волыни и давал советы относительно устройства войска и введения правильного военного порядка. Дружелюбные отношения продолжались в течении нескольких дней, пока Гурьев не был извещен, что в подкрепление ему приближается полк пехоты. Узнав об этом, он устроил пир для всего войска и приказал донцам усердно угощать украинцев и в тоже время незаметно овладеть складом их оружия и угнать их лошадей; между тем подходившая пехота окружала цепью веселившийся лагерь. Среди этих приготовлений Гонта, Железняк и другие козацкие старшины приглашены были в палатку Гурьева, откуда, по условию, они должны были отправиться погостить в дом Гонты в Росошки. Вдруг, Гурьев, беседовавший дружелюбно с своими посетителями, подал условный знак и в палатку вошли вооруженные донцы, бросились на старшину и перевязали ее, в ту же минуту пехота сомкнула цепь и вместе с донцами бросилась на пировавших козаков; их хватали врасплох, вязали, забивали в кандалы; многие

---

[50] Польские мемуары передают различно фамилию русского начальника, развеявшего гайдамаков; его называют то Кречетников, то Кривой, то Нолькин и т.д. Имя Гурьева сохранилось только в Записках Мощинского, затем оно подтверждается официальным рапортом Браницкого королю, от 10 июля. Зап. Мощинского. – С. 145. – С. 38.

успели бежать, другие пытались защищаться, но были подавлены[51]. К утру лагерь украинцев уже не существовал и 900 пленников находилось во власти Гурьева[52].

Таким образом исполнено было приказание данное Гурьеву. Правительство, от которого оно исходило, руководилось конечно соображениями высшей политики, более или менее просвечивающими в переписке Румянцева с Паниным и коллегию иностранных дел, и имело свои основания принять данный образ действия; но в самых приемах усмирения восставших крестьян не менее заметны личное настроение и точка зрения русских офицеров, исполнявших приказания правительства. Донской полковник Гурьев и прибывшие вслед за усмирением восстания в Умань генералы Кречетников и Подгоричанин относятся к пленным крестьянам и козакам с крайним презрением и негодованием и, напротив, заявляют весьма нежную симпатию к шляхтичам; они как будто не сознают, что восставшие крестьяне связаны с Россиею узами веры и народности, что если восстание и было несвоевременно и с политической точки зрения нежелательно для русского правительства, то тем не менее оно исходило из желания отстоять свои народные права, опиралось на симпатию к России и прикрывалось именем императрицы. Русские офицеры не обращают внимания на все это; они видят в восставших лишь бунтующих крепостных, в шляхтичах – обиженных дворян и потому в обращении с пленными, они лично от себя прибавляют меры строгости и произвольные наказания, далеко не вытекавшие из служебных обязанностей. Так Павел Младанович, оставивший самые подробные сведения о первых днях ареста Гонты, с радостью и похвалою описывает подробно действия Гурьева. Он сообщает, что сейчас после ареста полковник нанес собственноручно сильные побои Гонте, а затем приказал перед своею палаткою

---

[51] Зап. Липпомана. – С. 42-45; Зап. П.Младановича. – С. 107-111; Зап. Тучапского. – С. 141-143; Зап. Кребс. – С. 28-30; Зап. Мощинского. – С. 145-148.

[52] Из расписки коменданта киевской крепости Лбова, мы знаем, что он принял 68 пленников, присланных Гурьевым; в рапорте Браницкого королю показано число пленных, переданных Гурьевым в распоряжение польских властей – 846.

отсчитать по 300 ударов Гонте, Железняку и остальным пленным старшинам. По словам мемуариста, наказание этим не ограничилось: в течении нескольких дней, пока пленники не были сданы польским властям. Гонта подвергался телесному наказанию по три раза в сутки; все тело его покрыто было язвами, говорит с торжеством Младанович, и полковник провожал съезжавшуюся в его лагерь шляхту к яме, в которой содержался Гонта и указывал им пленника; сверх того жена и четыре дочери сотника были арестованы донцами, доставлены в лагерь, несколько раз наказаны публично розгами за то, что не донесли об измене мужа и отца, и затем отправлены в ссылку; сын Гонты спасся бегством в Молдавию, вместе с сотником Уласенком. Движимое имущество Гонты было конфисковано и Младанович сетует только на то, что Кречетников не выдал его потерпевшим шляхтичам, а присвоил себе в качестве военной добычи[53]. Мы не имеем возможности проверить, насколько Младанович преувеличил рассказываемые им факты, но подтверждение общего колорита их находим в Записках Кребс; она сообщает, что генерал Подгоричанин посетил ее в селе, где она скрывалась, очень заинтересовался ее участью, перевез в Умань, обеспечил ей содержание и, уходя в поход, со слезами просил Кречетникова взять ее под свое покровительство. Утешая спасенную Гонтою же девушку, Кречетников привел ее, вместе с братом, в палатку, где она увидела Гонту окованного по рукам и по ногам, лежавшего лицом к земле, но одетого еще в свое форменное платье уманской милиции. "Кречетников толкнул его палкою в голову. Гонта приподнялся; тогда генерал, указывая на нас, сказал: посмотри на этих несчастных сирот! Гонта с минуту смотрел на нас, потом отвернулся и крикнул: "чорт их бери!" и снова уткнулся лбом в землю"[54].

После нескольких дней мучительного плена, Гурьев передал Гонту, вместе с другими пленниками, уроженцами польской Киевщины, под стражу отряда польского войска, и они были препрово-

---

[53] Зап. Павла Младановича. – С. 111-114.
[54] Зап. Кребс. – С. 27-28.

ждены в главную польскую военную квартиру, находившуюся в селе Сербах в окрестности Могилева на Днестре.

Здесь пленные ожидали суда в течение месяца, пока начальник польского войска сносился с королем и пока установилась точка зрения на предстоящий процесс[55]. В то время главным начальником незначительных военных сил, которыми Польша располагала в юго-западном крае, был ловчий коронный Ксаверий Браницкий, личный друг короля Станислава Понятовского; он имел специальное поручение действовать против конфедератов; с этой целью он расположил свои небольшие силы вдоль по течению Днестра, для того, чтобы пересечь сношения конфедератов с Молдавией, где находились в то время конфедератские начальники и резервы и куда укрывалась партия конфедератов после каждого поражения. Был ли Браницкий исключительно занят своим делом, или считал свои силы слишком слабыми, или, может быть, полагал, что крестьянское восстание, грозное для конфедератов, случилось на руку для польского правительства; во всяком случае он не тронулся с места при вести о народном восстании и не принял никаких мер для его подавления. Между тем теперь, совершенно против воли, ему пришлось стать судьею пленных крестьян. Как видно из дошедшей до нас переписки Браницкого с королем, он был человек для своего времени либеральный и гуманный, не разделял фанатических и эксклюзивных воззрений шляхты и, по врожденной мягкости нрава, чувствовал отвращение от жестокой расправы. Роль уголовного военного судьи претила ему и он старается смягчить ее, помимо напора общественного шляхетского мнения. В письме к королю от 10 июля, извещая о присланных пленниках, он высказывает в следующих словах свои взгляды и свое положение в этом деле: "Здесь господствует всеобщая радость: окрестные помещики и евреи постоянно меня осаждают, советуют четвертовать, жечь, сажать на кол, вешать без милосердия, только и слышу: "казни! распни!" Я объясняю, что только часть виновных прикажу казнить, остальных же отправлю для крепостных работ и для устройства мостовых в

---

[55] Зап. Кребс. – С. 38, 68. Браницкий извещает короля 10 июля о присылке Гурьевым пленных и только 13 августа посылает рапорт об их казни.

городах; но они продолжают настаивать, В другое время я не стал бы их и слушать, но теперь я должен делать уступки, ибо слышатся уже намеки, будто весь бунт произошел по нашему наущению; те лица, которые бежали толпами за границу при появлении двух-трех гайдамаков, теперь, видя их в плену, проявляют неимоверное рвение и мужество и добиваются чести быть палачами; советуют мне, по примеру Потоцкого[56], перерезать поголовно, не щадя ни женщин, ни детей, те села, которые были причастны к бунту; напрасно я поставляю им на вид, что в слабо населенной области нельзя истреблять населения... Я намерен поступить так: некоторых гайдамаков прикажу казнить для удовольствия господ помещиков, остальных же (а их наберется более тысячи) отправлю для исполнения крепостных и городских работ в Каменец, Львов и вашей королевской милости в Уяздов[57]. Король одобрил в принципе человеколюбивый взгляд Браницкого, но заметил, что он не имеет ни войска для охраны многочисленных пленников, ни денег для их прокормления, затем обещал постараться добыть средства. Понуждаемый новыми письмами Браницкого, он наконец ответил: "мысль об обращении пленных холопов к исполнению работ общественных и моих частных прекрасна, но возможна при более благоприятных обстоятельствах, не теперь... если вам впредь будут попадаться пленники из бунтующих крестьян, то прикажите одному из десяти отрубить по одной ноге и по одной руке и всех выпускайте. Эта мера устрашит их более, чем смертная казнь; в доказательство ее пользы есть примеры в прошедшем"[58].

Таким образом решена была участь пленных. Браницкий, уступая общественному мнению шляхтичей и не находя поддержки у короля, назначил военносудную коммисию; последняя определила 700 человек повесить в различных селах и городах юго-западного края; предводители же подверглись "для примера, жесточайшей каз-

---

[56] Это упоминание относится к гетьману Іосифу Потоцкому, усмирившему крестьянский бунт в Брацлавшине в 1702 году.

[57] Зап. Кребс. – С. 38-39. Уяздов – вилла в окрестности Варшавы, где король тогда строил дворец и заводил парк.

[58] Зап. Кребс.. – С. 41-42, 49-50, 58 и 74.

ни", по выражению Браницкого; последний все таки помиловал несколько сот человек, отправив их на работы в каменецкую и львовскую крепости. "Пусть доброта вашей королевской милости извинит мне это ослушание его воли", пишет он в рапорте от 13 августа, "но я не могу вынести мысли о том, чтобы казнить смертью столько людей из за того только, что нам нечем прокормить их"[59].

В числе начальников, казненных "жесточайшим образом для примера", конечно, первое место занимал Гонта. Приговор комиссии присудил его к следующему роду смерти: казнь должна продолжаться 14 дней; в течении первых десяти палач должен ежедневно снять с его спины полосу кожи, в 11-й день отрубить обе ноги, в 12-й обе руки, в 13-й вырвать сердце и наконец в 14-й отрубить голову. Затем части его тела должны быть прибиты к виселицам, воздвигнутым в 14 городах Украины[60]. Браницкий смягчил этот приговор тем, что приказал обезглавить Гонту на третий день и продолжать исполнение дальнейшей казни на трупе. Затем, не будучи в состоянии выносить этого зрелища, он уехал из лагеря в Каменец, откуда и послал рапорт королю[61].

О последних минутах Гонты осталось несколько характеристических рассказов. Младанович сообщает, что Браницкий дозволил нескольким духовным лицам напутствовать его перед смертью[62]. Тучапский говорит, что "Гонта перенес справедливую казнь с полною решимостью и приготовился к ней надлежащим образом"[63]. Охоцкий, со слов очевидцев, описывает ее следующим образом: "Гонта вышел на место казни с лицом веселым и спокойным, будто он шел к куму на крестины. Палач оторвал ему полосу кожи, кровь брызнула, но лицо гайдамаки не изменилось: оторвали другую полосу кожи; тогда Гонта сказал зрителям: "От говорили, що буде

---

[59] Там само. – С. 68.

[60] По свидетельству Младановича много лет спустя виделся еще череп Гонты, прибитый к виселице у города Могилева. – С.115.

[61] Зап. П.Младановича. – С. 115; Зап. Тучапского. – С. 185; Зап. Кребс. – С. 31; Зап. Мощинского. – С. 149. Рукописные записки анонима.

[62] Зап. П.Младановича. – С. 115.

[63] Зап. Тучапского. – С. 145.

болиты, – а ни кришки не болить!" – Удивительная сила воли! – в другом положении человек этот несомненно мог бы совершить великие дела[64]. Наконец неизвестный шляхтич, частью записок которого мы пользуемся в рукописи, передает со слов офицера, присутствовавшего при казни, следующую черту, свидетельствующую о том, что самообладание и даже юмор не оставили Гонту до последней минуты: "Пленника сторожил по ночам один из товарищей панцирной хоругви. После прочтения приговора, накануне казни, товарищ этот, подозревавший, что Гонта припрятал кое-что из добычи, обратился к нему с следующею речью: "Пан полковник! завтра все земное будет кончено для вас; не найдете ли возможным оставить что-либо на память небогатому воину, который проводит с вами последние минуты?" – "Охотно", отвечал Гонта, "напомните мне завтра, я вам подарю пояс". Товарищ всю ночь мечтал о богатом поясе из златоглава и на другой день, лишь только Гонту вывели из темницы, он обратился к нему: "пан полковник! позвольте вам напомнить обещанный пояс!" – "Я не забыл", ответил Гонта с презрительною улыбкою, – "первая полоса кожи[65], которую снимут с меня, пусть служит вам поясом!"

Полагаем, что такое полное хладнокровие и самообладание в виду мучительной варварской казни мог сохранить только человек глубоко убежденный в правоте своего дела и в чистоте руководивших им принципов и побуждений. Судя по намекам мемуаристов, такое же представление о Гонте присуще было всему народу. Младанович утверждает, что после казни Гонты многие друзья его в Уманщине кончили жизнь в отчаянии самоубийством[66]. Имя его долго хранилось в памяти народа и служило символом освобождения из панской неволи; когда между крестьянами зарождались неосновательные слухи об изгнании панов, в числе их появилось неизменно известие о том, будто руководителем движения будет сын Гонты, скрывающийся где-то "на Волощині".

Джерело: Киевская старина. – 1882. – № 11. – С. 250-276.

---

[64] Зап. Охоцкого. – Т.І. – С. 108.
[65] По-польски означает и пояс и полоса кожи.
[66] Зап. Младановича. – С. 116.

К ИСТОРИИ УМАНСКОЙ РЕЗНИ 1768 Г. (ЧИТАНО В ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ ПРИ НИЖИНСКОМ ИНСТИТУТЕ)

Слезами и кровью написана история еврейского народа со времени потери им своей политической самостоятельности. В течении 18 столетий жизнь этого народа представляет собою беспрерывную Одиссею, бесконечный мартиролог, цепь жгучих страданий, одно мучительнее другого. Правда, жизнь евреев в первые века христианства изобилует светлыми, отрадными фактами, свидетельствующими о том, что и Израиль ведал лучшие дни, что и с ним обращались по человечески. Но зато с наступлением эпохи Крестовых походов для евреев настали очень горькие и тяжелые времена. При господстве в то время грубого невежества и фанатизма, разъяренная чернь, увлекаемая и разжигаемая каким-нибудь фанатиком веры или просто злоумышленником, желавшим поживиться за счет евреев расправлялась с этими последними самым жестоким и бесчеловечным образом. Стоило только какому-нибудь фанатику или ловкому прощелыге взвести на евреев какую-нибудь небылицу, обвинить их в не существовавших преступлениях и направить на них невежественную толпу, и горько тогда доставалось несчастным евреям. Находилось ли государство под гнетом страшного бедствия; явилась ли повальная эпидемия, уносившая сотни и тысячи несчастных жертв; вспыхнул ли стихийный пожар, превративший цветущие селения в печальные развалины; случился ли голод со всеми его ужасными последствиями: никогда в таких случаях не доискивались истинных причин несчастья, а всюду и во всем видели проделки евреев и они-то были козлами отпущения. Поэтому, на любой странице истории евреев в западной Европе глазам нашим представляются душу раздирающие картины массовых изгнаний, поголовных избиений, конфискаций имуществ и возмутительного грабежа. Одна только Русь представляет в этом отношении относительно счастливое исключение. Несмотря на то, что евреи проникли сюда при первых Рюриковичах, а, быть может, гораздо раньше еще, они не подвергались тут таким частым преследованиям и гонениям, не испытывали тех физических мучений и нравственных

унижений, какие выпадали постоянно на долю их собратьев в Западной Европе. Но, говоря это, я отнюдь не думаю, что евреи на Руси наслаждались всегда полным благоденствием, что жизнь их протекала тут мирно и спокойно и не была нарушена вторжением буйной черни[67]. Я именно говорю относительно, потому что были такие печальные моменты в жизни евреев на Руси, которые кровавыми буквами занесены в летописи этого народа и при одном воспоминании о которых сердце содрогается и кровь в жилах застывает. С особенной рельефностью в мартирологии евреев на Руси выделяются два таких момента, которые навсегда останутся свежи в памяти каждого из них, и которые кровавым и зловещим заревом освещают темную, малоразработанную историю их в России. Это были минуты, в которые настрадавшаяся и натерпевшаяся толпа расправляется со своими врагами-евреями за вековые обиды и мучения самым ужасным и невероятным образом. Моменты эти известны под названием восстания козаков под предводительством Хмельницкого и движения гайдамаков под начальством Железняка и Гонты, или так называемая колиивщина[68]. Движение Хмельницкого и положение при нем евреев достаточно разработаны лучшими историческими силами у нас и заграницей. Зато история колиивщины долго вовсе не исследовалась, но в последнее двадцатилетие очень посчастливилось истории гайдамачины. В течение такого в сущности незначительного времени была открыта, разработана и издана масса документов, бросающих яркий свет на считавшиеся долго темными и запутанными вопросы. Самый главный вопрос о

---

[67] Первое сведение наших летописей о гонении евреев относится к 1113 г., когда, после смерти В.К.Святополка, киевляне разграбили двор притеснявшего их тысяцкаго Путяты и "идоша на жиды и разграбиша я". Это нападение объясняется первым распоряжением Мономаха, занявшего вслед за тем княжеский стол: он, желая удалить причину волнения, собрал мужей своих и порешил общим советом уменьшить росты. Соловьев П., 78-79. – Ред.

[68] Такое название событие это получило потому, что гайдамаки сражались тогда длинными кольями, что было их главным оружием тогда. А.Ю.З.Р. – Ч.I. – Т. II.

том, что вызвало на историческую арену печальное явление гайдамачины, вопрос, возбуждавший очень долго самую ожесточенную полемику между русскими и поляками, желавшими взваливать ответственность за тяжесть совершенных гайдамаками преступлений одна на другую, вопрос этот тщательно разработан и решен с честью для России. С этой последней снято теперь тяжкое обвинение в том, что она, по словам польских историков, из политических соображений принимала активное участие в деле разжигания народных страстей, направленных к истреблению ненавистных им поляков. Обнародованные по этому вопросу документы[69] самым красноречивым образом доказывают, что Россия не только не брала под свое покровительство бунтовавших гайдамаков, не только не поощряла их притязаний, но учинила даже над ними самую жестокую расправу за все совершенные ими злодейства. Выяснено также с очевидной убедительностью, что гайдамацкие волнения не происходили на почве экономических неурядиц, не были последствием тяжелого материального гнета, тяготевшего будто бы тогда над гайдамаками[70], а имели, так сказать, духовный и религиозный характер[71]. Это была жестокая и отчаянная борьба между представителями двух друг другу ненавистных исповеданий, католицизма и православия, из которых первое насильственно и грубо навязывалось последователям другого[72].

Установлено, что гайдамаки были не шайка кровожадных людей, живших грабежом и разбоем, как это утверждалось раньше[73], действовавших без всякого определенного плана, но что они боролись за вполне определенную идею, заключавшуюся в желании

---

[69] Киевская Старина. – 1882.

[70] Переписка гр. Румянцева.

[71] Мы полагаем, что это положение автора не вытекает из современной разработки данного вопроса; исследования о быте крестьян (конечно не гайдамаков), по-нашему мнению, ясно указывают на то, что юридическое и экономическое положение крестьян было одною из важнейших, хотя не единственною, причиною гайдамацкого брожения. – Ред.

[72] А.Ю.З.Р. – Ч.1. – Т. II.

[73] *Скальковский*. История Новой Сечи. – Ч.II.

завладеть Киевским воеводством или, по крайней мере, значительными частями его[74]. Теперь не подлежит больше сомнению также и то, что событие, совершившееся в 1768 году и казавшееся как бы отдельным, ничем не связанным[75] эпизодом из жизни южнорусского народа, на самом деле в непосредственной связи с целым рядом событий, происходивших в предшествовавшие времена и подготовивших, так сказать, событие 1768 г.[76] Словом, главная причина, долго мешавшая беспристрастному и всестороннему выяснению запутанных вопросов по истории гайдамаччины и колиивщины, именно отсутствие необходимых документальных данных, на что в свое время сетовал профес. Антонович, теперь, благодаря обилию материала, обнародованного в последнее время, вполне устранена, и гайдамаччина таким образом принимает уже цельный и определенный характер и может считаться вопросом решенным и закрытым. Но, если достаточно установлены причины и мотивы, вызвавшие на свет Божий кровавую драму гайдамаччины, то страшный эпилог этой драмы, знаменитая уманская резня, которая в истории массовых народных преступлений займет очень видное место, эпилог этот, говорю я, не достаточно еще исследован, и в этом отношении историки колиивщины не сказали еще своего последнего слова. Дело в том, что из всех документов, заключающих в себе описание уманской резни, только один написан очевидцем печальной катастрофы под непосредственным впечатлением всего виденного и пережитого[77]. Остальные же были составлены в более или менее долгий промежуток времени после страшной резни, и поэтому сообщения их, написанные по воспоминаниям или по расспросам современников и старожилов, (как, например, записки Павла Младановича, Липпомана, Мощинского и Тучапского), страдают некоторой неправдоподобностью и явным противоречием. Кроме того, одно из таких описаний принадлежит перу человека заинтересованного, придающего событиям, предшествовавшим сдаче

---

[74] *Шульгин.* Очерк кол. по изд. в неизд. документам.
[75] *Костомаров.* Материалы для истории колиивщины.
[76] Уманский сотник Иван Гонта.
[77] Оп. бед. пост. Умань и Украину // Киевская Старина. – 1882.

Умани, личный, тенденциозный характер. Я говорю о записках Вероники Кребс, дочери бывшего в 1768 году Уманского губернатора Младановича, несомненного виновника гибели стольких невинных жертв, которого дочь, однако, всячески выделяет и защищает, взваливая всю вину на бездеятельность конфедератов и др. А между тем этот Младанович своей излишней доверчивостью Гонте, своей абсолютной бездеятельностью, мешавшей и другим что-нибудь делать на пользу обороны города, немало способствовал овладению неприятелем Уманью и происходившей там резни. Эта резня, по своим ужасающим размерам, по обилию пролитой крови, по громадному количеству несчастных жертв, ею поглощенных, по страшной экзальтированной народной ярости, обнаруженной толпой и превосходящей всякие границы вероятности, так ужасна и потрясающа, что самые ничтожнейшие и косвенные её виновники должны быть тщательно отысканы и привязаны к позорному столбу истории. И так обнародованными до сих пор описаниями уманской катастрофы не исчерпываются, по моему, подробности о взятии Умани, не достаточно охарактеризована личность уманского губернатора, сыгравшего такую печальную роль в этой странной трагедии. Кроме того, в тех описаниях не указано на один пошлый и зверский его поступок, о котором речь будет ниже и который впоследствии был отчасти причиной гибели его. Всякое новое историческое сведение, непосредственно относящееся к уманской резне, заслуживает быть обнародованным. Вот соображения, по которым я, не вдаваясь в обсуждение вообще причин, породивших гайдамацкое движение, решил дать в русском переводе найденный покойным магистром Гурляндом в азиатском департаменте и изданный после его смерти написанный на еврейском жаргоне документ, относящийся к истории колиивщины[78]. Автор ме-муара, бывший печальным зрителем разыгравшейся уманской трагедии, спасшийся от угрожавшей ему гибели, описывает под свежим впечатлением всего виденного и пережитого подробности уманской резни, ставшей такой печальной для многих его единоверцев. Документ этот поражает очевидностью сообщаемых им фактов и заслу-

[78] Лекерот Гагзерот Бизраиль. Гурлянд Одесса.

живает, по-моему, большего доверия, чем изданные до сих пор польские записки, заключающие в себе описание уманской резни, так как он написан без всяких предвзятых политических тенденций, а передает только факты, как они происходили, не придавая им своей собственной, личной окраски. Притом он освещает некоторые запутанные подробности, предшествовавшие сдаче города. Автор мемуара нельзя сказать, чтобы отличался мастерством изложения и умением обрисовывать предметы яркими и резкими чертами; мемуар его оснащен массою излишних подробностей и повторений, тем не менее я решил ничего не выпускать и держаться, насколько это возможно, буквального перевода. Надеюсь, что все интересующиеся историей колиивщины обратят на этот документ должное внимание и прочтут его с некоторым интересом. В заключении я должен обратить внимание кого следует на еще один пробел в истории гайдамачины, который заслуживает быть пополненным. Я говорю о полном игнорировании исследователями этой эпохи вопроса об участии евреев в деле подготовления гайдамацких волнений на Украине. Действительно, в то время, как о деятельности евреев в подготовлении движения Хмельницкого написано довольно много, тот же самый вопрос о роли евреев перед гайдамачиной обойден полнейшим молчанием. По крайней мере, нет, кажется, никаких более или менее явных указаний на тлетворное влияние, на предосудительные поступки евреев по отношению к гайдамакам. Даже главный виновник гайдамацких зверств, разжигавший расходившуюся толпу, Мотренинский архимандрит Мелхиседек Значко Яворский, в своих жалобах и ляментациях на угнетение православных и православной церкви со стороны поляков, о евреях почти и не говорит[79]. А между тем было бы в высшей степени желательным выяснение вопроса о том, понесли ли евреи свое страшное наказание при движении гайдамаков заслужено, как, по крайней мере, при Хмельницком, или они в данном случае были

---

[79] Вся эта гирада об архимандрите Мельхиседеке не верна: Из Ар. Ю.З.Р. – Ч.II. – Т.II, можно наглядно убедиться, что арх. М. не только не был "главным виновником гайдамацких зверств", но уже за два года до колиивщины не жил в крае (С. CCVIII-CCIX). – Ред.

только бедными Макарами за чужие грехи, за грехи польские. Известно только то, что положение евреев на Украине в то время было гораздо хуже и ужаснее положения поляков; постигшая их участь была печальнее участи последних. Убийства крестьянами евреев, говорит г. Шульгин[80], происходили чаще убийств шляхты. Особенно часто они решались на убийство евреев, будучи пьяными. Убивать евреев было как бы обязательно. Евреи не знали, куда деваться. Никто не хотел защищать их от бушевавшей толпы. Евреи-арендаторы вовсе не могли рассчитывать на пощаду. Поляки скорее могли, говорит другой историк гайдамаччины[81], спастись, чем евреи, потому что поляки находили защиту и в своих замках, и в своем вооруженном дворянстве и, наконец, в городской милиции[82], в которой начальниками были поляки. За то евреи остались совершенно беззащитными. Много уже евреев успело погибнуть, пока гайдамаки двигали свои нестройные массы от Смелы до Лысянки. Вдали представлялись еще большие ужасы и поголовная смерть всему еврейскому населению. Обремененные большими семействами, в особенности беднейшие из них, не имели даже возможности куда-нибудь бегать. Самые гайдамацкие песни говорят, что им было легче справляться с жидами, чем с поляками, и гайдамаки прямо говорят, что они всем им снимут головы, начиная Борухом и кончая Нохимом. Вот каков был мартирологий евреев на Украине тогда. Было ли это по заслугам – вот вопрос, который напрашивается на разрешение. Я, быть может, возвращусь еще к этому вопросу, а пока перейду к переводу вышеупомянутого еврейского документа. Автор, по-видимому, ведет свой рассказ с той минуты, когда Железняк пожелал помериться силами с Потоцкими, тогдашними владельцами Умани, и с этой целью он повернул свой

---

[80] Очерк колиивщ. по издан, и неизд. документам.

[81] Мордовцев. Гайдамачина.

[82] Это очевидное недоразумение; при польском режиме не существовало на Украине никакой городской милиции. – Ред.

отряд по направлению к Умани, куда, вдобавок, влекло его богатство города. Вот содержание документа[83].

"Господи Милосердный! Доколе Ты будешь спокойно взирать на несчастья, постигающие Твой избранный народ... Это бедствие

---

[83] Предлагаемый г. Галантом еврейский мемуар о колиивщине, конечно, представляет интересный материал для истории этого события как свод преданий и взглядов еврейского населения края. Мы, однако, полагаем, что издатель признает за ним слишком серьезное значение, утверждая, что мемуар этот превосходит все другие, поныне изданные, точностию и обстоятельностью изложения. Мемуары: Младановича, г-жи Кребс и безыменного Базилияна написаны несомненно очевидцами событий, между тем как из текста еврейского мемуара не видно, чтобы автор его был "печальным зрителем разыгравшейся трагедии"; напротив того, некоторые известия ясно указывают, что составитель мемуара находился вдали от территории, где разыгрывалась трагедия и собирал лишь рассказы об отдельных эпизодах, ходившие среди евреев; так, например, весь рассказ об усмирении гайдамаков и казни Гонты совершенно фантастичен; автор приписывает действия полковника Гурьева Ксаверию Браницкому и полагает, что гайдамаки были усмирены польскими войсками, по инициативе бродских евреев, воздействовавших с этой целью на Браницкого. Притом автор мемуара человек мало развитой и потому сообщает многие сведения или неясно и сбивчиво -- как например эпизод об истреблении евреев у г. Балты, или без всякой критики весьма наивно помещает слухи и догадки, ходившие среди евреев, которые он выдает за факты, но которых он не мог бы знать, если бы они и происходили в действительности и если бы автор и проживал в Умани во время катастрофы; таковы, например, сведения о совещании Гонты с Железняком, о секретной переписке Гонты с Младановичем и т.п. Мы также не согласны с мнением г. Галанта, относительно объективного настроения автора мемуара, который, по его мнению, написан "без всяких предвзятых тенденций и собственной личной окраски". Для всякого читателя ясно, что автор смотрит на происшествия исключительно с точки зрения интересов своих единоплеменников, естественно скорбит о постигшем их горе и утрирует вследствие личного возмущения как бедствия, постигшие его единоверцев, так и доблестное их поведение: стойкость, мужество и т.п. – Ред.

стоило жизни очень многим евреям... Ибо один буян[84] из Тетиева явился в город[85] и умертвил более четырехсот человек. Затем они принялись за находившихся в городе евреев и истребили их в количестве 5 000 человек... Многие хотели купить себе жизнь ценою дорогого выкупа, но это не помогло; и кто только мог бежать – бежал. Первою несчастной жертвою сделалась женщина, гнавшая на рассвете в поле скот. Буян, наткнувшись на нее, ударил ее своим ножом. Свидетельницей этого страшного зрелища была другая женщина–торговка. Охваченная ужасом, она стремительно бросилась к находившимся в городе евреям... Последние, убедившись в неизбежности своей печальной участи, решили не отступать, хотя бы пришлось погибнуть[86]. Городской кантор, предвидя близкую смерть, побежал в микву[87], облачился, как для молитвы подобает, плача и вопя, стал исповедываться. Встретившись с буяном, он выхватил у него нож, и своими руками заколол себя, свою жену и детей. В понедельник, 5 Тамуза[88], буяны подошли к Умани. В то время за городом находилось до четырехсот возов, полных мужчин, женщин и детей, которые и пали от руки буянов[89]. Находившиеся в

---

[84] В жаргонном тексте, с которого мы переводим, написано др. еврейское слово роспаз, что значит легкомысленный, легкоумный буян; последним значением я всюду буду переводить приведенное еврейское слово.

[85] Надо полагать, что речь идет тут или о Звенигородке, или о Лысянке.

[86] О том, что евреи твердо решили не покидать города, хотя бы с опасностью для жизни, мы находим неоспоримые доказательства и у других историков. Мордовцев. Гайдамачина; Оп. бед, пост. Умань и Украину. Киевская Старина. – 1882. – Март.

[87] Нечто в роде купален, где благочестивые евреи пред молитвою совершают над собою обряд омовения тела.

[88] Дата по христианскому летоисчислению не обозначена; приблизительно начало июня.

[89] Печальная участь, постигшая Лысянку, навела панический страх на все польское и еврейское население Украины, которое стало искать себе убежища, в Умани, как месте более безопасном; но город, несмотря на обширные свои размеры, не мог вместить в себе возраставшего все более и более количества беглецов, почему около 6 000 человек расположились табором у леска Грекова, около Умани, и все погибли. Скальковский. Ист. Нов. Сечи; Наезды Гайдамак.

городе евреи, понимая угрожавшую им опасность, стали вооружаться для обороны города[90]. Проникши в замысел евреев и убедившись, что ему придется считаться с крупною силою, разбойник[91] Гонта пустился на хитрость: он написал городскому раввину письмо, в котором слезно умолял (о чем?), обещал евреям свои услуги и покровительство. Хитрость вполне удалась. Прочитавши письмо, раввин поверил словам Гонты, что таким способом (каким?) легко будет отделаться от опасного врага. Раввин выразил Гонте свою искреннюю благодарность за его благорасположение к евреям и от себя обещал ему большие подарки. Тогда же он и просил: "Прими нас под защиту, мы же дадим каждому из твоего отряда по паре одежд; обманывать тебя не станем. А вельможа наш сделает и тебя вельможей и подарит тебе много сел и деревень"[92]. Гонта, как оказалось, задумал злой умысел. При совещании его с Железняком, как овладеть городом, последний советовал поклясться в искренности, и город-де сдастся. Гонта последовал совету Железняка. И вот за три дня до вступления в город он ложно присягнул взять евреев под свое покровительство; благодаря-то сему и было умерщвлено несколько тысяч евреев. В понедельник буяны подступили к городу и произвели страшный шум; было решено войти в город к вечеру. Тогда выстрелили из пушек, и городские ворота были заперты. В ту самую ночь к городу подошли (откуда) несколько тысяч (!) евреев, и все были перерезаны буянами. Во вторник, во время завт-

---

[90] Евреи боролись с редким мужеством, поражавшим даже и поляков и Шафранский, жалуясь на бездеятельность и беззаботность последних, ставил им в пример первых, мужественно оборонявших город и не покидавших своих постов. Зап. Кребс; зап. Липпомана.

[91] В жаргонном документе написано др. ев. слово госпо, что значит нечестивец, виновный; на жаргонном же наречии под этим словом принято разуметь жестокосердого человека, разбойника. Очевидно, что мемуарист был особенно возмущен против главных зачинщиков колиивщины, т.к. их угощает более острым и резким эпитетом.

[92] Место это об измене или, по крайней мере, о желании евреев изменить городу, поражает своим противоречием собственное рассказу автора о твердом намерении евреев не покидать города и рассказам др. мемуаристов об обороне и сдаче города.

рака, они расположились близ города. Железняк посоветовал Гонте попытать счастье и написать комиссару города[93] письмо: напрасно ты споришь с нами; впоследствии ты сам останешься в дураках. Разве ты не знаешь, что последовал царский указ, повелевающий казнить всех евреев, находящихся в Польше; в виду этого, не сопротивляйся и выдай нам евреев. Во всяком случае, впусти нас в город, а мы поставим тебя начальником над нами. Это письмо, действительно, произвело желанное впечатление; Комиссар решил, что для него рискованно восстановлять против себя Гонту по тому соображению, что если неприятель овладеет городом, тогда ни ему, комиссару, ни магнатам не будет пощады. И вот комиссар решил сдаться Гонте без всякого сопротивления, что-де расположит Гонту в его пользу[94]. Но магнаты[95], ксендзы и студенты[96] иначе отнеслись к миролюбивым заявлениям Гонты. Они стали у стен города и еще усерднее продолжали вооружаться. Чтобы показать Гонте, что без бою город не сдастся, и что для защиты его потребуют все средства, насколько это будет возможно, осажденные в городе стали стрелять в неприятеля. Затем все разошлись. Евреи же стеклись в синагогу и стали умолять Всевышнего сжалиться над ними, ради невинных и безгрешных детей. Комиссар же сел на лошадь и, обнажив саблю, стал разгонять собравшихся у ворот города евреев и магнатов. "Не стреляйте, сказал он, ибо я заключил с ними перемирие". Узнав это, буяны еще ближе придвинулись к городу. Пан Марковский[97], видя это, с криком набросился на комиссара, желавшего открыть неприятелю ворота... Ибо стоило только пану Марков-

---

[93] Уманский губернатор Младанович.

[94] Слово магнаты, очевидно, должно отнести к неточности перевода. Вероятно составитель мемуара имел в виду шляхтичей. Никто из польских магнатов в данное время в Умани не присутствовал. – Ред.

[95] На крайне предосудительный и бесчеловечный поступок Младановича, желавшего купить себе жизнь ценою гибели стольких несчастных евреев, никто из мемуаристов еще не указал.

[96] Ученики базилианского училища.

[97] Хорунжий Марковский не соглашался отпереть ворота, но Младанович настаивал // Зап. Тучапского.

скому захотеть, и ни одной разбойничьей ноги не осталось бы (?). "Ты хочешь", говорил он комиссару, "чтобы весь мир плакал и проклинал тебя". Убедившись, что слова его не подействовали на комиссара, пан Марковский прибежал к городским воротам с тем, чтобы стрелять в буянов. Но сюда поспешил комиссар и, желая лишить пушку возможности стрелять, заклепал ее. Тогда разъяренная толпа с страшным шумом ворвалась в город. Началась ужасная резня. Со всех сторон текли ручьи крови; были слышны только раздирающие душу крики тех, которых резали и которые умирали, проклиная Гонту. Со времени основания Польши не было еще такого несчастья, причинявшего такую мучительную смерть стольким полякам и евреям. Прежде всего они стали резать евреев, и никому не давали пощады. Несчастные дети умоляли разбойников дарить жизнь их родителям. Гонта велел умертвить их за это жесточайшим способом. Всех детей связали, колесовали и лошадьми их растоптали. Затем поймали они одну необыкновенной красоты девушку – отца ее звали рабби Моисей святой – и стали ее принуждать креститься, обещая подарить ей жизнь. Но она в страшном гневе стала говорить своим мучителям: "Изверги, как смеете вы принуждать меня на такой отвратительный поступок; я предпочитаю лучше умереть". Ее привели к колодезю[98] и указали на набросанную туда кучу убитых... Они стали точить свои ножи, чтобы заколоть ее. Стоявшая невдалеке мать ее всячески ободряла и говорила: "Так, так, дочь моя, не забывай своего Бога, Бога дорогих предков наших". Буяны схватили и бросили ее живую в колодезь...

Оставшиеся в городе евреи сошлись в синагогу, желая найти убежище от лютого врага. Многие задабривали буянов деньгами и подарками; но те, получив деньги, их все-таки убили. Все горько плакали и рыдали. Собравшиеся в синагоге евреи стали вооружаться. Среди них был один еврей, известный под именем рабби Лейб Шарогородский. Он воспылал гневом, месть закипела в нем и, схватив меч, он поразил им больше двадцати человек. Другой ев-

---

[98] Это, конечно, тот роковой колодезь, о котором Тучапский говорит, что он был глубиною в 200 сажень, и весь он был наполнен трупами // Зап. Тучапского.

рей заколол, злодеи видя, что таким образом (?) трудно овладеть евреями, подкатили к синагоге пушку и выстрелили. Стены с грохотом повалились... Это было в понедельник перед вечером. Несколько тысяч евреев погибло внутри и возле синагоги[99]. Одна несчастная женщина, обезумевшая от охватившего ее ужаса и волнуемая страхом видеть своих нежно любимых детей растерзанными, бросилась в реку и утонула. Во все это время буяны предавались необыкновенному пьянству и обжорству; все же имущество города было ими разграблено. Затем они отправились в ратушу и созвали туда всех оставшихся в городе купцов. Здесь обещали им жизнь, если только они добровольно отдадут все свое имущество. Купцы поверили и принесли что получше из вещей: золото, серебро и разные дорогие украшения. Когда все было снесено, их стали подвергать жесточайшей смерти: схватывали их за бороды и пейсы, и с высоты ратуши бросали вниз с такой силой, что кости разлетались. Уманский еврейский проповедник, будучи очевидцем страшного бедствия, обрушившегося над его несчастными единоверцами, спрятался со всем своим семейством в погреб, надеясь избежать хоть таким образом неминучей смерти; но несчастный горько обманулся: один буян забрался в погреб и одним взмахом топора отрубил ему голову... Затем погибло еще много мужчин и женщин; убитым и раненым не было счета... Уцелевшие евреи побежали в синагогу[100] и, раскрыв свиток Торы, стали умолять Бога сжалиться над ними. Но буяны явились и туда. Разложив на полу свиток Торы, они стали топтать его ногами и резать на нем евреев. Многие сами предпочли умереть за святыню, другие бросались под ножи буянов; третьи самих себя или друг друга закалывали... Некий рабби Гарш кантор сказал: "Братья! Я с радостью готов лишить себя жизни, но Бог весть, удостоимся ли мы быть погребенными, так как буяны, по-видимому, ни одного из нас не оставят в живых".

---

[99] Тучапский говорит, что более страшные жестокости обрушились на евреев. Они плавали в собственной крови, без рук, без ушей, без ног, обнаженные, и сами просили, чтобы их убивали // Зап. Тучапского.

[100] В Умани было, по-видимому, несколько синагог, т.к. одна, как сказано выше, была раньше еще разрушена.

Резня была так велика и ужасна, что кровь зарезанных стояла в синагоге повыше порогов[101]... Потом буяны вынесли из синагоги все свитки Торы, разложили их по улицам города и верхом проезжали по ним... Трупы убитых евреев десятками тысяч (не гипербола ли это?) валялись по городу... Их подвергали мучительным истязаниям: рубили, кололи, четвертовали и колесовали, они же с радостью принимали смерть, а Богу своему все таки не изменили... Малюток отрывали от грудей своих матерей и колесовали[102]... Один буян заколол на одном чурбане несколько сот евреев... Дети пострадали за грехи своих отцов и матерей.

Валявшиеся трупы бросали за лишь (?) от города; ручьи крови всюду виднелись. Трупы сделались добычей свиней и собак. Резня эта продолжалась восемь дней. Спустя несколько времени Гонта объявил приказ, что никто не смеет скрывать у себя еврея; кто ослушается, голова того будет рассечена. Около восьмидесяти вооруженных человек, незаметно пробрались в один погреб, намереваясь укрываться от бдительного ока неприятеля. Всякого буяна, попытавшегося туда проникнуть, убивали. Буяны; видя, что так им не овладеть погребом, принесли соломы, зажгли ее и бросили в погреб, отчего все находившиеся в погребе погибли в мучительных страданиях. Многие искали себе убежище среди огромных камней, покрывавших соседние поля, но и из них никто не уцелел. Таким образом (каким?)они закалывали и детей. Мучимые страшным голодом, приходили они к своим палачам просить хлеба; им действительно давали, но сейчас же и убивали. Словом, напрасно я напрягу свои усилия описывать вам весь ужас обрушившегося на нас несчастья... Было пролито столько невинной крови, что следы ее виднелись далеко за городом. По вступлении в город Гонта велел вог-

---

[101] В одной синагоге перерезали их, по словам Тучапского, больше трех тысяч человек. Зап. Тучапского.

[102] Рассказ о колесовании, очевидно, одно из преувеличений, которыми переполнен рассказ; для колесования необходимо было построить особую машину и запастись опытным палачом, что навряд ли мыслимо среди описанного порывистого избиения. – Ред.

нать в костел всех магнатов, должностных лиц и комиссара[103]. Вокруг костела поставили многочисленную стражу оберегать все входы и выходы. Гонта приказал зорко следить за тем, чтобы никто не мог ускользнуть. Некоторые из магнатов обратились к стоявшему среди них комиссару с едкой насмешкой: "Ты, ведь, доброжелатель наш и с Гонтой очень дружен; посоветуй же, как нам избегнуть теперь неминучей смерти". Но комиссар растерянно молчал; сознавал он, что и его конец близок. Вошедши в костел, Гонта схватил побледневшего комиссара, набросил ему аркан на шею, и самым позорным образом вывел его из костела: Гонта нарушил данную клятву. Все магнаты были умерщвлены. Комиссара раздели донага, набросили ему на шею веревку и в таком виде водили его по всем улицам города. Затем ввели его в один дом, и Гонта дал ему стакан меду, говоря при этом: "Пей, скорее! Подарок этот преподносит тебе твое любимое чадо". Гонта сел и всячески издевался над смущением комиссара. "Ты, ведь, клялся пощадить меня", сказал с укором комиссар Гонте. "И ты ведь изменил своему слову, данному евреям, не выдавать их мне", гневно ответил Гонта. "За клятвонарушение одно тебе вознаграждение – смерть!" Явился буян, и комиссар пал мертвым[104]. Они оставались в городе до тех пор, пока все не было расхищено ими. Затем буяны рассеялись по близлежащим деревням, желая лишить евреев возможности спасения. По дороге буяны наткнулись на сто возов евреев. Последние от страшного испуга не знали, куда деваться и, обезумев от обуявшего их ужаса, бросились в реку, и все утонули. Были там в то время два брата очень благочестивых. Многие советовали им спастись бегством, но они наотрез отказались и предпочли умереть лучше вместе с своими несчастными единоверцами. Два буяна приступили к братьям, отняли имевшиеся у них деньги, приговаривая: "переночуйте

---

[103] По мнению польских мемуаров, губернатор Младанович, исполненный досады и отчаяния, сам отправился в костел. Зап. Липпомана; Зап. П.Младановича; Зап. Тучапского.

[104] Рассказанный тут факт личной расправы Гонты с губернатором Младановичем отчасти подтверждается, отчасти опровергается другими мемуаристами. Зап. Тучапского; Зап. Младановича.

тут, а завтра утром мы переправим вас через реку". Ночью буяны вошли к ним в комнату, одного сейчас закололи, а другому, попытавшемуся бороться с ними, вонзили кинжал в грудь. Не довольствуясь этим, они вбили ему кол в голову. Окровавленный, издавал он такие раздирающие душу крики, что было слышно далеко за город. Евреи, искавшие спасения в бегстве в Балту, преследуемые, мечем Гонты[105], были настигунты буянами недалеко от Балты, в количестве 70 человек; между ними были евреи из-под Занковы (?). При виде грозных врагов они от испуга окаменели и не могли двинуться с места. Один грек предложил купить себе жизнь деньгами. Евреи отдали им имевшиеся у них 300 дукатов. Другой грек велел им сбросить с себя одежду и, когда требование это было исполнено, их всех умертвили. Это произошло 4 Тамуза[106]. Все место было усеяно валявшимися трупами. Один турок верхом прискакал в город и рассказал евреям обо всем, случившемся за городом. Евреи стали совещаться, как отдать последний долг убитым и похоронить их. Они отправились к старшему (какому?) и предложили ему 500 талеров за разрешение похоронить убитых. Старший согласился, а для защиты их от бродивших повсюду буянов, послал с ними двадцать турок. Два еврея, переодевшись турками, сопровождали их. Среди кучи убитых они нашли изувеченную женщину, которая едва слышным голосом рассказала им о происходившей ужасной резне. Ее перевели в город, где она вскоре и скончалась. Искавшие спасения в Балте жестоко обманулись. Гонта послал за ними в погоню несколько пушек и 500 человек, под начальством одного старшего, по имени Шила[107], вид которого производил впечатление

---

[105] Несомненно, что тут речь идет о другом герое движения колиев, не участвовавшем, правда, в Уманской резне с Гонтой и Железняком, но расправлявшемся с поляками и евреями в других местностях Украины, между прочим преследовавшем евреев после бегства их в Балту. Я говорю о Неживом. Костомаров. Мат. для ист. кол.

[106] Сюда вкралась, конечно, ошибка: должно быть 14 Тамуза.

[107] По словам некоторых историков, Шило, действовавший и раньше вполне самостоятельно и независимо от гайдамацких шаек, по взятии Умани бросился на Балту, куда влекло его известие, что многие евреи и поляки нашли там убежища и он сам отправился за ними в Балту.

кровожадного зверя. По вступлении в город они предавались пьянству и обжорству. Шило послал четырех человек узнать, с какою силою ему придется туг считаться. По дороге они натолкнулись на двух юношей, которых и хотели убить. На помощь юношам явился старший (?), и буяны, получив с него деньги, выпустили свою добычу. "Кто послал вас сюда?", обратился старший к ним с вопросами. "Мы посланы сюда для того, чтобы во всей Польше не оставить в живых ни еврея, ни поляка", ответили они. "В таком случае", – сказал старший, – "я не выдам вам ни одного из них; без ведома турка (?) я не могу бросить их на произвол. Если даже вы представляете собою царскую рать, то и тогда, согласно существующим законам, вы без разрешения не смеете близко подходить к городу" (?). Буяны хранили глубокое молчание; они все обдумывали, как им все-таки овладеть евреями. Пробыли они в городе три дни, в течение которых предавались беспрерывным попойкам и кутежам. Во все это время евреи нисколько не пострадали. Начальник города всячески ободрял и утешал евреев, обещая защищать их до последней возможности. "Татары (?) тоже скоро явятся на помощь вам", – говорил он. Начальник одновременно принимал подарки как от евреев, так и от буянов, от чего евреи совершенно потерялись и пали духом, видя в этом (в чем?) кару Божию за то, что они, имея возможность бежать, оставались, однако, целых три дня в одном городе с буянами. В четверг татары в количестве 80 всадников вошли в город. При виде татарской рати, буяны испугались и друг другу говорили, что татары явились с тем, чтобы сражаться с ними. Немедленно отправились они к своему старшему, советуя ему скорее оставить город. В одну минуту их не стало в городе. Татары вошли в польский город[108], и встретились там неожиданно с христианами, и татары некоторым из них отрубили головы. Остальные христиане побежали к буянам, и рассказали, что татары начинают входить в Польшу (?!).Известие это сильно разгневало буянов, и они возвратились, чтобы вступить в бой с татарами, а против евре-

---

[108] Балта была разделена речкою Колымою на две половины: из них одна, собственно Балта, принадлежала Турции, другая – Іозефград – Польше, эту часть автор разумеет под названием "польский город". – Ред.

ев они послали несколько пушек. Ожесточенная битва между татарами и буянами продолжалась полдня, в который некоторые евреи решили уйти из города. Евреи же, возлагавшие надежды на татар, остались в городе, и все погибли. Евреи, убежавшие из города, попали в руки татарам, и все были перерезаны. (Татары отомстили евреям, вероятно, за малодушие и за постыдное бегство из города). Многие действительно спаслись, но все их имущество погибло... Ужасные муки и пытки, которым подвергались евреи, не поддаются буквально никакому описанию. Евреи, убежавшие в татарские земли, по прибытии в Бендеры, были взяты в плен. Многие от истощения и бессилия погибли в дороге; некоторые умерли от голода и жажды; часть утонула в Днестре, а несчастный остаток был взят в плен и исполнял тяжелые работы на барщине. Евреи, жители других городов, не переставали надеяться, что Бог рано или поздно отомстит разбойникам за невинно пролитую кровь. Это (?) продолжалось три недели, в течение которых во всей Украине и Побережье не осталось ни одного еврея, ни поляка. После всего этого буяны решили увеличить свои силы, умножить свои пушки и отправиться войною на Польшу с целью истребить всех евреев и поляков и опустошить всю польскую землю. Бродские евреи, узнав о несчастье, обрушившемся над украинскими евреями, отправились в Шарогород к генералу Браницкому[109] и стали умолять его прекратить злодейства и заступиться за несчастных евреев, обрекаемых на жестокие муки и страдания. Генерал внял мольбе евреев; утешал их и обещал воздать буянам по заслугам[110]. С этой целью он двинул туда свои войска. Генерал отправил в Умань несколько сот человек, приказав им пробраться незаметно в город. Вступивши в город, генеральское войско отнеслось очень дружелюбно к находившимся там буянам и вместе с ними предавалось необыкновенному пьянству. Генеральское войско похвалило буянов за то, что они так ловко расправлялись с евреями, и обещало при этом, что как только в город войдут ожидаемые войска, они вместе произведут поголовную

---

[109] Ловчий коронный Ксаверий Браницкий.

[110] По словам историков, Браницкий в своем желании укротить гайдамацкие зверства имел в виду совершенно другие комбинации.

резню евреев. Генерал велел приготовить веревки и виселицы. Со своими остальными войсками вошел он в город после; несколько сот человек под предводительством одного полковника[111] еще раньше генерала вошли в город. При виде страшной картины опустошения и убедившись, что буяны намерены производить новые бесчинства и насилия над евреями, полковник вспылил и с негодованием крикнул на них: "Кто позволил вам так жестоко убивать несчастных евреев?!" Поняв, что полковник не шутит, буяны обратились было в бегство, но немедленно были задержаны и перевязаны. С ожесточением и лютой яростью полковник стал бить и резать их. "Мало с вас было произведенного грабежа, вы хотели еще опустошить всю Польшу!" – гремел голос полковника. "Царь не облекал вас властью проливать столько невинной крови". Затем генерал Браницкий приказал своим донцам окружить буянов и никому не давать возможности исчезнуть. Донцы с обнаженными саблями обступили буянов. Потом принялись за Гонту и причиняли ему неимоверные страдания. Его заковали в железные цепи и самым бесчеловечным образом били. Гонта поднял отчаянный вопль. "Недостоин я пощады, говорил он, т.к. я всегда был безжалостен к стонам и мольбам девиц и вдов, которых часто закалывал". "Одна несчастная вдова умоляла меня однажды оставить её в живых; в ответ я одним взмахом ноги выбил ей все зубы; по заслугам и мне воздадут". Браницкий приказал своим отрядам отправиться в деревню за возами. Москвичи (москали, вероятно) отправились и привезли возы. На каждый воз поместили по шести буянов; по дороге они смеялись и веселились, но как только они были приведены в город (какой?), смех их совершенно прошел. Пойманных буянов вешали по семи в каждой деревне. Гонту приказано было генералом не вешать: его сначала подвергали ужасным пыткам. Потом его заключили в подземелье, и генерал послал в Шарогород за палачом. Когда палач явился, созвали всех евреев смотреть на печальный конец Гонты. Прежде всего с него железными гребнями сдирали кожу. Затем сделали железную корону, сильно накалили и надели ее Гон-

---

[111] Тут речь идет о полковнике Гурьеве. Зап. Липпомана; Зап. П.Младановича; Зап. В.Кребс.

те на голову, говоря при этом: "сегодня мы коронуем тебя в польские короли"[112]. Палачу, для поддержания и усиления обуявшего его зверства, давали пить водку. По временам палач прибегал и вырывал каждый раз по куску мяса из тела Гонты. Затем Гонта был на части разрублен.

И.В. Галант.

Джерело: Киевская старина. – 1895. – №11. – С.209-229.

---

[112] О том, что Гонте надели корону, нет никаких указаний у польских мемуаристов, описавших казнь Гонты и предшествовавшие ей обстоятельства. Но на Украине весьма распространено одно предание, которое как нельзя больше подтверждает сообщение еврейского мемуариста. Дело вот в чем. В м. Борщовке, Сквир. уезда, на берегу протекающей речки Рось, возле городского кладбища, расположены в громадном количестве большие камни. Среди них выделяется один камень, обращающий на себя всеобщее внимание. Предание об этом камне рассказывает следующее. В то время, когда Украина страшно страдала от движения гайдамак, опустошавших одно селение за другим, Гонта завернул и в Борщовку, намереваясь предать и ее огню и мечу. Вдруг взор его остановился на этом камне, и Гонта произнес: "Я попытаю свое счастье: если я камень этот сдвину с места и брошу его в речку, тогда вся Украина будет мною завоевана; если же силы мне изменят, то, значит, что моя звезда померкла". И вот он схватил камень, несколько потряс его, но сдвинуть его с места не мог. "Я устал", сказал Гонта, "от дороги; пообедаю и отдохну, и тогда камень сдвинут будет". Проснувшись, он опять подошел к камню, и как был он поражен, увидевши, что у подошвы камня, откуда ни возьмись, вырос маленький клинообразный камень, который как бы поддержал огромный камень. Гонта несколько раз пробовал свои силы сдвинуть камень с места, но труд его оказался напрасным. Тогда, обмочив свою саблю в речке. Гонта сказал: "Довольно! все для меня кончено" – и отошел от местечка. По дороге он был схвачен Браницким. Последний одел Гонте корону на голову, а затем умертвил.

ЛИСТ ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА МИХАЙЛА КРЕЧЕТНИКОВА ДО КНЯЗЯ МИКОЛИ РЄПНІНА ПРО ЗАХОПЛЕННЯ ПОЛКОВНИКОМ ГУР'ЄВИМ ГАЙДАМАКІВ ПІД УМАННЮ

Копия с писма генерал-майора Кречетникова из Брацлавля от 29 іюня (10 июля) 1768.

После отправленного моего к вашему сиятелству от 24-го числа с господами полковниками репорта, что здесь происходило, имею честь донесть:

Самого ж того 24-го числа из местечка Линець отправлены деташементы: господин генерал-майор и кавалер Подгоричанин – в местечко Монастыржище, а полковник Гурьев – в Гумань, коему приказано гайдамаков забрать под караул, хотя я и был уведомлен, что от Гуманя сии грабители к Днестру пошли, но однако ж сия ведомость оказалась несправедливая, потому что я третьяго дня получил от полковника Гурьева репорт, коим доносит, что он 26-го числа к местечку Гумани прибыл и, соединясь с порутчиком Кологрововым, кой уже под Гуманем с полком казачьим находился, нашел стоящих лагерем запоросцов и здешних казаков, к коим он послал порутчика Кологровова уговаривать, чтоб они доброволно отдались, но сии дерзостныи люди отважились, не допустя до себя, по нем стрелять, что, увидя, полковник Гурьев с корабинерами и казаками их тотчас атаковал и, не дав им исправится ко обороне, всех взял, коих нашлось запоросцов: полковник – один, казаков – 61 да присталых здешних полских разных казаков – 784, да прежде взятых порутчиком Кологрововим запорозских: атаман – 1, казаков – 24, здешних полских – 67, итого: запороских – 87, здешних – 851, коих приказал за конвоем отправить, запороских – в Киев, а здешних всех – к графу Браницкому, понеже таковых разбойников выпустить за неприличное почел, чтоб они более еще, а особливо так великою кучею грабителств и тиранских убивств делать не могли и так уповаю, что в здешней стороне и сих гайдамаков более не будет.

Я с находящимися при мне войсками из местечка Линца 27 числа выступил и вчерашней день в Брацлав прибыл и по причине, что чрез реку Бог здесь мосту не находится, а только есть один малой паром, на коем артилерию переправлять невозможно, то вчерашним

же днем зделан новой паром, на коем нинешнеи день совсем переправился и завтра буду в местечке Тулчине, где уже до дальнейшаго вашего сиятелства повелению буду стоять и буду от графа Браницкого толко в трех неболших милях, кой стоит в Томашъполе.

Третьяго дня от графа Браницкого я получил писмо, коим требует, чтоб я приближился к нему, а другым бы войскам велел чинить разъезды к Гумане и старался б гайдамаков истребить, на кое ему от меня сообщено, что я к приближению с ним уже следую, а в Гумане не толко разъезд, но и целой деташемент находится и уже гайдамаки все взяты под караул, коих и к нему отослать приказал для учинения им достойного наказания, а при том просил его, чтоб он со мною как найскорея увиделся в Тулчине, а естли б ему за чем-либо приехать ко мне невозможно, то б меня уведомил, то я к нему тотъчас поеду и когда с ним увижусь, то буду советовать, чтоб в теперешних делах исполнять надлежало, но при том всем барских возмутителей в здешней стороне нигде нет, так что совсем имя их пропало.

Я вчерашней день от графа Апраксина получил писмо с приложением вашего сиятелства дупликатного писма от 17(28) сего месяца и другаго пакета на имя господ полковников, но и он, следуя к Камен-цу, возмутителей не слышит и об них ничего не упоминает. Вчерашней день и с Хотина и Ясс курييры возвратилис и привезли писмо на имя вашего сиятелства и на имя мое, кои все орегинально для усмотрения к вашему сиятелству при сем прилагаю и при том прошу, чтоб турецкое на имя мое писмо приказать перевесть и ко мнѣ прислать, чтоб видеть его к себе склонность, и сходствуясь с тем, по случаю надобности, ему соответствовать, что ж ваше сиятелство изволили писать, будто б трехбунчучной паша арестован, но сей мой посланной куриер точно объявил, что паша арестован не был и он у него сам был и от него писмы получил, а секретарь его сих куриеров принимал и отправлял. При том же объявил, что паша хотинской весма ласкав был и словесно велел мне сказать, что он всеконечно всегда дружески поступать будет, а господарь волоский напротив того груб был, как то и писмо его, писанное ко мне, не весма ласкаво.

Вашего сиятелства писмо от 17(28) чрез возвратившегося моего полского куриера я 26-го числа сего месяца имел честь получить, на которое имею донесть, что надлежит до истребления возмутителей, то как уже о том подробно от 18 чрез куриера, а паче чрез господ полковников и ныне как выше донес и уже ваше сиятельство о том известны, что их нет.

Что ж надлежит до зарядов к артилерии и протчих военных припасов, то я весма сожалею, что ваше сиятелство опасались и сумневались, чтоб я имел в том недостаток, ибо от меня пред тем донесено было, что двух офицеров нарочно в Киев послал, с коими требовал тройной комплет, кое все ко мне и доставлено, и к тому еще полукартаунной единорог к себе взял, но они несколко дней отправлением ис Киева промедлили по притчине, что готовых зарядов у них не було и делали новыя. Итак, я теперь имею при себе на все свои орудии, как на полевые, так и на полковые, двойной комплет, а третий комплет выстрелян под крепостью, итак, я теперь не только, чтоб зарядами недостаточен, но естьли б и другим корпусам нужда возпоследовала, чтоб я снабдить мог, для чего послал ордер к подполковнику Чернышеву, что, когда из Литвы к нему заряды привезуть, то б он их ко мне не отправлял, а удержал бы их у себя, и куда ваше сиятелство их обратить прикажете, чтоб он требовал на то повеления.

Что принадлежит до взятых князем Прозоровским возмутителей, то оныя болшою частию живущие в домах в воеводстве Волынском и к тому приставшия к ним действителныя воры и что те места очищены были, то туда уже козаки посланы, о чем вашему сиятелству уже доносил, так как и в Замосцье рота вся в целости, а только один капитан убит и один козак ранен, и майору Зелеру из Порецка никакой нужды выходить не было, а сие последовало от робости оставшегося при той роте порутчика и от нерасторопности подполковника Ливина, как то прибыв ко мне князь Прозоровский и господа полковники объявили, и что он, призвав к себе порутчика Епихина, за сей поступок репримандовал.

По взятии Бердычевской крепости 3-го числа вечеру, а 5-го числа отправил генерал-майора Подгоричани к Бару, дав ему повеление, чтоб он уведомил о прибытии своем графа Апраксина и естьли

он будет ево к себе требовать, то б он немедленно к нему шел, но он, прибыв в Лятичов, графа Апраксина уведомил, а он, не имея в нем никакой нужды, его к себе не требовал, кой в Лятичеве и простоял до самого моего свидания с графом Апраксином, понеже никакого предприятия, по неимению возмутителей, делать никому было невозможно, а я своею только персоною на четыре дни в Бердичеве остался по притчине, что действовать не против кого, а на тот час зделался мне после бывших при атаке дел вторичной припадок лихорадки, то я теми свободными днями несколько ползовался и ныне от оной свободился.

Чтоб очистить места около Кременця и Острога, то я, по силе вашего сиятелства писма, от графа Апраксина требовал, чтоб он полковника Вейсмана с оставшими ротами отдав мне в команду, отправил бы в местечко Дубно, и естьли посему он исполнить и меня уведомить, то я дам ему повеление, чтоб он стал сам в Дубне, а две роты от себя поставил в Остроге и находящихся там от меня казаков имел бы в своей команде, чрез что без сумнения и та сторона чиста будет, что ж бы графу Апраксину самому в ту сторону иттить, то по теперешним обстоятелствам весма нужно ему быть на Днестре для примечения движений ушедших возмутителей в турецкие границы и будет надобно ему иттить к Трембовлю, куда, уповаю, сими днями и движение свое возмет, когда ж я о том заподлинно сведав, то по совету с графом Браницким зделаю неболшой деташемент из его или моих казаков для примечания между мною и графом Апраксином о возмутителях, касателно ж до размены кавалерии, то я о том к графу Апраксину писал, и естьли он исполнить согласится, то я к нему Каргаполской полк и с ним пришедшия два единорога к нему отправлю, казаков же я ему дал, коим числом он и доволен.

Харковской гусарской полк еще не толко не прибыл, но и никакова слуху не имею, хотя я партии посылал к Авручу и к Лоеву и до Василкова, чтоб об нем сведать, но только еще нигде ево нет, а как оной прибудет, то его употреблю в разные места для соблюдения в земли покоя, кое, спокойствие, кажется мне, что чрез разрушение здешних возмутителей уже наступило потому, что около Авруча главнейшей возмутитель господин Павша чрез господина Хоткевича у меня протекций просил, кою я ему и обещал зделать,

ежели он ко мне сам писать будет и рецес подасть, кой тот самой, которой с болшим числом шляхетства только ожидал, чтоб возмутители в Житомире сеймик начали, а он уже со всем Полесьем к ним пристанет, но сие все опровергнуто разбитием под Житомиром двух их партей, а потом сикурса и взятьем крепости Бердычевской, и как скоро они о том сведали, то господин Хоткевич прислал ко мне своего гусарского капитана с прошением как себе, так и сему Павше протекций, а для прибытия того полку теперь между Радомыслю и Житомира поставлен подполковник князь Мещерской, кои разъезды делает до самого Авруча, и теперь в той стороне так спокойно, как только пожелать надлежит.

Воеводы познанского гарнизон из Ляховца к возмутителям пристал, то я только о том ваше сиятелство уведомил, а чтоб на нем или на его деревнях того взыскивать, то я о том никакого виду не зделал и его местности от всего уволнены, и еще по случаю его посылок в здешния украинския деревни всем его посланным всякое вспоможение делаю.

Касателно до господина Стремецкого, старосты гадецкого, что ваше сиятелство изволите писать, чтоб он был из числа знатнейших их началников и что он человек пронирливой, то на сие имею уведомить, естьли б он таков был, как вашему сиятелству о нем донесено, то б я конечно его не отпустил, а он не иное что есть, как сущей дурак и пьяница, то я его почел нестоющим, чтоб его держать, а бывших у него разного звания людей старосты снятинского, то всех тех отослал в Броды и велел отдать коменданту крайчего коронного.

С господином Пулавским по силе вашего предписания зделаю, за коим в Полонное уже послал и велел его к себе привесть, коего и отпущу на точном основании вашего предписания.

О местечке Залосце я писал к графу Апраксину и просил его, чтоб он там находящуюся роту, поблизости, пока около Трембовля будет, в своей команде имел.

Взятые реверсы и рецессы с выпущенных из местечка Полонного шляхтичей при сем к вашему сиятелству прилагаю, так же и пакет на имя господ полковников возвращаю.

Джерело: Архів МЗС СРСР. – Ф. Зносини Росії з Польщею. – Оп. 79/6. – Спр. 931. – Арк. 98–112. Копія.

ЛИСТ НЕВІДОМОЇ ОСОБИ ДО НЕВСТАНОВЛЕНОГО АДРЕСАТА ПРО ПОВСТАННЯ ГАЙДАМАКІВ В УМАНІ ТА ІНШИХ МІСЦЕВОСТЯХ І РОЗПРАВУ НАД НИМИ РОСІЙСЬКИХ ТА ПОЛЬСЬКИХ ВІЙСЬК

Z Podola die 21 iulii 1768 [roku]

Na Ukrainie na mil 30 po większej części puste miasta, miasteczka i wsie przez chłopstwo zbuntowane, przez zagranicznych kozaków i hajdamaków siczowych i innych spustoszone. W samym Humaniu, mieście imć pana wojewody Kijowskiego, za zdradą pewnego atamana Gonty nazwiskiem 12 000 ludzi wycięto, to jest Żydów 7000 a katolików 5000, między którymi znajdujących się sekretarza i podskarbiego tegoż imć pana wojewody z żonami i dziećmi zamordowano. I lubo tych hultajów wielu już zgubiono przez wojsko moskiewskie i kommendę imć pana Branickiego, lowczego koronnego, jednakowoż ze 2000 wykradlszy się uszło na Polesie w lasy. Obawiać się przeto potrzeba, aby i ci wypadając podobnych nie czynili exorbitancji.

ЦДІА у Вільнюсі, ф. 1135, оп. 4, спр. 361, арк. 30 зв.–31. Засвідчена копія

ПЕРЕКЛАД

З Поділля дня 21 липня 1768 року.

На Україні на [території в] 30 миль більшість пустих міст, містечок і сіл, опустошених повсталим селянством, закордонними козаками, січовими гайдамаками та іншими. У самій Умані, місті його милості пана київського воєводи, через зраду одного отамана, на прізвище Гонта, вирізано 12 000 людей, а саме: 7000 євреїв і 5000 католиків, серед яких були вбиті секретар та підскарбій цього ж його милості пана воєводи разом з дружинами та дітьми. І хоч вже багато тих гультяїв знищено московським військом і командою коронного ловчого його милості пана Браницького, однак близько 2000 [чоловік] втекло і пішло в ліси на Полісся. Через це треба побоюватися, щоб і ці, роблячи вилазки, не чинили подібного свавілля.

ЗАПИСКИ ВЕРОНИКИ КРЕБС
(ПЕРЕВОД С ПРЕДИСЛОВИЕМ – И.М.РЕВА)

Записки Вероники Младановичъ, по мужу Кребсъ, принадлежатъ къ числу достовѣрнѣйшихъ историческихъ документовъ и особеннаго вниманія заслуживаютъ рассказы о событіяхъ, гдѣ она сама была очевидцемъ, и къ числу такихъ относится и самая Уманская катастрофа. Въ 1768 году Вероникѣ было уже 18 лѣтъ, слѣдовательно на память ея можно положиться вполнѣ. Рассказъ ея отличается замѣчательной простотой и ясностью, которая также не мало говоритъ въ пользу его достовѣрности. Вотъ коротенькая біографія этой, во всякомъ случаѣ довольно развитой для своего времени, женщины. Послѣ Уманской рѣзни, ее привезли въ Кристинополь и она нѣкоторое время была "респектовой панной" при дворѣ генеральши Брюль. Здѣсь она вышла замужъ за Кребса, поручика иностраннаго войска, состоявшаго на польской службѣ. Послѣ смерти мужа Кребсъ занялась хозяйствомъ, но прохозяйничала все свое имущество и конецъ своей жизни провела у Александра Потоцкаго, не имѣя никакихъ средствъ къ существованію. Кромѣ воспоминанія объ Уманской рѣзнѣ, Кребсъ написала исторію трагической смерти жены Щенснаго Потоцкаго, но эта рукопись гдѣ-то погибла, покрайней мѣрѣ неизвѣстно, гдѣ она. Предлагаемый переводъ сдѣланъ съ изданія 1840 г. въ Познани; по польски заглавіе его было такое: Opis autentyczny rzezi humańskiej przez córkę gubernatora Humania z Mładonowiczów zamężną Krebsową. Z manuskryptów Hr. T. Dziłyńskiego przedrukowani. Poznań. 1840.

Для большей ясности моего разсказа и для доказательства его правдивости я разскажу о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, предшествовавшихъ описываемому мною событію. Мой отецъ, Младановичъ, потерявъ разомъ отца и мать, попалъ подъ опеку и протекцію князя Дмитрія Яблоновскаго, ковельскаго старосты. Когда онъ выросъ и женился, этотъ добрый панъ далъ ему рекомендательное письмо къ кіевскому воеводѣ Потоцкому. Благодаря этому письму,

мой отецъ былъ принятъ Потоцкимъ на службу и въ 1757 году сдѣланъ былъ комиссаромъ его украинекихъ имѣний.

Мнѣ было сѣмь лѣтъ, когда я въ первый разъ увидела, стоившій мнѣ впослѣдствіи столькихъ слезъ, Умань. Воспитаніе получила я такое, какое въ то время обыкновенно давали шляхтянкамъ. Меня учили быть набожной, честной и работящей. Хотя въ то время было не особенно много шаяхтянокъ, умѣвшихъ читать, писать и считать, но мой отецъ, на сколько ему позволяло время, училъ меня и этому; онъ приказывалъ мнѣ выучивать на память не только молитвы и житія святыхъ, но и имена царствовавшихъ королей польскихъ, и для этой цѣли у насъ была книжка съ портретами этихъ королей. Читая эту книгу, не разъ плакала я, глядя, какъ мыши ѣли Попеля... Потомъ отецъ приказалъ мнѣ учить на память выходившій въ то время ежегодно политическій календарь и по немъ я должна была отвечать названія царствовавшихъ во всей Еврвпѣ особъ, гербы каждаго государства, ордена и т.д.; что же касается нашего края, то я должна была знать всѣхъ сенаторовъ, главнѣйшихъ сановниковъ королевства и княжества Литовскаго, затѣмъ – чиновниковъ каждаго воеводства и каждаго повѣта. Въ Винницѣ была почта и туда ѣздилъ казакъ изъ Умани. Его возвращеніе всегда было для меня не особенно пріятно, потому что онъ привозилъ газету редактора Лускуны и въ этой газетѣ я должна была выучивать напамять нѣкоторые мѣста. Я должна сознаться, что это занятіе было для меня совершенно неинтересно, потому что все царствованіе Августа III прошло спокойно, а выборы Августа IV, хотя и были бурны, но безъ особенно большихъ замѣшательствъ. Лускуну очевидно, не интересовало то, что дѣлалось за границей и потому въ газетѣ его помѣщались только извѣстія о въѣздѣ и выѣздѣ знатныхъ пановъ изъ столицы, свадьбы этихъ пановъ, крестьины и болѣзни.

Не много времени спустя послѣ нашего пріѣзда, въ Умань начали являться жители воеводствъ волынскаго, подольскаго и брацлавскаго съ документами отъ воеводы Потоцкаго на села, данныя имъ въ безплатное владѣніе, впредь до особаго распоряженія воеводы; имена всѣхъ этихъ вновь прибывающихъ шляхтичей я тоже

должна была знать наизусть. Въ то время наука эта была очень непріятна для меня, а теперь, можетъ быть, другимъ покажется смѣшнымъ, что я, оглохнувъ на старости и не имѣя возможности разговаривать съ другими, разговариваю по памяти сама съ собою. Наконецъ мнѣ и то доставляетъ удовольствіе, что иногда я больше знаю о чьемъ нибудь родѣ, чѣмъ сами члены этого рода.

Первымъ большимъ событіемъ для меня былъ пріѣздъ въ Умань холмскаго епископа Рыло для посвященія 150 поповъ во вновь устроенныя церкви въ Уманьщинѣ; епископъ и вся его свита жили у насъ около года. Вторымъ событіемъ былъ пріѣздъ ксендза Костецкаго, по распоряженію воеводы, для основанія коллегіума. Костецкій, какъ можно скорѣе, началъ строить деревянный монастырь, костелъ и школу.

Этотъ періодъ былъ періодомъ все большаго и большаго заселенія Умани и Уманьщины; тогда уже была построена и большая деревянная ратуша, въ которой помѣщались турецкія, греческія, московскія и жидовскія лавки. Новые владѣльцы имѣній въ Уманьщинѣ боялись жить въ деревняхъ вслѣдствіе частыхъ гайдамацкихъ наѣздовъ и потому они строили себѣ дома въ Умани; въ мое время такихъ домовъ было болѣе двадцати.

Теперь приступаю къ описанію уманскихъ козаковъ, которыхъ было до двухъ тысячъ.

Когда мой отецъ пріѣхалъ въ Умань, онъ уже засталъ тамъ полковника Обуха (кажется, это былъ шляхтичь) и старшаго сотника Гонту, крестьянина д. Росошекъ. Ежегодно на Тройцу весь козацкій полкъ собирался въ Умань для провѣрки и ученья. Обыкновенно козаки располагались лагеремъ около Грекова лѣса и самыя собранія эти продолжались дня три. Уманскіе козаки все были люди видные и красивые; лошади у нихъ были хорошія и у каждыхъ двухъ сотень лошади была другой масти. Одежда козаковъ состояла изъ желтыхъ жупановъ, голубыхъ кунтушей и шараваровъ; шапки на головахъ были чорныя барашковыя съ желтымъ верхомъ; затѣмъ, красный поясъ, пика въ рукѣ, ружье за плечами, пара пистолетовъ за поясомъ и пара въ сѣдлѣ. Они были опоясаны несколькими "салатурками", въ которыхъ хранился порохъ, дробь,

Церква в селі Розсішки (нині на Черкащині), збудована Іваном Гонтою

пули, кремень и т.д.; сбоку висѣлъ большой рогъ, также для пороху. У простыхъ козаковъ всѣ эти принадлежности были оправлены въ жесть, у сотниковъ же, и особенно у Гонты, въ серебро. Жупаны на сотникахъ были желтые атласные, кунтуши изъ французскаго сукна были обшиты серебрянными галунами, а шапки были бархатныя; однимъ словомъ этотъ полкъ нисколько не уступалъ любому королевскому полку.

Козацкое войско составлялось слѣдующимъ образомъ: три или четыре хозяина содержали на свой счетъ одного козака и за это они были освобождены отъ всякихъ повинностей и платежей и получали право пахать, сѣять и косить, сколько имъ было нужно.

Въ домѣ, назначенномъ для моихъ родителей, была комната, называемая "командой"; въ ней хранились хоругви, знамена, котлы и трубы и около нее постоянно стояла стража. Когда полкъ собирался для переписи, тогда, при звонѣ коловоловъ, съ торжествомъ выносились войсковые знаки и попы благословляли ихъ; при этомъ хорунжіе держали хоругви, а знамена – атаманы и эсаулы. Во время этихъ собраній полковникъ Обухъ также одѣвался по козацки.

На самомъ мѣстѣ переписи козаки устраивали игры на лошадяхъ, при чемъ они такъ ловко выдѣлывали различныя штуки, что можно было подумать, будто бы благословеніе поповъ защищаетъ ихъ отъ смерти и увѣчья.

Послѣ ученья сотники садились за приготовленное для нихъ угощенье, при чемъ пѣлись различныя думы подъ акомпаниментъ бандуръ. Однажды мой отецъ услыхалъ, какъ въ одномъ мѣстѣ казаки пѣли думы о Хмѣльницкомъ; онъ тотчасъ же позвалъ Обуха и попросилъ его разъ на всегда запретить пѣніе подобныхъ думъ и все таки въ 1768 году эта предосторожность ни къ чему не послужила.

Ежегодно смѣняясь, 300 козаковъ ходили на стражу въ Кристинополь. Мой отецъ уже былъ въ Умани, когда однажды съ этими козаками пошелъ въ Кристинополь Гонта и воротился назадъ съ документомъ воеводы, дозволявшимъ ему безплатно пользоваться доходами съ д. Росошекъ.

Спустя нѣсколько лѣть, Гонта повторилъ этотъ походъ и тогда воевода далъ ему въ пожизненное владѣніе д. Орадовку.

Да и не удивительно, что Гонта съумѣлъ понравиться воеводѣ. Это былъ красивый, представительный мущина и къ тому же онъ не только говорилъ, но и превосходно писалъ по польски, а воспитаніе его было таково, что и теперь его можно было бы счесть за шляхтича.

Въ то время Умань былъ маленькимъ городомъ; его на всемъ протяженіи окружалъ палисадъ, въ двухъ мѣстахъ котораго продѣланы были ворота, запиравшіеся рогатками; въ воротахъ стояло по двѣ пушки пли мортиры.

Былъ и гарнизонъ изъ 600 человѣкъ, состоявшій подъ начальствомъ поручика Ленарта. Этотъ гарнизонъ занималъ караулы въ воротахъ и около кардегардіи, которая была очень велика и постоянно наполнена пойманными гайдамаками.

Нашъ домъ былъ обведенъ другимъ палисадомъ съ четырьмя башнями, которыя были такъ велики, что лѣтомъ въ верхнемъ этажѣ могъ поместиться и работать присланный воеводой землемѣръ Шафранскій. Епископъ Рыло увеличилъ поля для поповъ и Шафранскій долженъ былъ распланировать ихъ. Самъ Шафранскій былъ немолодой уже человѣкъ, служившій прежде въ прусскихъ войскахъ. Насколько я помню, онъ очень часто разговаривалъ съ отцомъ о королѣ Фридрихѣ II, который велъ тогда войну, да при томъ и мужество, оказанное имъ при защитѣ Умани, указываетъ, что прежде онъ служилъ въ войскахъ.

Въ предѣлахъ укрѣпленій города вовсе не было воды; Шафранскій распорядился выкопать колодезь тамъ, гдѣ теперь ратуша; родника однако не нашли и не смотря на то, что колодезь былъ до 300 (?) сажней глубиной, до воды не добрались. Во время ужасной рѣзни этотъ колодезь сдѣлался гробомъ для многихъ мучениковъ, въ томъ числѣ и для моихъ родителей, бабки 88 лѣтъ, тетки и нѣкоторыхъ изъ моихъ родственниниковъ.

Въ началѣ 1768 года въ дѣйствіяхъ моего отца начала проглядывать какая то таинственность. Я видѣла, что къ нему начали часто пріѣзжать официалисты и посесора; я видѣла, что слѣдствіемъ

этихъ пріѣздовъ были постоянные секретные разговоры, совѣщанія, а такъ какъ мнѣ было уже 18 лѣтъ и, благодаря стараніямъ отца и тетки, я не была дурой, какъ многія изъ моихъ сверстницъ, то я, старательно присматриваясь и прислушиваясь ко всему, замѣтила, что по ночамъ недалеко стоящій отъ насъ магазинъ наполнялся седлами, чепраками и т.п. Я поняла что все это дѣлается вслѣдствіе секретнаго предписанія воеводы и действительно, въ первыхъ числахъ апрѣля въ Шпиченцы, въ брацлавскомъ воеводствѣ, въ имѣніє Радзивиловъ, пріѣхалъ Пулавскій съ тремя сыновьями и объявилъ себя маршаломъ барской конфедераціи, подъ знаменемъ вѣры и вольностей. Онъ силою взялъ у регментаря Воронича часть народной кавалеріи и въ продолженіи одной недѣли къ нему присоединилось до 8 000 шляхты.

Въ маѣ начали появляться извѣстія о какомъ то Желѣзнякѣ, который, получивъ благословеніе отъ игумена лебединскаго монастыря, подбивалъ къ возмущенью крестьянъ въ Смѣлянщинѣ, въ имѣніяхъ князя Яна Любомірскаго, воеводы брацлавскаго, а имѣнія эти были такъ же громадны, какъ и Уманьщина.

Чѣмъ дальше, то слухи о Желѣзнякѣ и совершаемыхъ имъ убійствахъ дѣлались все грознѣе и грознѣе, и вслѣдствіе этого мой отецъ приказалъ собраться въ Умань всему козацкому полку. Я видѣла, какъ полкъ въ полномъ парадѣ, съ полковникомъ Обухомъ во главѣ, присягалъ на рынкѣ въ Умани, въ присутствіи трехъ поповъ, на св. евангеліи въ вѣрности своему пану. Повидимому, охотнѣе всѣхъ исполнялъ присягу Гонта, старшій изъ трехъ сотниковъ этого полка. (Хорунжіе козацкаго полка были шляхтичи, а атаманы, эсаулы и пр. происходили изъ крестьянъ. На содержаніе хорунжаго шло 6 хозяевъ, которые должны были обработывать и засѣвать поля этого шляхтича).

Послѣ присяги весь полкъ вышелъ изъ Умани, увѣряя, что онъ уничтожитъ разбойниковъ Желѣзняка.

Жители – шляхта и жиды – толпами съѣзжались въ Умань. Въ продолженіи трехъ дней наѣхало столько народа, что въ городѣ не хватило болѣе мѣста и пріѣзжающіе начали располагаться большимъ таборомъ подъ Грековымъ лѣсомъ. Изъ этого табора къ мое-

му отцу пришло нѣсколько шляхтичей и сказали, что они имѣютъ вѣрное извѣстіе о соединеніи за Звенигородкой Гонты съ Желѣзнякомъ. Шляхтичи эти совѣтовали, какъ можно скорѣе, призвать Гонту обратно и отрубить ему голову.

Отецъ отвѣчалъ имъ:

– Я не могу этого сдѣлать; не потому не могу, что Гонта въ милости у пана, а потому что у меня нѣтъ точныхъ доказательствъ его вины. Впрочемъ, я сей часъ же пошлю къ полковнику Обуху, чтобы онъ приказалъ сотникамъ явиться въ Умань.

Въ продолженіи этихъ дней таборъ подъ Грековымъ все болѣе и болѣе увеличивался.

На призывъ отца Гонта явился съ двумя остальными сотниками и нѣсколькими атаманами. Тогда мой отецъ въ присутствіи большой толпы, какъ городскихъ жителей, такъ и изъ подъ Грекова лѣса, началъ говорить Гонтѣ, что его обвиняютъ въ переговорахъ съ Желѣзнякомъ. Гонта энергически, даже со слезами на глазахъ, опровергалъ это обвиненіе, утверждая, что оно несправедливо и просилъ, чтобы обвинитель повторилъ свое обвиненіе прямо ему въ глаза. Послѣ этого Гонта и все начальство просили о приведеніи ихъ снова къ присягѣ на вѣрность и охрану панскихъ имѣній отъ нападенія Желѣзняка. Послали за попами; тѣ пришли съ крестами и евангеліемъ и снова произошла присяга. Послѣ этой церемоніи я слышала разговоръ Гонты съ отцемъ и думаю, что всякій, услыхавъ его увѣренія въ вѣрности, подумалъ бы, что Гонта только о томъ и думаетъ, чтобы увеличить къ себѣ расположеніе воеводы.

По выѣздѣ Гонты изъ города, въ продолженіи четирехъ дней отъ полковника Обуха не приходило никакого извѣстія, хотя жена его и была въ Умани.

Между тѣмъ таборъ подъ Грековымъ лѣсомъ все увеличивался и увеличивался.

Положеніе наше начинало дѣлаться тяжелымъ. Но вотъ почти въ тотъ моментъ, когда отецъ мой хотѣлъ уже посылать гонца къ Обуху, дали знать, что къ городу приближается какое то войско. Шафранскій побѣжалъ на свою башню и, глядя въ подзорную трубу, закричалъ радостно:

– Это идетъ панъ Гонта съ полкомъ.

Въ городѣ поднялась суматоха; нѣсколько минутъ спустя, Шафранскій снова закричалъ:

– Идетъ другая, гораздо большая толпа въ разнообразныхъ одеждахъ.

Черезъ нѣсколько времени, все глядя въ трубу, онъ съ горемъ воскликнулъ:

– Я вижу, какъ Гонта пріятельски здравствуется съ начальникомъ этой толпы; этотъ начальникъ – Желѣзнякъ!...

Вслѣдъ за этими словами онъ сбѣжалъ съ башни и началъ на скорую руку приводить въ порядокъ тѣ двѣ пушки, которыя стояли въ воротахъ, обращенныхъ къ новому городу; Ленарту онъ поручилъ заботу о другихъ воротахъ. На всѣхъ напалъ ужаснѣйшій страхъ.

Гайдамаки прежде всего начали убивать тѣхъ, которые были въ таборѣ подъ Грековымъ лѣсомъ, а всѣхъ считалось тамъ до 8 000 душъ.

Изъ тѣхъ, которые были въ городѣ, одни брались за оружіе и готовились защищаться, а другіе, по примѣру ксендза Костецкаго и фарнаго викарія, молились и плакали.

Костецкій, этотъ мученикъ, и фарный викарій, взявши св. дары, ходили процессіей по улицахъ Умани; ходили и мы вмѣстѣ съ ними.

Защищать городъ было некому, потому что весь тогдашній гарнизонъ составляли 50 душъ крестьянъ; изъ которыхъ некоторые тотчасъ же убѣжали. Въ то же время болѣе ста арестантовъ выломали двери въ кордегардіи, перебили стражу и, соединившись съ 50 человѣкъ козаковъ, которые были въ Умани въ качествѣ экономической прислуги, поперескакивали черезъ палисады и ушли къ Гонтѣ.

Около двухъ часовъ ходила процессія по улицамъ и мы не отступали отъ нея ни на шагъ.

Въ продолженіи этихъ ужасныхъ часовъ къ намъ набѣжало множество народа изъ предместья Турковъ.

Воды для утоленія жажды не было въ городѣ ни капли и потому, можетъ быть, не одинъ выпилъ черезъ мѣру вина, випшневки и

т.п. Благодаря этому, число защитниковъ уменьшилось, а между тѣмъ крестьяне массами сходились для подрубливанія палисадовъ.

Шафранскій выбивался изъ силъ, стараясь поспѣть вездѣ. Онъ роздалъ ружья евреямъ, чтобы они черезъ палисадъ отбивались отъ крестьянъ. Помню, какъ, идя за процессіей, я видѣла жидовъ съ опаленными бородами и пейсами, охотно стрѣляющими и защищающимися.

Я могу сказать, что только одни жиды и защищались...

Сильнее всего гайдамаки нападали на ворота, но тамъ ихъ поражали выстрѣлами изъ пушекъ. Наконецъ, когда была израсходована вся картечь, приготовленная для защиты отъ гайдамацкихъ нападеній, Шафранскій сказалъ моему отцу, что нѣтъ другой надежды на спасеніе, кромѣ свиданія отца съ Гонтой. Шафранскій совѣтовалъ отцу выйти изъ новогородскихъ воротъ и потребовать свиданія съ Гонтой, а чтобы слова отца могли сильнее подействовать на Гонту, онъ, Шафранскій, возьметъ въ руки горящій фитиль и какъ бы намѣрится стрѣлять въ Гонту, а отецъ мой будетъ его удерживать.

Какъ только въ городѣ узнали, что уже нечѣмъ защищаться, сей часъ же поднялся ужаснѣйшій плачь, вопль и ужасъ. Одни бѣжали за ксендзомъ Костецкимъ въ базиліанскій монастырь, другіе – въ фарный; къ числу этихъ послѣднихъ принадлежала и я съ матерью, бабкой, теткой, братомъ и со всемъ семействомъ.

Вдругъ вбѣгаетъ къ намъ отецъ и говоритъ:

– Я былъ у воротъ; я говорилъ съ Гонтой; поручимъ себя Божьей защитѣ, потому что мы должны умереть.

Легко себѣ вообразить наше положеніе.

Костелъ былъ набитъ биткомъ.

Вскорѣ послѣ этого въ костелъ вбѣжало несколько уманскихъ козаковъ и схватили моего отца, крича, чтобы вся его родня шла за нимъ. Всѣхъ насъ вывели на крыльцо. Передъ дверями стоялъ Гонта и два сотника. Я стала подлѣ отца и потому хорошо слышала и помню ихъ разговоръ. Отецъ говорилъ Гонтѣ:

– Панъ Гонта! Много уже милостей получилъ ты отъ нашего пана; подумай, сколько ты получишь отъ него новыхъ ласкъ и пріязни, если защитишь его имѣнія.

Что отвѣтилъ ему на это Гонта, я не слышала; но до настоящаго времени я помню его разбойничій взглядъ.

Отецъ мой, обратясь къ другому сотнику, воскликнулъ:

– Панъ Ярема, спаси насъ!

Ярема, глядя на него, со слезами отвѣчалъ:

– Пусть васъ Богъ спасетъ, а я не могу.

Тогда отецъ, обернувшись ко мнѣ, надѣлъ на меня икону Божьей матери, которую носилъ всегда самъ и сказалъ:

– Вероника! Это все, что я могу дать тебѣ, помни, что образъ этотъ достался мнѣ отъ твоего прадѣда.

Онъ вынулъ изъ кармана мѣшечекъ, въ которомъ было нѣсколько сотъ дукатовъ и положилъ его въ мой карманъ. Гонта закричалъ:

– Возьмите комиссара и всю его родню!

При страшныхъ крикахъ жертвъ и злобныхъ возгласахъ разбойниковъ, схватили моего отца, мать, бабку и тетку и вынесли за ворота костела. Меня какой то козакъ ударилъ пикой въ бокъ и я упала, думая, что болѣе уже не буду жить; да, правду говоря, я и сама желала смерти. Ударившій меня козакъ схватилъ меня за волосы, поднялъ вверхъ, вынулъ изъ кармана мѣшечекъ съ деньгами и потащилъ меня въ тотъ дворъ, гдѣ мы прежде жили.

Насъ было много.

По дорогѣ мы переступали черезъ трупы и умирающихъ.

Съ этого времени я не видала уже никого изъ своихъ родственниковъ, кромѣ брата и тетки, которая вмѣстѣ съ отцемъ учила меня.

Когда насъ привели во дворъ, я увидѣла, что домъ нашъ совершенно разграбленъ и разрушенъ.

Среди плача, криковъ и убійствъ прискакалъ какой то козакъ, крича, чтобы насъ вели въ церковь креститься. Въ толпѣ было много и жидовокъ. Услыхавъ такое распоряженіе, тетка моя упала на колѣна, подняла руки вверхъ и воскликнула молящимъ голосомъ:

– Господи, дай мнѣ умереть въ той вѣрѣ, въ какой я родилась!

Едва она успѣла проговорить это, какъ подбѣжалъ крестьянинъ (кажется, это былъ сторожъ нашего дома) и ударомъ топора разсѣкъ ей голову на двое.

Послѣ этого страшнаго для меня происшествія, всѣхъ насъ повели въ церковь св. Михаила, чтобы тамъ крестить. Старый, сѣдої какъ лунь священникъ этой церкви стоялъ на порогѣ, обливаясь слезами и когда козаки закричали ему, чтобы онъ насъ крестилъ, онъ спросилъ:

– А гдѣ же кумовья?

– Кумовья? переспросили разбойники: кумовьями будутъ панъ Гонта и панъ Желѣзнякъ.

Тогда этотъ добрый старикъ произнесъ надъ нами молитву и окропилъ святой водой. Отсюда насъ повели въ кардегардію, изъ которой бѣжали арестанты.

Идя туда, мы ступали по трупам. Я видѣла, что кадки съ водой, приготовленныя для тушенія пожара, были наполнены кровью отъ частаго ополаскиванія въ нихъ пикъ, топоровъ и ножей.

Когда мы пришли въ кордегардію, то насъ оказалось столько, что мы плотно стояли одна около другой.

Какой то шляхтичъ, переодѣтый по козацки, втиснулся среди насъ и, добравшись да меня и моего брата, шепнул мнѣ на ухо:

– Я видѣлъ, какъ по приказанію Гонты были убиты передъ ратушей ваши родители, бабка, тетка и ея мужъ.

Услыхавъ эту вѣсть, я хотѣла сорвать повязку, наложенную на мою рану, изойти кровью и умереть, но въ тѣснотѣ я не могла снять шнуровки: мнѣ мешали добраться до раны грубыя кости корсета.

Цѣлый часъ простояли мы въ кордегардіи, прислушиваясь къ отчаяннымъ крикамъ. Тѣхъ, которые стояли ближе въ дверяхъ, вытащили и убили; ихъ крики и мольбы раздавались по всей кордегардіи.

Такъ прошла ночь.

Намъ казалось, что дня никогда уже не будетъ.

На слѣдующій день, около полудня, къ намъ вошло нѣсколько козаковъ, говоря:

– Приказалъ панъ Гонта вывѣсть комиссаровыхъ дѣтей.

Я, будучи увѣрена, что насъ ведутъ на смерть, поручила себя и брата своего Богу.

Выйдя на дворъ, я увидѣла сидящихъ на лошадяхъ Гонту и Желѣзняка. Двое крестьянъ цѣловали ихъ ноги, прося отдать имъ комиссаровыхъ дѣтей.

Желѣзнякъ присматривался къ намъ въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ. Я припоминаю себѣ нѣсколько его физіономію; судя по всему, это не былъ обыкновенный разбойникъ.

Гонта не глядѣлъ на насъ.

Нѣсколько минутъ добрые крестьяне целовали ноги Желѣзняка и Гонты, говоря:

– Подарите намъ комиссаровыхъ дѣтей!

Наконецъ Гонта громко закричалъ:

– Берите ихъ къ чорту!

Тогда насъ посадили на возъ, который былъ запряженъ тремя хорошими лошадьми, и мы поскакали во всю прыть.

Въ то время я совершенно не понимала, какая участь ожидаетъ насъ.

Когда мы минули разбойничій обозъ подъ Грековымъ лѣсомъ, возница придержалъ лошадей и, обратясь ко мнѣ, сказалъ:

– Не бойтесь; я осадчій изъ с. Оситной; мы выпросили васъ, чтобы хотя васъ двухъ спасти отъ смерти.

Потомъ онъ сказалъ мнѣ, что и другой мой братъ живъ. Мамка его была изъ Оситной, туда она .и убѣжала съ полугодовымъ ребенкомъ.

Когда мы пріѣхали въ Оситную, эти добрые люди переодѣли насъ въ свою одежду и отвели на ночь въ камышъ, заботясь о насъ самымъ трогательнымъ образомъ.

Можно себѣ вообразить, какъ мы провели эту ночь.

Рано утромъ къ намъ пришелъ осадчій, и принесъ поѣсть и далъ намъ двое граблей, приглашая насъ на свой сѣнокосъ, какъ будто бы гребцовъ. Деревня Оситна была въ посесіи у моего отца, которому уступилъ ее подольскій шляхтичъ Городецкій, а онъ не платилъ за нее помѣщику ничего.

Въ такомъ положеніи мы провели 14 дней, ночуя постоянно въ камышѣ; день проводили мы или на сѣнокосѣ, или въ какомъ нибудь сараѣ.

Мой отецъ, кромѣ Кошевой, которую держалъ въ посесіи, и Урочища на 24-лѣтней слободѣ, арендовалъ еще нѣсколько деревень у шляхтичей, которымъ давалъ эти деревни воєвода Потоцкій безплатно. Смотрителемъ этихъ арендъ былъ Хмѣлевичъ. Узнавши, что мы въ Оситной, онъ пришелъ къ намъ, переодѣвшись въ крестьянское платье. Отъ него мы узнали, что разбойники переловлены княземъ (?) Кречетниковымъ; онъ самъ видѣлъ Гонту, закованнаго въ кандалы. Хмѣлевичъ, вмѣстѣ съ осадчимъ и нѣкоторыми крестьянами, отвелъ насъ въ господскій домъ, туда же привели и мамку съ несчастнымъ малюткой. Въ этомъ дворѣ былъ убитъ разошедшимися по деревнямъ разбойниками нѣкто экономъ Маевскій съ женой и тремя дѣтьми; потому то осадчій и держалъ насъ такъ тайно.

Въ Оситной ни одинъ крестьянинъ не присоединился къ гайдамакамъ.

Спустя 6 дней посли этого, пріѣхалъ къ намъ какой то старый гусарскій полковникъ, сербъ, который, глядя на насъ троихъ, плакалъ горькими слезами. Видя, что Хмѣлевичъ уже не мальчишка, а человѣкъ разсудитедьный, онъ сказалъ ему:

– Я пришлю за этими сиротами и дамъ имъ квартиру въ Умани.

На другой день онъ прислалъ за нами большую карету съ старымъ дворецкимъ. Я не хотела ѣхать, чтобы не видеть ужаснаго для меня Уманя, но Хмѣлевичъ и осадчій советовали мнѣ не противиться этому. Насъ забрали и перевезли на предмѣстье, которое было со стороны Бабанки. Я помню, что домъ, гдѣ насъ поместили, былъ на правой сторонѣ. Я еще прежде знала хозяина этого дома: онъ приготовлялъ золотой песокъ для писемъ и часто приносилъ его моему отцу; по всей вероятности вслѣдствіе этого его и прозывали Золотаренко. Мы застали уже тамъ повара и провизію. Хмѣлевичъ остался съ нами, а осадчій возвратился домой, обѣщая часто наведываться къ намъ. Прощаясь съ нимъ, я едва не упала въ обморохъ отъ слезъ и горя.

На слѣдующій день пріѣхаль полковникъ, разговаривалъ съ нами, утѣшалъ насъ и плакалъ вмѣстѣ съ нами.

– Не безпокойтесь, говорилъ онъ намъ, я выйду въ отставку, возьму васъ съ собой, отвезу въ Петербургъ къ Императрицѣ; я долженъ позаботиться о вашемъ счастьѣ, потому что вы сироты, да къ тому же ж дѣти моего друга.

Я не помню, чтобы этотъ полковникъ бывалъ когда нибудь у моихъ родителей; бывали другіе: Сычъ, Гикорица, а этого я не видала никогда. Я помню, что когда отецъ мой ѣздилъ по Уманьщинѣ для исполненія своихъ обязанностей, то бывало долѣе всего засиживался въ Торговицѣ.

Всякій, кто занимался изученіемъ старины, знаетъ, что тамъ, гдѣ теперь поселеніе и Херсонская губернія, прежде была Ново-Сербія. Заселившіе ее сербы принадлежали къ партіи Текелія, который хотѣлъ освободить венгерское королевство отъ австрійскаго владычества; побѣжденный, онъ убѣжалъ въ Стамбулъ. Его партизаны разбѣжались, ища спасенія и безопаснаго убѣжища. Нѣсколько тысячъ этихъ бѣглецовъ нашли защиту и покровительство въ Россіи.

Въ продолженіи нѣсколькихъ дней печальной жизни у Золотаренка, я прислушивалась къ рассказамъ о тѣхъ страшныхъ происшествіяхъ, которыя совершились въ Умани. Изъ числа несчастныхъ недобитковъ къ намъ довольно часто приходили переодѣтые по крестьянски ректоръ уманскихъ школъ, человѣкъ уже не первой молодости, и знакомый мнѣ посесоръ д. Молодецкий, нѣкто Пёнтковскій. Оба они рассказывали, что, раздобывши по счастливому случаю простую одежду и топоры, они замѣшались въ толпу тѣхъ, которые подрубывали полисады. Пёнтковскій видѣлъ, какъ Шафранскій, когда насъ вывели изъ костела, побѣжалъ на верхъ своей башни и долго защищался тамъ, стрѣляя по нападающимъ изъ ружья. Онъ успѣлъ убить трехъ разбойниковъ, прежде чѣмъ его взяли изъ башни, а когда наконецъ его вытащили оттуда, то мучили сямымъ ужаснымъ образомъ.

Ксендза Костецкаго, держащаго въ рукахъ св. дары, вывели изъ костела и нѣсколько козаковъ подняли его на пики; такъ держали его до тѣхъ поръ, пока онъ не умеръ.

Пёнтковскій и ректоръ, переодетые, ходили постоянно вмѣстъ съ толпой, которая рыскала повсюду, отыскивая добычу. Они видѣли также приходъ князя Кречетникова, разсказывали, какимъ образомъ онъ уничтожилъ и забралъ разбойниковъ, которыхъ было до 5 000, но этотъ рассказъ я приведу ниже.

Спустя нѣсколько дней, добрый полковникъ пріѣхалъ съ печальной для насъ вѣстью: онъ получилъ приказаніе выступить съ своимъ полкомъ къ Бару противъ конфедератовъ. Черезъ два дня онъ действительно ушелъ вмѣстѣ съ полкомъ, обѣщая скоро возвратиться, но больше я его уже не видѣла.

Передъ выѣздомъ, онъ посадилъ меня съ братомъ и Хмѣлевичемъ въ свою карету и повезъ насъ въ лагерь къ князю Кречетникову.

Я хорошо помню, что князь былъ уже почтенный человъкъ.

Полковникъ представилъ ему насъ и рассказалъ о постигшемъ насъ горѣ; при его рассказѣ глаза князя наполнились слезами. Взявъ насъ за руки, онъ повелъ насъ въ ближайшую палатку и тамъ я увидѣла, лежащаго лицемъ къ землѣ, Гонту, съ цѣпями на рукахъ и на ногахъ. Одѣтъ онъ былъ въ форменный атласный жупанъ.

Князь толкнулъ его палкой въ голову.

Гонта приподнялся.

Тогда князь, указывая на насъ, сказалъ:

– Посмотри на этихъ несчастныхъ сиротъ!

Гонта съ минуту смотрѣлъ на насъ, потомъ отвернулся и крикнулъ:

–А ну ихъ къ черту! и снова уткнулся лбомъ въ землю.

Когда мы вышли изъ палатки, полковникъ просилъ князя, чтобы тотъ позаботился о насъ на время его отсутствія, и далъ бы намъ какую нибудь одежду изъ числа награбленныхъ.

Князь сейчасъ же позвалъ своего адъютанта и приказалъ ему отвести насъ на площадь, гдѣ стоялъ прежде разбойничій лагерь. Я увидѣла тамъ нѣсколько стоговъ шляхетской и жидовской одеж-

ды; была тамъ и церковная. Ходя между этими стогами, я увидѣла одѣяло и шубу моей матери и портретъ моего дѣда. Я попросила, чтобы мнѣ отдали ихъ; адъютантъ тотчасъ же исполнилъ мою просьбу и кромѣ того прибавилъ еще какую то одежду для меня, жупанъ для брата, шапку и поясъ Хмѣлевичу.

Говоря по правдѣ, мы не очень то охотно брали эти, облитые кровью, подарки.

На другой день полковникъ со слезами на глазахъ простился съ нами, приказавъ, чтобы два сотника ходили къ намъ на стражу, чтобы защитить насъ, на случай какой нибудь опасности.

Послѣ, его отѣзда, пріѣхалъ осадчій изъ Оситной и посовѣтовалъ намъ переѣхать къ нему; такъ мы и сдѣлали.

Осадчій и другіе крестьяне ежедневно ѣздили въ Умань для развѣдокъ и, возвратясь однажды, они сказали намъ, что пришелъ региментарь Стемпковскій съ кавалеріей. Князь Кречетниковъ отдалъ ему Гонту и всѣхъ разбойниковъ, а добычу забралъ себѣ. Хмѣлевичъ поѣхалъ въ Умань, чтобы разузнать все подробнее, и для него, какъ для поляка, это легко было сдѣлать.

Въ Умани Хмѣлевичу рассказывали, что Желѣзнякъ бѣжалъ, какъ только взяли Гонту; что полякамъ изъ добычи не досталось ничего, даже изъ лошадей и воловъ; что большая часть разбойниковъ бѣжала; что Стемпковскому отдали Гонту съ 2 000 его товарищей; что Гонту хотѣли казнить въ Умани, но когда князь Кречетниковъ ушелъ противъ конфедератовъ, то рѣшили казнить его въ другомъ мѣстѣ. Боялись крестьянъ, въ рукахъ которыхъ было еще много оружія и они навѣрно попытались бы отбить Гонту; вслѣдствіе чего всѣхъ гайдамаковъ, скованныхъ, забрали изъ Уманя.

Четыре недѣли мы не имѣли никакого извѣстія о добромъ полковникѣ и, наконецъ, узнали, что онъ погибъ подъ Баромъ. Пришлось намъ подумать о своей будущности. Осадчій спросилъ меня, имѣю ли я кого нибудь изъ родныхъ, и если имѣю, то какъ далеко? Я ответила ему, что у меня есть дядя около Проскурова. Тогда осадчій напомнилъ Хмѣлевичу, что мой отецъ передъ рѣзней хотѣлъ послать на продажу нѣсволько возовъ съ пшеномъ и саломъ и что онъ получилъ отъ отца немного денегъ для найма

подводъ; далѣе – осадчій говорилъ, что хотя при разграбленіи имѣнія и позабирали изъ магазиновъ пшено и сало, но онъ ручается, что некоторые крестьяне отдадутъ все взятое назадъ.

И дѣйствительно многіе поотдавали.

Собранное пшено сложили на три воза и середину въ каждомъ возѣ оставили пустой, такъ, чтобы тамъ могъ помѣститься одинъ человѣкъ. Я сѣла въ одинъ возъ, братъ мой – въ другой, а мамка съ ребенкомъ въ третій. Сверху возы прикрыли лубомъ, боясь, чтобы насъ не поубивали дорогой. Какъ же удивились мы, когда, пріѣхавъ до Ладыжина, узнали что тамъ и въ Грановщизнѣ не было бунта и убійствъ. Четыреста грановскихъ козаковъ и двѣсти лаодыженскихъ остались вѣрными своимъ панам. Та шляхта и жиды, которые изъ этихъ мѣстъ бѣжали въ Умань, погибли совершенно напрасно.

Въ закрытыхъ возахъ доѣхали мы до самого Тульчина, а оттуда до Брацславля ѣхали уже открыто. Губернаторомъ въ Брацславлѣ былъ тогда Курцевичъ, который и оставилъ насъ у себя.

Хмѣлевичъ, написавъ дядѣ о нашемъ несчастіи, послалъ продавать сало и пшено.

У Курцевича я услыхала о сраженіи подъ Баромъ между русскими и поляками, въ которомъ былъ убитъ нашъ добрый полковникъ. Тамъ же слышала я и о томъ, какъ Кречетниковъ взялъ разбойниковъ. Рассказъ объ этомъ былъ совершенно сходенъ съ тѣмъ, который передавалъ мнѣ Пёнтковскій.

Какъ сама слышала, такъ и здѣсь разскажу.

Князь Кречетниковъ, прійдя уже къ концу рѣзни, сталъ съ той стороны, какъ ѣхать отъ Грекова къ Вейтовкѣ. Увидѣвъ, что у него нѣтъ достаточно войска, чтобы сейчасъ же атаковать разбойниковъ, онъ дружелюбно принялъ пришедшихъ къ нему Желѣзняка и Гонту и всѣхъ начальниковъ. Десять дней оба обоза мирно стояли один подлѣ другаго. Въ разбойничьемъ обозѣ происходили постоянно гулянья, пьянство, крики и пѣсни подъ акомпаниментъ бандуръ. На одинадцатый день князь получилъ извѣстіе, что изъ Кіева идутъ донцы и везутъ съ собою множество повозокъ, наполненныхъ кандалами. Онъ отправился къ Гонтѣ и сказалъ ему, что хочетъ познакомиться съ его родными. Обрадованный Гонта при-

гласилъ князя и весь его штабъ въ Росошки. Князь Кречетниковъ приказалъ, чтобы его офицеры не пили, а старались напоить Гонту и его приближенныхъ. Уѣхалъ изъ Росошекъ прежде всего князь, а потомъ уже его штабъ и вся ватага разбойниковъ. Гайдамаки, будучи сильно пьяными, скоро уснули. Тогда донцы отогнали ихъ лошадей, окружили лагерь, начали хватать разбойниковъ и заковывать въ кандалы.

Ночь была темная и вслѣдствіе этого много злодѣевъ убѣжало.

Взято было только двѣ тысячи и всѣхъ ихъ отдали регментарю Стемпковскому.

Стемпковскій былъ назначенъ регментаремъ вместо Ворнича, у котораго Пулавскій въ Лысянкѣ забралъ кавалерію. Я не знаю, самъ ли Вороничъ отказался отъ регментарства или его у него отняли, только въ Варшавѣ регментарство дали бригадиру Стемпковскому.

О себѣ скажу только, что, пріѣхавъ къ дядѣ, мы застали его больнымъ: у него сгорѣлъ домъ и его отъ страха разбилъ параличъ.

Въ концѣ 1768 года я уже была въ Кристинополѣ у Потоцкой, жены воеводы кіевскаго. Старшій мой братъ былъ отданъ въ школу Піаровъ. Вѣроятно, ему было не особенно хорошо, если онъ далъ себя уговорить остаться ксендзомъ у Піаровъ.

Прошло не мало лѣтъ послѣ этого ужаснаго года. Я была уже замужемъ. Я видѣла достройку громадныхъ каменныхъ зданій въ Тульчинѣ; видѣла поспѣшность, съ какой производилась эта работа; видѣла формировавшійся на счетъ Потоцкаго регментъ. Потоцкій былъ тогда регментаремъ украинской партіи и генераломъ артилеріи. Тульчинъ начиналъ дѣлаться многолюднымъ. Король Понятовскій гостилъ въ немъ три дня. Изъ всѣхъ окрестностей съезжалась шляхта привѣтствовать его, собралось къ этому времени и много знакомыхъ.

Здѣсь, между прочимъ, я имѣла удовольствіе познакомиться съ бригадиромъ Голѣевскимъ. Онъ часто посѣщалъ насъ и любилъ разговаривать со мной, потому что я была одной изъ уманскихъ сиротъ. Во время этой ужасной катастрофы, Голѣевскій служилъ въ народной кавалеріи и былъ при Стемпковскомъ тогда, когда по-

слѣднему отдавали Гонту. Онъ хотѣлъ и отъ меня услышать подробности печальнаго для меня произшествія.

Въ своихъ рассказахъ Голѣевскій подтверждалъ то, о чемъ я говорила выше. Онъ говорилъ, что Стемпковскій хотѣлъ казнить Гонту на мѣстѣ его злодѣянія, но такъ какъ у него было только 400 человѣкъ кавалеріи, то онъ побоялся крестьянъ, которыхъ въ одну минуту могло собраться несколько тысячъ. Вслѣдствіе этого, забравъ 2 000 закованныхъ разбойниковъ, онъ выступилъ съ ними къ Могилеву.

Всю добычу – лошадей, воловъ, деньги, имущество – забрали себѣ русскіе.

Въ Сербахъ, рассказывалъ Голѣевскій, остановились, чтобы казнить Гонту и нѣкоторыхъ изъ его товарищей. Тамъ стоял съ отрядомъ войска русскій полковникъ Шишковъ.

Постановлено было, чтобы съ Гонты, живого, рѣзать полосы кожи и потомъ четвертовать.

Когда палачъ приступилъ къ казни, Гонта отчаянно закричалъ:

– Почему здѣсь нѣтъ Желѣзняка и его указа!

Подбѣжали два солдата и забили ему ротъ землей.

Такъ погибъ этотъ бродяга и вмѣстѣ съ нимъ погибло нѣсколько тысячъ то отъ меча, то отъ висѣлицы.

Потомъ къ Стемпковскому пришла еще кавалерія и какой-то регментъ изъ Каменца; между ними подѣлили остальныхъ разбойниковъ.

Однихъ изъ гайдамаковъ отвели на Подоль, другихъ на Волынь.

По дорогѣ въ каждомъ мѣстечкѣ казнили ихъ по нѣскольку.

Регментарь Стемпковскій пошелъ въ Лебединъ, чтобы наказать игумена за данное имъ Желѣзняку благословеніе. По его мнѣнію и тамъ нужно было поступать осторожно. Крестьяне въ Смѣлянщинѣ начали сходиться толпами и собираться къ Лебедину.

Стемпковскій долженъ былъ ждать пока не привезли четырехъ пушекъ и оружія изъ Лысянки.

Уже войска должны были войти въ монастырь, когда на встречу имъ вышелъ игуменъ. Два монаха несли за нимъ на блюдѣ 3 000 червонцевъ въ подарокъ Стемпковскому.

Игуменъ далъ регментарю поцѣловать крестъ и евангеліе.

Солдаты, въ одно мгновеніе, вкопали три заостренные столба и, не обращая вниманія на слова региментаря и поручиковъ, схватили игумена и двухъ его асистентовъ и живыми посадили на колъ.

Монастырь былъ разграбленъ. Стемпковскій набралъ тогда много и денегъ, и серебра, и другой добычи.

Изъ бывшихъ тамъ нѣсколькихъ десятковъ монаховъ, одни поубѣгали, другіе были убиты. Многіе наверно знаютъ, что тѣ три кола, на которыхъ сидѣлъ игуменъ и его товарищи, до послѣдняго времени, не извѣстно по какой причинѣ, стояли нетронутыми. Можетъ быть монахи нарочно сохранили ихъ, какъ памятникъ тираніи поляковъ надъ ихъ игуменомъ.

Для незнающихъ мнѣ кажется, не лишнимъ будетъ рассказать, къ какому роду людей принадлежали тѣ гайдамаки, которые такъ прославились своими набѣгами и грабежами и которыхъ уманскіе козаки ловили, отбирали добычу и сажали въ уманскую кордегардію. Они жили въ томъ мѣстѣ, гдѣ Днѣпръ приближается къ устью, а такъ какъ тамъ есть каменные пороги, то вслѣдствіе этого и называли это мѣсто Запорожьем или Сѣчью.

Было тамъ запорожцевъ нѣсколько тысячъ.

Между ними не было ни одной женщины: таковъ уже былъ ихъ обычай; они дѣлились на коши и каждый начальникъ отряда назывался кошевымъ. Жили они въ шалашахъ. Занятіемъ ихъ было выпасыванье большихъ стадъ лошадей, ловленіе рыбы, соленье ея, приготовленіе сыра и рыбьяго жира.

Нѣкоторые поляки, особенно молодежь, ѣздили къ нимъ покупать лошадей. Возвратясь, они рассказывали о хорошемъ пріемѣ, оказанномъ имъ кошевымъ.

Эти запорожцы приходили въ Умань на ярмарку на св. Ивана.

Они привозили множество возовъ съ громадной рыбой различнаго рода, съ солью, сыромъ, визигой и рыбьимъ жиромъ. Продавая товаръ, они долго веселились въ Умани. Одежда ихъ состояла изъ короткихъ жупановъ, сшитыхъ изъ телячьей кожи и подбитыхъ иногда очень богатыми матеріями.

Я помню, что на подкладкѣ одного изъ пріѣхавшихъ запорожцевъ вышито было "Jesus"; отецъ мой, послѣ долгихъ усилій, настоялъ на томъ, что запорожецъ продалъ ему подкладку. По всей

вѣроятности, она принадлежала къ числу имущества, награбленнаго въ какомъ нибудь костелѣ.

Во время царствованія Екатерины II, запорожцы были переведены на Кубань, на восточномъ берегу Чернаго моря; и ими то было увеличено число черноморцевъ.

Въ 1817 году я уверилась сама въ томъ, что въ числѣ запорожцевъ были люди разныхъ странъ. Въ од номъ селеніи я знала крестьянина, по фамиліи Ангельчикъ. За мою еще память онъ хлопоталъ по судамъ, доказывая, что его неправильно записали въ крестьяне. Онъ поразывалъ мнѣ документы, данные его дѣдамъ старымъ княземъ Любомірскимъ. Въ этихъ документахъ князь Любомірскій говоритъ, что онъ даетъ безплатно землю англичанину, прибывшему изъ Запороажья и желающему жить мирно и проч.

Славный гайдамака Савва былъ валлахъ Саво, который, прійдя однажды съ своимъ товарищемъ въ Немировъ, засталъ тамъ тогдашняго помѣщика немировскаго, гетмана Потоцкаго. Гетманъ захотѣлъ видѣться съ Саввой, долго съ нимъ разговаривалъ и уговорилъ его покинуть разбойничью жизнь. Онъ далъ ему жилище въ д. Рубани. Савва, поселившись въ Рубани, женился. Зная всѣ гайдамацкіе тайники, онъ, вмѣстѣ съ гетманскими козаками, ловилъ ихъ, вслѣдствіе этого гайдамаки, узнавъ, кто предводительствуетъ гетманскими козаками, ворвались въ Рубань и убили Савву. Его жена съ маленькимъ сыномъ убѣжала. Крестьяне до сихъ поръ поютъ пѣсню о Саввѣ. Въ 1790 году потомка этого Саввы сеймъ возвелъ въ дворянство и далъ ему землю въ чигиринскомъ староствѣ.

Такъ оканчиваются воспоминанія Вероники Кребсъ.

Мы уже раньше говорили, что съ полнымъ довѣріемъ можно относиться только къ тѣмъ изъ сообщенныхъ ею свѣденій, которыя, она разсказываетъ, какъ очевидецъ; къ свѣденьямъ же, почерпнутымъ ею изъ другихъ источниковъ, нужно относиться какъ можно осторожнѣе. Оставляя въ сторонѣ подробный разборъ всѣхъ неточностей, встречающихся въ ея "воспоминаніяхъ", мы укажемъ только на главнѣйшія, на такія, которыя слишкомъ рѣзко расходятся съ истиной. Къ числу такихъ принадлежитъ извѣстіе о гайда-

макѣ Саввѣ, якобы "валлахѣ". Кто былъ Савва, лучше всего видно будетъ изъ слѣдующей выписки изъ соч. В.В.Антоновича "Изслѣд. о гайдамачествѣ" стр. 117: "Савва Чалый былъ родомъ, по свидѣтельству современныхъ документовъ, мѣщанинъ изъ м. Комаргорода (нынѣ Ямпольск. у. Под. г.). Онъ поступилъ въ надворную милицію владѣльца, князя Четвертинскаго и событія 1734 года[113] застали его въ должности сотника этой милиціи. По приглашеніи Верлана, Савва Чалый примкнулъ съ своею сотнею къ крестьянскому восстанію и въ Умани принялъ присягу на верность Россіи. Затѣмъ, онъ отделился съ командою, состоявшею изъ 50 человѣкъ, отъ главнаго отряда, бывшаго подъ начальствомъ Верлана и ограбилъ въ Подоліи м.м. Шаргородъ и Смѣлу.

Послѣ того, какъ восставшіе крестьяне были разсѣяны русскими войсками, Чалый бѣжалъ изъ предѣловъ Рѣчи Посполитої вмѣстѣ съ другими предводителями отдѣльныхъ отрядовъ... Затѣмъ, до конца 1736 года, между тѣмъ какъ Грива, Жила, Медвидь и другіе ватажки ведуть упорную борьбу съ поляками, мы не встрѣчаемъ въ ихъ числѣ Чалоаго; знаемъ только, что часть этого времени онъ просидѣлъ въ тюрьмѣ въ Бѣлой Церкви, вслѣдствіе того, что онъ ограбилъ въ Могилевѣ купцевъ грековъ, оказавшихся русскими подданными... Въ ноябрѣ только 1735 года онъ успѣлъ освободиться изъ тюрьмы... Затѣмъ, въ теченіи года, о дѣятельности Саввы Чалаго мы не встрѣчаемъ данныхъ въ актовыхъ свидѣтельствахъ; вероятно къ этому времени относится извѣстіе, сообщенное г. Скальковскимъ о вербовкѣ Чалымъ гайдамацкаго отряда... Впрочемъ, навербовавъ отрядъ, Чалый не предпринялъ, насколько можно судить по актамъ, ни одного сколько нибудь крупнаго набѣга, и въ концѣ 1736 года по-спѣшилъ воспользоваться объявленіемъ региментаря Малинскаго, явился въ его квартиру и принесъ присягу на верность Рѣчи Посполитой, за что и признанъ былъ полковникомъ козаковъ, составлявшихся изъ покорявшихся гайдамаковъ. Уже въ декабрѣ 1736 года онъ участ-

[113] Въ этомъ году гайдамацкое движеніе приняло весьма острый оборотъ для шляхты.

вовалъ въ походѣ региментаря противъ гайдамацкаго отряда Медвидя и въ стычкѣ съ нимъ подъ Боровицею отличился, ранивъ самого ватажка.

Въ началѣ 1737 года онъ охранялъ съ своимъ полкомъ границы Рѣчи Посполитой по Тясьмину, а въ іюлѣ того же года ворвался за запорожскія степи и угналъ скотъ изъ запорожскихъ пасѣкъ, лежавшихъ въ окрестности Кодака. Въ слѣдующемъ году, продолжая находиться въ распоряженіи региментаря украинской партіи, онъ, вмѣстѣ съ отрядомъ польскаго войска, ходилъ въ погоню за гайдамаками, ограбившими м. Грановъ, настигъ ихъ у Чернаго лѣса, разсѣялъ и отнялъ батовни съ добычей. О дѣйствіяхъ Саввы Чалаго въ 1739 году мы не имѣемъ свѣденій, но въ теченіи этого времени положеніе его измѣнилось. Въ конце 1738 года козацкіе полки были распущены... Савва перешелъ въ частную службу въ качествѣ полковника надворныхъ козаковъ въ Немировъ, имѣніе короннаго гетмана Іосифа Потоцкаго, отличавшагося строгостью по отношенію къ крестьянамъ и жестокостью въ наказаніи ихъ, въ случаѣ волненій. Какъ гетманъ, Потоцкій зналъ о подвигахъ Саввы противъ гайдамаковъ, потому онъ и поручилъ ему начальство надъ своей милиціей; желая притомъ обезпечить его вѣрность, гетманъ предоставилъ ему въ пожизненное владѣніе села Рубань и Степашки... (Въ 1740 г. былъ сдѣланъ Саввой походъ противъ запорожцевъ). Въ слѣдующемъ году Савва Чалый поплотился за свою дѣятельность въ преслѣдованіи гайдамаковъ. Одинъ изъ ватажковъ, Игнатъ Голый, запорожскій козакъ изъ Медведовскаго куреня, предпринялъ опасный походъ, съ цѣлью избавиться отъ этого опаснаго противника гайдамачества... Въ самый день Рождества Христова 1741 года, онъ окружилъ съ небольшимъ отрядомъ домъ Саввы въ с. Степашкахъ и, убивъ его на мѣстѣ, ограбилъ его имущество и затѣмъ отправился въ дальнѣйшій походъ..."

Затѣмь, Кребсъ смѣшиваетъ запорожцевъ съ гайдамаками, тогда какъ запорожцы, будучи болѣе опытными въ военномъ дѣлѣ, въ большинствѣ случаевъ только предводительствовали гайдамацкими отрядами, набиравшимися изъ крестьянъ.

Къ числу такихъ же ошибокъ принадлежитъ и вложеніе въ уста Гонты словъ: ".... и его указа"; словъ этихъ Гонта не могъ говорить, въ виду отсутствія самаго "указа".

Въ заключеніе – вотъ что: вопросъ о гайдамаччинѣ – важный и интересный вопросъ не въ одномъ только историческомъ отношеніи. Гайдамацкое движеніе бросаетъ яркій свѣтъ на многія стороны духа южно-русскаго народа, такія стороны, изученіе которыхъ во всякомъ случаѣ и желательно, и полезно. Въ русской литературѣ, какъ мы уже выше сказали, нѣтъ изслѣдованія о всемъ гайдамацкомъ движеніи и тѣмъ болѣе нѣтъ "истинной точки"; впрочемъ, мы должны сказать, что нѣтъ этой точки и въ польскихъ источникахъ. Мы совѣтуемъ всякому, желающему хотя немного ознакомиться съ гайдамаччиной, прибегнуть прямо къ источникамъ, т.е. принявъ себѣ за руководящую нить безавторитарность дви-женія, прочесть всѣ сочиненія, который имѣютъ "касательство" къ данному вопросу. Вотъ перечень сочиненій, извѣстныхъ намъ:

1) "Изслѣдованіе о гайдамаччинѣ", В.Б.Антоновича (это самое лучшее изъ всѣхъ изслѣдованій). 1877 г. Кіевъ.

2) "Гайдамаччина", Мордовцева. 1870 г. С.-Петербургъ.

3) "Нѣзди гайдамакъ", Скальковскаго. 1845 г. Одесса.

4) "Мильхисидекъ Значко-Яворскій", Лебединцева. 1861 г. Кіевъ.

5) "Поляки въ заднѣпровской Украинѣ въ XVIII в." Козловскаго. ("Р.В." 1863 г. № 6 и 10).

6) "Записки о Южной Руси" Кулиша (т. II). 1857 г. С. Петербургъ.

7) "Opis obyczajów..." Kitowicza. Варшава. 1861 г.

8) "Pamiętnik" Lipomana. Варшава 1862 г.

9) "Pamiętnik" Pawła Mladanowicza. Тоже.

10) "Pamiętnik" .Marczyńskiego Тоже.

11) "Письма 1786 г. изъ Волыни" (Основа 1862 г. №' 3).

12) "Гайдамаки" (Москвитянинъ 1845 г.).

13) "Рецензія Максимовича", (Пол. соб. соч. Кіевъ. 1876 г.).

Затѣмъ мы можемъ порекомендовать всѣ изслѣдованія г.г. Антоновича и Новицкаго, такъ какъ они превосходно способствуютъ уясненію исторической жизни Украины.

СВІДЧЕННЯ КУПЦЯ КАНТАРЖЕЯ ПРО ЙОГО ПЕРЕБУВАННЯ У ТАБОРІ ПОЛКОВНИКА МАКСИМА ЗАЛІЗНЯКА ПІД УМАННЮ

Показаніе запорожця Кантаржея

1768 года июля 4 у В[ойска] Зап[орожского] Низ[ового] козак куреня Донского Лаврин Кантаржей в канцеляріи оного войска показал: когда он по купечеству Польской области в разных дальних городах был и следовал уже обратно в Сѣчь Запорожскую, натоварясь разными товарами чрез польской город Умань 9 числа, то застал под Уманю стоящаго в двух тысящах войска, называющаго себе запорожцами, при тридцати прапорах и 15 пушках. Войска того двутысячного полковника Максима Железняка, к которому он как явил себе и просил его, чтобы от его команды как там в простойкѣ, так и в пути ему не учинилось какого худа и на товары бы его, который стоял под селом Березднею, нападенья не было, то оной Железняк созвал своих сотников двух человек и дал ему, Кантаржею, от себе свидѣтелство, чтобы везде от его команды свободный проход даже до границы россійской был. Причем он, Железняк, ему, Кантаржею, хвалился, что де состоящій с дивизіею в Польщи русскій генерал Кречетников отблагодорил чрез письмо, что он Умань въконец разорил и всѣх в оном Умани ляхов и жидов вырѣзал. Сам же он, Кантаржей, видѣл, что многи з тамошних польских подданных католическаго закона люде, приѣзжая к нему с разных тѣх мѣст, в коих уже есть ляхи и жиды вконец разорены, прося в него, Железняка, начальства и он, Железняк, всякаго их по достоинству жалуя и дает письменной от себѣ всѣм людям приказ, чтобы в точном его всѣ смотрѣніи были и всѣ происходящіе от него порядки оставались бы в его власти, а ослушних жестоким штрафом стращая.

Джерело: Архів Ленінградського відділення Інституту історії Академії наук СРСР. ф. 200. оп. 3. спр. 215, № 6. Копія.

ГРАМОТА МАКСИМА ЗАЛІЗНЯКА

"Я, Максим Залізняк, полковник Низового Войска Запорожского, даю от себя документ Федору Осадчому (Осадчому?) местечка ТЕплика, абы он мещан и прочии громады ключа того местечка в добром состоянии задерживал, яко то: абы имел властьи судыты, радыты и во всяких случаях добре справовати, добрым добре воздавати, а злых бунтовщиков смертельными киями карати, а мещанам и прочим громадам ключа выше описаного приказую, абы ему во всяких случаях послушны были, бунтов между собой не робили. При сем будьте здоровы.

Максим Залізняк, полковник Низовский,
с товариством.
Д. 1768 года, июня 13 дня. в Умани".
(Гл. Моск. Арх. М. Ин. Д., польские дела, 1768 г., связка №21)
Сообщ. Вл. П-ю

Джерело: Киевская Старина. – 1905 г. – №3. – С.243.

ПРОТОКОЛ ДОПИТУ ПОЛКОВНИКА МАКСИМА ЗАЛІЗНЯКА, СКЛАДЕНИЙ У КАРГОПІЛЬСЬКОМУ КАРАБІНЕРНОМУ ПОЛКУ

1768 году июня 26 дня между пойманными при местечке У[мани] запорожскими казаками назеваемой полковник Зелезняк допра[шиван], на [до]просе показал следующее:

Вопросы	Ответы
1 Как тебя зовут, чей сын и празванием, какой веры и с какого звания, где жителство имеиш?	на 1 Зовут меня Максимом, Иевлев сын, Зелезняк, веры я греческаго исповедания, из мужиков, жителство прежде имел я Полской области Чегиринской губернии в местечке Медведевке, а потом, по смерти отца своего, пошел в Запорожскую Сечь тому уже назад пятнатцат лет, а из оной Полской же области в монастыре Матреновском, в которой я пришол прошлого году в ноябре месяце.
2 В здешние места ты откуда, каким образом и с кем, давно ль и для чего пришол, по какому указу или повелению и не был ли кто еще с тобой к тому, с каким числом людей согласником, також ты сотника Гонта или из	на 2 В здешние места от показанного монастыря пошел я сего году в апреле месяце, а которого не упомню, толко на той недели, согласяс прежде с семьдесятю человеками запорожских и бежавших казаков для искоренения показавшихся в Полше конфедератов, а после жидов и поляков, где сколко найдено будет. И пошли мы ис того монастыря прежде на местечко Жаботино, под которым и разбили конфедератов пятдесят человек, ис коих заколото человек до сороку, а потом пошли далие по тракту к местечку Умане, где уже всего народу с их оружием из разных мест собралос человек до тысячи, а откуди оние пребивали, о том знать не могл, указу же я ниже повеления о том никакова ниоткуда не имел, а единственно тем согласился одним своим своеволством для одного показан-

его команды ково в согласие к себе сил-но не призевал ли?	ного народу колонья и грабежа. К местечку ж Умани пришел я назад тому не з болшим две недели, под которым, пришед, остановился в половину дня, а к вечеру того ж дня и местечке Умани сотник Иван Гонта (которой прежде из оного места с казаками, уведомяс об нас, въступил с полковниками Обухом, а о другом неизвестен, навстречу недель за шест, толко нас они не нашли) к нам прибыл и объявил мне, что он имеит казаков до четерехсот человек и, так с обеих сторон согласясь со мной доброволно, в то местечко Уман силно вошли по наступлении уже другого дня приходу нашего поутру, часу в третем; а более со мной согласников из старшин никто не был, також и я ево, сотника Гонта, ис-под команды ево никого силно к себе в согласие не призывал.
3 Как же скоро в местечко Умны вошли, было ль из оного против вас какое оборонение и по входе по такому вашему, какты више обявил, намерение, сколко какого народу поколато и после их сколко пограблено денег, платья и	на 3 Как скоро в местечко Умны с обеим войском вошли, то хотя по нас и было из одной прежде пушки, а потом из мелкого ружья выстрел, однако нам никакого урону, кроме одного человека, не учинено и мы против состоящаго во оном местечку народу усилились, причем поляков, жидов, а притом и тех, кои и во услужении конфедератов были веры греческой, поколото немалое число, а сколко, заподленно знать не могу, однако думаю не менее как всех мужеска и женска, даже до сущих младенцев, тысячи две человек поколото и при том пограблено денег тысячи сто рублев, а протчих пожитков, сколко их числом, знать не могу, потому что всякой казак имел по себе, где сколко кто мог захватить; я ж из оных никуда (кроме что помянутому сотнику Гонту и с тех пограбленных денег дал сто золотых червонных и

протчих пожитков и куда оные употребленя или отвезены и кому именно отданы?	шестьсот рублев манетою и трое часов) не отправлял.
4 Между показанными заколатыми вами людми, сколко, каких законов, ксензов, попов равно и полского шляхетства было поколато?	на 4 Между показанным побитым нами народом и з[нать] толко могу, что губернатор з женою убит, а о прочих: как ксензах, попах и протчих полска[го] шляхетства ведать не могу, потому что я не здешняго места жител, только между всех тако[вых] людей поколото доволное число.
5 При том войске ты какою старшиною к предводителству почитался, кем и когда учинен?	на 5 При показанном войске я к предводителству почитаем был полковником, в которое звание я выбран теми запорожскими казаками, с которыми было у меня согласие ко убивству и грабителству народа еще при выступлении нашем из Матренина монастыря.
6 Из местечка Умны ты сам или кого ис команды своей еще для таковаго ж губите-	на 6 По прибыти нашем к местечку Умны я сам никуда ко убивству и грабителству не ездил, а посылав в разные места ис команды своей казаков и то малое число, которые ко мне приваживали денег рублей по два и по пяти, а ис пожитков не приваживали и мне о том не обявляли, а по боль-

лства и грабежа в другие места не посылали?

шой части посыланы были ис команды сотника Гонта, толко и он сам не ездил.

7

Из местечка Умны ты и сотник Гонта с командами почему на здешнее место, на котором вы с казаками взяты под караул, выступили?

на 7

Из местечка Умны я и сотник Гонта с командами на здешнее место, на котором мы взяты под караул, вышли потому, что от великаго побитаго народу жить было не можно, тако ж и для довольствия своих лошадей ближайшим полевым кормам, а в местечке Умнах толко оставлено было при сотнике Власенке караул, которой, как скоро уведомился о прибыти сюда росискаго войска, бежал, а куда, я о том неизвестен.

8

Подлинно ль ты во всех своих ответах показав свою истенную правду и не скрывает ли чего, також прежде сего на таковых же грабителствах не бывал ли?

на 8

Я подлинно во всех своих ответах показал истенную правду и ничего не скрываю, також и прежде сего на таковых же грабителствах и убивствах не бывал, в чем и подписуюс.

К sim owiętom wmijsto nazywajemoho połkownyka Maksyma Iwelowaho syna Zalizniaka za neumięnym gramoty po ięmo prozenyiu w mięsteczo Uman sotnik Iwan Honta podpisałsa.

Сверх вышеписанного показанной называемой полковник Зелезняк спрашиван в

Он, полковник Зелезняк, к турецкой и за оную границу сам не ездил и ис команды своей никово не посылал, и толко посылал до села Хощева, которое состоит от местечка Умны в четырех милях, при сотнике Шиле запорожских казаков пятдесят человек, которые, возвратяс, обявили ему,

дополнение, не был ли он к турецкой или за оной границею в каких именно местах сам или партей не посылал ли и не было ль против тех партей оттуда каких супротивленей, которой обявил?	что они были и на турецкой границе в местечке Балте, далея ж они были ль и какое там убивство или грабителство починили и было ль против оных с турецкой стороны супротивление, о том он неизвестен.

За удитора полковой писарь
Никифор Пикторов

Джерело: ЦДІА УРСР у Києві. – Ф. 59. – Спр. 5520. – Арк. 5-6. Оригінал.

И.Галант

МОЛИТВА В ПАМЯТЬ УМАНСКОЙ РЕЗНИ И ПИСЬМО, КАСАЮЩЕЕСЯ ТОГО ЖЕ СОБЫТИЯ

Нижеследующая молитва установлена в память печального события – страшной уманской резни 1768 г., и ежегодно, в годовщину катастрофы, 5-го Тамуза[114], при громадном стечении народа, читается она в уманских синагогах заунывным напевом подобно Плачам Иеремии; в этот день уманские евреи соблюдают безусловный пост. Молитва эта сохраняется в главной уманской еврейской синагоге; написана она на пергаменте древнееврейским языком и состоит из ряда рифмованных четырехстиший, причем начало каждого четырехстишия начинается одной из букв еврейского алфавита по порядку.

В этой молитве описываются за сердце хватающие сцены кровавой драмы, разыгравшейся на Украине в 1768 году. Происхождение молитвы и ея автора нельзя с точностью определить. Несомненно однако то, что она была составлена во время более или менее близкое к моменту уманской резни, так как автор говорит о последней, как о событиях свежей памяти, современном; причем упоминаются многие места, где совершались злодейства гайдамак и приводятся подробные обстоятельства, их сопровождавшие. Я постараюсь дать, насколько это окажется возможным, буквальный и вместе с тем литературный перевод этой своеобразной молитвы, которая навсегда останется печальним памятником знаменитой уманской резни.

"Господи всемилосердный, Сущий в небесах, Внимающий воплям скорбящих! Дай безмятежный покой и прими под сень твоей обители души праведников и святых, сиявших подобно свету небесному. Это души наших собратьев израильтян, людей именитых, мужей благочестивых; души Божьего народа, священной уманской общины, павших от рук проклятых негодяев; велик и мал, стар и млад".

---

[114] Дата по христианскому летосчиелению не обозначена; приблизительно начало июня.

"Великие среда израиля, богобоязненные и совершенные, охранявшие закон Твой, – ниспосланный им Тобою – увы! – гибель и истребление, горе и умерщвление. Они (гайдамаки) отдали трупы рабов Твоих на съедение птицам небесным, тела благочестивых Твоих – полевым зверям".

"Слезы безпрестанно проливают очи наши. Горе нам переживать такое несчастие. При одной вести об этом изнывает душа наша. Мы уподобляемся овцам, ведомым на заклание. Погибаем все мы, погибаем".

"Согласие изъявили все, старцы и юноши, принять кару Божию: иные пронзены были копьями, многие поражены ножами; кровь отцов и детей смешалась. Кто услышит это, будет горько плакать и рыдать".

"Увы, вопили они с сокрушенным сердцем, видя, что несчастие обрушивается. Доблестные и благородные в синагогу сошлись, и вопль их, исходивший из сокрушенного и наболевшего сердца, достиг Бога. Они увидали нечестивцев, вошедших в их святилище с ожесточенными сердцами".

"От ужаса содрогается сердце мое, слыша, что негодяи дерзнули войти и поражать праведный народ Твой. Там, в синагоге, они воздвигли пред Тобою большой жертвенник: дом, наполненный трупами, павшими от руки нечестивцев".

"Краса израиля, венцы народа и его украшение, облеченными в Талисы[115] стояли в синагоге, прижав к груди свитки закона Твоего. Благочестивые евреи в страхе и ужасе (вероятно за будущее в загробной жизни) предостерегают собратьев своих не изменять насильственно вере предков. Все с любовью предпочитают царствие небесное земной жизни; души же свои они поручают Всевышнему их Создавшему; и все они ведомы были на заклание. Горько вскричали они: "Слушай Израильи, произнося слова "Бог един", все пали они мертвыми".

"Подобно хищным зверям рыскали они по улицам города. Закалывали и подбрасывали пронзенных. Кровь убитых евреев сме-

---

[115] Шерстяное облачение, которое евреи надевают во время утренней молитвы.

шалась с кровью магнатов и вельмож, и потекла за черту города, как текущая вода. По истечении нескольких дней зловоние служило препятствием путь державшим, и начальник (?) велел выбросить их в поле. Они оставлены были на съедение хищным птицам и полевым зверям".

"Ужасный был тот день, в который уцелевшим от меча и стекавшимся со всех сторон евреям представилось страшное зрелище – долина, усеянная костями и несколькими тысячами отрубленных голов. В больше кучи сгребли они их и всех в одну могилу похоронили: можешь ли Ты при этом удержаться, о Господи?"

"Утомились глаза наши от ожидания Бога: доколе Ты будешь подобно сильному, немогущему избавлять? Воочию нам отомсти за пролитую кровь рабов Твоих. О мстящий Боже, Бог возмездии, возсияй!"

"Зачем, о Боже, на веки Ты отверг нас? Ты видишь беззакония, нам причиняемые, а заступиться не заступаешься. Смотри на беззащитных овец, ведомых на заклание и отомсти за нас. Не будь глухим к нашим слезам и мольбам, не скрывайся от моления нашего о нашем освобождении".

"Ангелы небесные горько плачут о нашем томлении. Взгляните и увидите, есть ли страдание, подобно моему страданию. Я содрогаюсь при одном воспоминании о том, что многие тысчи доблесных и благородных пали от руки негодяев. Доколе, о Господи, нечестивцам торжествовать?"

"Женщины праведницы, дщери драгоценные, взлелеянные и изнеженные, чрева их распаривали, а плод выбрасывали; прекрасные юноши и девушки, раздетые до нага, были рассечены и брошены; собаки таскали внутренности их; юные агнцы-младенцы и взлелеянные дети на лоне матерей своих лежали пронзенные и рассеченные. Да будут они милостиво приняты Богом, как огненная й благоухающая жертва".

дбрасываемые и ногами попираемые. Взгляни, о Господи, и посмотри на позор, которому подвергается Твоя священная Тора, данная на Синае при огненном пламени".

"Об этом я плачу, вспоминаю о Боге и рыдаю; вспоминаю гибель стольких праведников, чем увеличились скорбь и плачь Иудеи".

"Потоки слез изольют глаза наши. Да будет эта печальная повесть записана на память последующим поколениям; да будет горький плач установлен в годовщину гибели согнанных безсловесных овец, невинных и безгрешных детей пред грозным и страшным врагом. Ниц пали они перед разбойниками, умоляя их подарить им жизнь. Негодяи ожесточили сердца свои, схватывали детей и вверх подбрасывали, головы их расшибались и окровавленные падали они, обагряя кровью свои одежды; следы крови виднелись даже на стенах храма (синагоги, вероятно). Бог, взыскивающий за невинную кровь, да вспомнит Он об этих несчастных жертвах, вспоминая.о заклании патриарха Исаака".

"Несчастья одно за другим нас постигают. Рука Божия карала также и другие священные общины: Голта, Балта, Рашковичи, Тульчин и Павловичи, – внезапно погибли они от руки врагов.

Бесчисленное множество и других общин также погибло. Вскоре Бог прибавил печаль к печали нашей: в городе Лисянке и в селе Медичне, куда преследуемые Израильтяне стеклись из различных сел и городов, напали на них негодяи и умертвили мужей, жен и детей самым ужасным и жестоким образом".

"Да будут святы перед Богом купцы, развозившие товар и нищие, странствовавшие по городам за подаянием, – внезапно подверглись они самой страшной и мучительной смерти. По всей Украине пораженных мечами бросали: умерщвленные валялись в оврагах и пещерах, а также среди дороги, хоронить их не хоронили. Дети их остались несчастными сиротами, а жены – вечными агунот[117]".

---

[117] По еврейски под этим словом разумеют женщину, муж которой пропал без вести, и этим она лишается возможности вступать вторично в брак.

"Сжалься, о Господи, над остатком Твоего несчастного народа. Ведь за Тебя нас беспрестанно убивают. Спасай нас от руки нечестивцев. Да рассеются враги Твои перед лицом Твоим".

"Стража Иерусалима (т.е. рыдающие о благе Израиля), вспоминающая имя Бога, да не будет конца вашему плачу, не переставайте вспоминать о душах этих святых праведников. Потеря их для нас так чувствительна, как сожжение и гибель нашей святыни (автор молитвы напоминает, несомненно, этим на сожжение Титом Иерусалимского храма). Посему, милосердный Бог, приюти их под сенью Твоих крыльев и дай им насладиться миром хотя после смерти".

"Начало нападения на Умань было в понедельник 5-го Тамуза. В этот день истребили и умертвили расположившихся за городом на поле и стекавшихся туда из различных сел и деревень несколько сот мужчин, женщин и детей. К вечеру гор. Умань был взят и началась страшная резня, продолжавшаяся целые сутки. В среду они (гайдамаки) тщательно отыскивали в городе жертв. Всех погибших в тот день, одних евреев было 30 000 человек (гипербола вероятно)[118]"

* * *

К числу источников, имеющих непосредственное отношение к печальной эпохе колиивщины и знаменитой уманской резни, может быть отнесено приводимое ниже в русском переводе письмо, извлеченное мною из одного еврейского сочинения под именем Пардес, напечатанного в 1769 г., т.е. через год после страшной уманской катастрофы. В этом сочинении, заключающем в себе ряд моральных проповедей, находится между прочим масса документальных по истории гайдамацких волнений на Украине. На первых по-

---

[118] Этот последний отрывок молитвы в сущности ничего молитвенного в себе не заключает, а носит исключительно повествовательный характер. Заканчивает он собой молитву только потому, что в еврейском тексте отрывок этот начинается последней буквой еврейского алфавита, и этим, значит заканчивается алфавит в молитве.

рах я даю перевод одного жаргонного письма, принадлежащего перу очевидца движения колиив.

Письмо это написано из города Староконстантинова Кенигсбергскому духовному раввину, рабби Арье-Лейбу. Вот его содержание:

"Собратья мои израильтяне, пребывающие в изгнании! Во имя Бога и ради Израиля прошу передать настоящее письмо раввину, великому светилу, знаменитому ученому, рабби Лейбе из Кенигсберга, а этот последний сделает всем известным горе, постигшее многих. В особенности он сообщит это многим родственникам, которых он знает. Это будет великим благодеянием с вашей стороны. Бог по заслугам воздаст вам.

Воскресенье, 17-е Аба, 1768 г.

Сообщаю вам, дорогой друг мой, о великом несчастьи, постигшем Украину. Вам, вероятно, это уже известно, так как я сам писал об этом в письме моем, посланном вам посредством дубровинских (?) не-евреев. Но я не знаю, попало ли письмо в ваши руки. Теперь же я посылаю вам настоящее письмо через солдат его величества короля прусского[119]. Бунт изменников, известный под именем гайдамаччины, начался в селе Жаботине, где жил рабби Авремель (Авраам), известный вам. В этом селе умерщвлено было 70 человек, в том числе и жена упомянутого Авраама.

Распороли живот, а плод выкинули живым.

Затем опустошительное движение гайдамак распространилось по всей Украине. Кто поверит, что произошло такое необыкновенное происшествие?!

Горе глазам видящим и ушам слышащим это!

В общинах: Тетиеве, Погребище и др. погибли многие тысячи евреев. Многие – о, грехи наши! – изменили вере предков своих. Этих последних принуждали собственными руками зарезать своих жен и детей, что служило искушением и вместе с тем доказательством, что они действительно отреклись от своей религии. Но принося такие жертвы, они все-таки не избегли своей печальной участи:

---

[119] О том, что в Украине находились прусские солдаты, свидетельствуют и другие писатели. Скальковскнй. История новой Сечи. Муравьев. Гайдамаччина.

их тоже гайдамаки умертвили. В общинах: Балте, Умани, Лысянке, Смеле и др. погибло 50 000, а быть может, 60 000 человек (преувеличено конечно). Безчисленное множество людей изменило своему закону; в близлежащих городах больше 2 000 человек нарушили субботу. Мы бежали в субботу и нарушили все почти главные субботние постановления. Мы бежали и потеряли всякие вести один о другом. Мы лишились всего нашего состояния. Стыдно нам сознаться до чего мы дошли: многие умирали от голода и жажды. Несколько тысяч убитых евреев не были даже погребены, а делались добычей свиней и собак. Избави нас, о Господи! От великого горя я не могу писать вам. Я не знаю, как мне прибить к вам. Словом, кто Бога в сердце имеет, тот должен горько рыдать и плакать об этом великом бедствии... Я прошу, я умоляю своих друзей не оставить многих несчастных деток, пока я придумаю что нибудь дать (?). Такой-то. Такой-то".

После этого[120] ко мне пришел один очень почтенный старик (это было перед праздником пятидесятницы 1769 г.) и рассказал мне, что он прибыл сюда из Украины и между прочим рассказал обо всем, случившемся там. По его словам, в Украине находился в это время один старик, благочестивый и знаменитый ученый и как только он узнал о страшных ужасах, происходивших в Жаботине, он предупредил об этом жителей Тетиева. Вместе с тем, он отправил посланных в другие общины предостерегать их об угрожающих бедствиях.

Вместе с тем он сообщил им, что сейчас после резни Хмельницкого порешили тогда польские, литовские и турецкие евреи и обязали всех клятвой под страхом анафемы не селиться больше в Украине (следует на основании Библии доказательство и подверждение сему запрещению). Посему присовокупил тот старец, вам запрещается взять что-нибудь с собою из заклятого имущества. Итак, если вы послушаетесь меня и, убегая, не возьмете с собою своих достатков, вы спасетесь от угрожающего вам несчастья; кто же пожалеет своего имущества, тот погибнет.

---

[120] Это добавляет уже от себя издатель Парадес.

И так этот старец предсказывал, так и сбылось: послушавшие совета старца уцелели, а кто захватил с собою пожитки, даже самые незначительные, умерщвлены были и подверглись самой страшной и мучительной смерти; многие были удушены; некоторые сожжены, а другие заброшены камнями. Все это передал человек, заслуживающий полного доверия.

Джерело: Киевская Старина. – 1895. – №3. – С.91-97.

РІШЕННЯ КИЇВСЬКОЇ ГУБЕРНСЬКОЇ КАНЦЕЛЯРІЇ ПРО ПОКАРАННЯ МАКСИМА ЗАЛІЗНЯКА, СЕМЕНА НЕЖИВОГО, ПАВЛА ТАРАНА, МИКИТИ ШВАЧКИ ТА ІНШИХ УЧАСНИКІВ ГАЙДАМАЦЬКОГО РУХУ

1768 года августа 25, 26 и 27 числ. По указу е. и. в. Киевская губернская канцелярия слушав присланного в оную канцелярию из Государственной коллегии иностранных дел от 24 июля сего года указа, в котором написано, данным де от того ж 24 июля генералу-аншефу, киевскому генералу-губернатору, Новороссийской губернии главному командиру и кавалеру Воейкову высочайшим е. и. в. рескриптом предписаны места, где над присланными из Польской Украины разбойниками и убийцами из запорожцов публичное наказание произведено быть имеет, а в изъяснение и дополнение оного тем указом Киевской губернской канцелярии повелено:

1-е. Тотчас по получении того указа произвесть над помянутыми запорожцами надлежащей суд, которой однако ж весма скоро окончен быть должен.

2-е. В суд положить на мере формальной приговор на основании законов, ибо колодники, будучи взяты с ружьем в руках, противу войск е. и. в. не могут, конечно, оправдатся ни в бунтовщичьем супротивлении воле и оружию е. в., ни в разнообразных в Полше произведенных варварствах, когда они на самом деле пойманы и, следовательно, судимы быть должны яко бунтовщики, нарушители общаго покоя, разбойники и убийцы.

3-е. Когда по сим уважениям вследствие всех на свете законов определена будет смертная казнь, переменить ее при самом исполнении в телесное наказание кнутом, клеймом и вырванием ноздрей, ссылкою в Нерчинск, оковавши на месте в кандалы.

4-е. Самое наказание, которое однако ж по частной каждого вине размерено быть должно, как при слободе Балте на самой здешней границе, так и в Сече Запорожской или в близости ея произвесть публично и со всеми в таковых случаях употребительными обрядами.

5-е. Во время следствия и суда старатся выведать прямое начало заговора поименных в Польше запорожцев, а особливо кто из

них подговорщик был, сам или же все от других наушены были? С ведома ли кошевого атамана и войсковой старшины отлучились они в Польшу? С каким намерением зделали нападение на слободу Балту? И что, кем, где учинено? Наблюдая толко, чтоб за сим время нужной казни для успокоения внешних соседей потеряно не было и о всех оных обстоятельствах Киевской губернской канцелярии доносить в свое время оной коллегии для всеподданнейшего е. и. в. представления, а в вышеобявленном, данном генералу-аншефу, киевскому генералу-губернатору и кавалеру Воейкову от 24 июля сего ж году за подписанием собственныя е. и. в. руки высочайшем рескрипте написано: е. и. в. известно чрез доношения пребывающаго в Полше чрезвычайного и полномочного посла князя Репнина, что пойманныя в Полской Украине запорожцы отосланы в Киев. А как произведенныя ими в Полской Украине злодейства, а особливо разграбление напоследок татарской слободы Балты требуют справедливого и достойного наказания, то ему, генералу и генералу-губернатору и кавалеру Воейкову, поступить с ними в разсуждении оного по точной силе посланного из Государственной коллегии иностранных дел в Киевскую губернскую канцелярию указа; но чтоб сие самое наказание зделать при настоящих обстоятельствах сугубо полезным, то есть больше видимым и удовлетворительным для Порты Оттоманской и хана крымского, кой разорением слободы Балты и побитием там людей не могут быть не огорчены и больше опять страшным для самых запорожцов в Сече, кои может быть небезизвестны были о заговоре товарыщей своих, повелевает е. и. в. ему, генералу и генералу-губернатору, толпу присланных из Полши разбойников разделить на две части, из которых одну отвесть вблизость разоренной слободы Балты, не переступая однако ж границы российской, и велеть там у оной произвесть над ними определенное наказание, списавшись наперед с началником той слободы известным Якубом о дне и месте экзекуции и дав ему знать, что как учиненной в Балте разбой весма раздражил е. и. в. двор, то и повелено преступников наказать и жесточайшею казнию, которая в империи е. и. в. употребителна с величайшими только преступниками, а другую часть винных наказать в самой Сече или, по крайней мере, естли он, генерал и генерал-губернатор, за неудо-

бно признает, в такой от Сечи близости, чтоб хотя некоторые казаки самовидцами быть, а протчия о учиненной им казни скоро и лехко сведать могли. А по справке присланы в Киев из нижепоказанных мест оказавшияся в чинимых в Полской Украине грабителствах и смертных убивствах запорожцы и других званей люди, а именно: при репорте от находящагося в Польше Каргаполского карабинерного полку полковника Гурьева главной всех бывших в Полской Украине разбойников началник из запорожцев, называвшейся полковником, Максим Железняк и ево шайки атаман Павел Таран с товарищи – семдесят один человек, причем приложен учиненной ему, Железняку, при том Каргопольском карабинерном полку допрос из Кременчука, от правящаго там за обер-коменданта брегадира Черткова, при репорте из запорожцов же атаман Семен Неживой с товарыщи – четыре человека, от находящагося в Полше генерала-майора и кавалера Подгоричани при репорте из запорожцов же атаман Павел Яцкович с товарыщи – тритцать восемь человек да дьячок Семен Чеповской, из Полши ж Московского карабинерного полку от полковника Протасова при репорте из запорожцов атаман Никита Швачка с товарыщи – восемь человек, малороссийского Переясловского полку из гродского суда при доношении поиманные в Полше Троицкого пехотного полку капитаном Великополским запорожцы Яков Половый с товарыщи – семь человек, из Киевского магистрата при доношении малороссияна Василей Пастух с товарыщи – пять человек, от вышеупомянаемого Московского карабинерного полку полковника Протасова вторично присланы при репорте запорожцы ж Сидор Головатой с товарыщи – девять человек, из Киевского Межигорского монастыря при двух доношениях ведомства оного Межигорского монастыря подданные Василей Загинайло с товарыщи – 5 человек, от находящагося при Василковском форпосте Киевского гарнизона секунд-маиора Воейкова при репорте из запорожцов Остап Байда с товарыщи – три человека, прислано к генералу-аншефу и генералу-губернатору Воейкову с письмом от бывших в Полше разбойнических атаманов Швачки и Журбы находившиеся в их шайке запорожцы – два человека и с Полши ж, от генерала-маиора Кречетникова, при репорте из запорожцов атаман Остап Лепеха с товарыщи – семдесят чело-

век, итого: всех двести двадцать три человека, как допросами показали, а именно:

Главный оных разбойников началник Максим Железняк при Каргаполском карабинерном полку: родился де он в полском местечке Медведовке, из мужиков, где и жителством находился, а потом, пошед в Запорожскую Сечь, был там казаком лет с пятнадцать, а из Сечи Запорожской пришел в ноябре месяце 1767 году в состоящей в Полше Матренинской монастырь на послушание. Сего ж 1768 году в апреле месяце, а которого числа, не упомнит, толко ведает, что на святой неделе, согласясь он с семьюдесят человеки беглыми запорожскими казаками для искоренения в Полше конфедератов поляков, также и жидов, пошел из того монастыря на местечко Жаботин, под которым разбили конфедератов пятьдесят человек, ис коих заколото человек до сорока, а потом пошли далее по тракту к местечку Умани, где из разных мест собралось людей с ружьями человек до тысячи, указу ж ниже повеления о том никакова ниоткуда он, Железняк, не имел, а единственно на то согласился одним своим своевольством для истребления поляков и жидов и для грабежа, к местечку ж Умани пришед он, Железняк, остановился в половину дня, а к вечеру того ж дни из местечка Умани сотник Иван Гонта (который прежде из оного местечка с казаками, уведомясь об нем, Железняке, с товарищи недель за шесть вышел было навстречу с полковниками Обухом, а другова как звать, не знает, толко ево, Железняка, они не нашли). Прибыв к нему, Железняк объявил, что он имеет казаков до четырехсот, и так с обеих сторон согласясь с ним, Железняком, в то местечко Умань сильно вошли по наступлении уже другого дни поутру, часу в третьем, а более с ним согласников из старшин никто не был и сотника Гонту и команды ево никого насильно к себе в согласие он, Железняк, не призывал. А хотя при входе в местечко Умань запершиеся в оном из одной пушки и мелкого ружья по них и стреляли, однако ему, Железняку, и всей его шайке более урону не последовало, кроме одного человека, бывших в Умани поляков и жидов, также и тех, кои во услужении у конфедератов были веры греческого исповедания, он, Железняк, с товарыщи покололи немалое число, а сколко, заподлинно знать не может, однако думает всех мужеска и женска

полу и до сущих младенцев не менее двух тысяч человек, причем пограблено денег тысяча сто рублев, а протчих пожитков сколко было, знать не может, потому что всякой казак брал себе, где сколко кто мог захватить. Из тех пограбленных денег помянутому сотнику Гонте дал сто червонных и шестьсот рублев серебреною манетою и трое часов, а между показанным побитым народом он, Железняк, знает толко, что губернатор с женою убит, о прочих же ведать не может. А при оной де собравшейся шайке почитаем был он, Железняк, полковником, в которое звание он теми запорожскими казаками, с которыми было у него согласие к убивству и грабителству, выбран еще при выступлении ево, Железняка, из Матренинского монастыря. Что по прибытии ево к местечку Умани он, Железняк, сам никуда для убивства и грабителства не ездил, а посылал в разные места из бывших при нем казаков, которые к нему приваживали денег рубли по два и по пяти, а ис пожитков не приваживали и ему о том не обявляли, да и то по болшой части посыланы были ис каманды сотника Гонты, толко оной Гонта сам не ездил. А из местечка Умани он, Железняк, и сотник Гонта с товарыщи на то место, на котором он с протчими взят под караул, вышли потому, что от великого множества побитого народа не можно было в Умане жить, а в сем местечке оставлен был при сотнике Власенке толко один караул, которой, как скоро уведомился о прибытии туда российского войска, бежал, а куда, не знает. К турецкой границе и за оную он, Железняк, не ездил и из команды своей никого не посылал, а толко посылал при сотнике Шиле запорожских казаков пятьдесят человек до села Хощеватого, состоящего от местечка Умани в четырех милях, которые, возвратясь, обявили ему, что они были на турецкой границе в слободе Балте, далее ж они были ль и какое там убивство или грабителство учинили ль и было ль против их с турецкой стороны супротивление, не знает.

А в Киевской губернской канцелярии оной Железняк в дополнение вышеписанного допросами показал же: по взятии им, Железняком, оного местечка Умани прислан был к нему, Железняку, из помянутой татарской слободы Балты, от тамошняго татарского начальника (а как ево зовут и какого чина, не знает), турчин с письмом, которым требовано, чтоб он, Железняк, находящихся в Умане

турецких купцов от своеволцов защитил, и как от него, Железняка, и бывших с ним казаков оные купцы ничем не были тронуты, то он о том толко чрез бывшаго при нем запорожского казака Фому Дурного к оному балтянскому начальнику и ответствовал, а кроме того, ни к кому из турецких и татарских начальников писем он, Железняк, не посылал, також никаких партий для нападения или разорения турецких и татарских селеней от него отправляемо не было. Из Сечи Запорожской пошел он, Железняк, в Полшу без ведома кошевого атамана и протчих старшин и был на послушании в Онуфриевском монастыре по великой пост, а на второй неделе того великого поста пришел в Матренинской монастырь и был там на послушании ж, но за неделю пред пасхою пришли к нему, в оной Матренинской монастырь, семь человек казаков запорожцов же и говорили, чтоб итти в Полшу для прогнания конфедератов и жидов и для грабежа их, показывая ему, Железняку, данное им для того письмо якобы от кошеваго атамана, которое будто дано было из них бывшему при том с ними атаманом Юску Шелесту, которой, будучи при том же монастыре из них с одним казаком побранясь, застрелен, и после того начальным он, Железняк, выбран, а письмо то где после того убитого девалось, не знает. А потом собралось там к ним запорожских казаков человек до семидесят, а из казаков и мужиков полских – до трехсот и оттуда, отпев прежде в монастыре чрез одного иеромонаха, а как зовут, не знает, о успехах своих молебен, пошли для исполнения того намерения далее, а потом, приставши к ним уже многое число из запорожцев и польских казаков, убивали и грабили поляков и жидов в тех местах, кои в учиненном ему в Польше, при Каргаполском карабинерном полку, допросе показаны, а до татарских слобод Голты и Балты посылал он, Железняк, из уманских козаков согласившихся с ним в общество сперва сто, а потом еще пятьдесят человек с четырьмя пушками, взятыми в Умани с намерением таким, что слышно было якобы конфедератов в полском местечке Полеевом Озере находится до пятисот человек, то для искоренения их, а не для какого убивства и грабежа турецких подданных и, возвратись из тех казаков оттуда к нему, Железняку, сказывали ему, что зашли и в Балту, где убили из турок и татар человек до пятнацати, а что было там – пограбили, то

опять все, не взяв ничего, назад возвратили для того, что из полских конфедератов там никого не нашли и расписку в том от тамошнего гетьмана обещано было дать; но за скорым отступлением всех оттуда казаков они расписки взять не успели, о чем де ему, Железняку, сказывал из бывших там посыланной от него к той отправленной партии с приказом, чтоб и в турецкие границы нападеней никаких не чинили, из запорожских казаков Фома Дурной; и истребя всех поляков и жидов, кого б где найти могли и сколко б случаи дозволил, намерение имел он, Железняк, с товарыщи и с вступившими с ними в согласие полскими казаками возвратиться всем по-прежнему в Сечь Запорожскую, а указа он, Железняк, о таковом своем поступке ниоткуда никакова не имел, но вменял толко за указ прежде упомянутое принесенное названное якобы от кошевого атамана, данное казаком Юском Шелестом, письмо и так к себе в товарищество бывших с ним протчих запорожцев и полских людей словесно склонял и при разграблении оного города Умани взял он, Железняк, находившиеся в тамошнем уманском замке одну пару медных литавр и один барабан медной же, а в тамошнем уманском костеле взял же знамя военных и две хоругвы церковных полских да по разграблении Умани по приказу бывшаго с ним, Железняком, уманского сотника Гонты из полского местечка Торговицы тамашним хоружим, которого имени и прозвания не знает, привезены к нему, Железняку, под Умань в табор пару литвар медных же и одно знамя военное да еще посыланными от него, Железняка, партиями привезено к нему из разных полских мест церковных и военных знамен, а сколко числом, не ведает, толко помнит, что всех оных знамен было до пятнатцати, да бывшего в татарской слободе Балте из посланных туда полских уманских казаков партиею привезено к нему же, Железняку, употребляемой в Войске Запорожском войсковой знак, называемой пернач, деланной из железа, а где оной пернач теми казаками взят, о том ему, Железняку, оные казаки не обявляли. Из коих знамен при посылке куда-либо для добычи партии, которая состояла до ста человек и более, даваны были по одному знамю каждой партии, а протчие знамена, литавры, барабан и пернач находились в главном ево, Же-

лезняка, при Умане таборе, что все при взяте ево, Железняка, забрано российских войск командою.

А что в вышепрописанном первом учиненном ему в Полше при Каргополском карабинерном полку допросе показал он, Железняк, якобы он из-под полского города Умани посылал до села Хощеватого пятьдесят человек запорожских казаков, а в Киевской губернской канцелярии показал же, что посылал туда из согласившихся с ним полских уманских казаков сперва сто, а потом пятьдесят человек, кои и в татарских слободах Балте и Голте были, то на оном учиненном в Киевской губернской ка[нцелярии] показании он, Железняк, и утверждается и оное де показание учинено им, Железняком, потому, что все приставшие к нему в Полше и полские казаки назывались запорожцами. Из имевшихся же у него, Железняка, двух перначей один, как вышепоказано, привезен к нему, Железняку, под Умань бывшими в татарских слободах Балте и Голте полскими казаками, а другой, о котором он в оном прежде учиненном ему допросе показать запомятовал, привезен к нему полскими ж казаками из полского местечка Смелого, а где ими те перначи взяты, он, Железняк, не знает. Что же он, Железняк, с бывшими с ним в собрании при Матренинском монастыре запорожскими и полскими казаками имел намерение искоренять поляков и жидов, о том того Матренинского монастыря наместник и протчия монахи ведали потому, что он, Железняк, обявлял им, что он будет искоренять поляков и жидов, и в том во всем оные, наместник и монахи, согласны были, а как оных наместника и монахов звать, не знает, игумена ж помянутого Матренинсково монастыря тогда в том монастыре не было, ибо находился, как слышно было, в Переясловле. Пограбленных же им, Железняком, с товарыщи у разных полских жителей серебра денег и вещей было следующее число, а именно: полмешка ломаного серебра, которое куплено у него маркитантером коего имени и прозвания, не упомнит, за сто за семдесят рублев (а оной де маркитантер был подсылан для покупки того серебра от находившегося при донской команде порутчика Кологриевого), золотая табакерка в полтора фунта, два седлы, окованные серебром, вызолоченые и ройдик серебреной, вызолоченой, а у него, Железняка, была сабля

под серебреною оправою, вызолоченая, пара пистолет в серебреной же оправе под черню, каждой пистолет был с двумя стволами, а другая пара пистолет турецкого дела под серебром вызолоченые да у бывших с ним, Железняком, казаков было под серебреною оправою как сабель, так пистолет и ружьев многое число, а сколько именно, он, Железняк, упомнить не может, также российской серебреной монеты семьсот рублев да за вышепоказанное проданное серебро сто семьдесят рублев, а у бывших при нем, Железняке, казаков, коих счисляет он до четырехсот человек, было поделенных им, Железняком, денег у каждого по сту и более рублев и разного хорошого платья, лисьих и волчьих шуб, покрытых сукном, и лошадей было ж множественное число, из которых лошадей немало было и таких, которые стоили по сороку и по пятидесят рублев да пояс плетеной из серебра с золотыми кистьми в семьдесят рублев, разных сортов сукна было штук до пятидесят, полотна тонкого, рубах, скатертей, салфеток, утиралников и протчого белья было множественное ж число, что все отобрано у него, Железняка, и у находившихся с ним казаков бывшим при поимке их вышеозначенного Каргаполского карабинерного полку моиором, которого имяни и прозвания не знает, також вышепоказанным порутчиком Кологривовым и бывшею тогда при нем, Кологривове, донскою командою. Оной же Кологривов взял у него, Железняка, ординарных червонных восемдесят да у казака Павла Тарана серебреной монеты более тысячи рублев и несколько медных денег.

А по допросам протчих, находившихся с ним, Железняком, и бывших в других таковых же разбойнических шайках, названных теми ж разбойниками, атаманов и товарыщей их запорожцев оказалось, что по разсеянному упоминаемым главным разбойническим началником Железняком слуху якобы по указу велено ему искоренять поляков и жидов для недопущения к раззорению находящихся в Полше греческого исповедания монастырей и церквей и живущих там греческого ж исповедования людей, отлучась они из дач Запорожской Сечи и от рыболовных заводов без ведома кошевого атамана и войсковой старшины, прошли чрез границу в Полшу тайно недозволенными местами и, пришед к оному Железняку, по тако-

вым же чинимым им от самого ево, Железняка, внушениям о повелении якобы ему указом искоренять поляков и жидов, приставали к нему в сообщество, некоторые еще при Матренинском монастыре и были с ним в полском местечке Умани и в протчих местах. Следуя к тому местечку Умани и чинили грабителства и смертные убивства, протчие ж до разграбления Умани, отделясь от него, Железняка, особыми шайками, потому не чинили в разных местах грабителства и смертные убивства, а некоторые, пришед к нему, Железняку, по разграблении уже Умани и не быв нигде на грабителствах и убивствах, российских войск командами, иные ж бывшими в разъездах такими ж российских войск командами взяты, а протчие сами к командам явились и потому ж взяты под караул.

Вышеобъявленной же бывшей атаман разбойнической шайки Семен Неживой винился, что он с бывшими с ним запорожцами и приставшими к нему в сообщество полскими подданными зажег в полском местечке Канев один дом и от того выгорел весь Каневский замок и учинил там смертные убивства, а в протчих полских местах – грабителства.

Из оных же разбойников атаман Швачка показал, что пограблено им и бывшими с ним разбойниками у разных полских жителей серебра, вещей и денег, а именно: серебреную чарку – одну, серебреных рондиков – два, а третей рондик золотой ли или вызолочен, он, Швачка, не знает, три сабли под серебреною оправою, блюд и тарелок оловянных было полвоза, а числа оным и весу знать не может, несколько хорошего платья и протчих пожитков, серебреной рублевой монеты в двух выделанных козлинах и в четырех мешках холшевых да в четырех черезах, которых было по примеру до получетверти, а сколько числом, не знает; також медной российской манеты два мешка осьминных да данных им, Швачкою, бывшим при нем казакам сто рублев, что все у него, Швачки, и у бывших с ним ево товарыщей отобрано Московского карабинерного полку полковником Протасовым та тридцать червонных отобрано у него ж, Швачки, того ж полку подполковником, в том числе империял один и полуимпериалов два да з бывшаго с ним, Швачкою, казака Никиты Даниленка тем же подполковником взято три червонных и дватцать рублев.

А о прямом начале заговора оных пойманных в Полше запорожцов, кто из них подговорщик был и с каким намерением учинено нападение на татарскую слободу Балту, о том (кроме вышеписанного Железняка показания) все по допросам показали, что не знают.

Вышеобявленные ж полковники Каргополского – Гурьев, Московского – Протасов и генерал-майоры Кречетников и Подгоричани, Киевского гарнизона секунд-маиор Воейков между протчим репортами, також из гродского Переясловского суда, из Киевского магистрата и из Киевского ж Межигирского монастыря доношениями представляют, а имянно:

Гурьев: что приближась он, Гурьев, с Каргаполским полком к полскому местечку Умани, стоявших в поле вооруженных разделившихся в три части оных разбойников окружа их с трех сторон, посылал к ним от себя офицера с шестью донскими казаками со увещанием, чтоб они от злодейства воздержались и возвратились в свои места, но они, не приняв того увещания, не допустя до себя того афицера, стреляли по нем из ружей и ранили двух казаков, после чего по учинении на них стремительной атаки, брося они ружья и оставя имевшияся при них пушки, здались.

Протасов: как скоро он к полскому селу Блощинцам с командою стал подъезжать, то от собравшихся там запорожцев близ оного села стоявшие на отъезжем карауле два человека тотчас бросились в то село и, уведомя о том бывших на одном большом дворе запорожцев, кои, сев на лошадей и вооружась, выскакивали из того двора, производя из ружей на карабинер стрелбу, но вреда людям не причинили, а ранили толко две лошади. По таком оных супротивлению полковник Протасов на них ударил и привел в замешательство, всех с имевшимися при них четырью знамями, с двумя медными и одною чугунною пушками и с пятью железными гаковницами взял, причем их атаман Журба и до тритцати человек казаков на месте побиты. А того ж де Московского карабинерного полку подполковник Брынк к нему, полковнику Протасову, репортовал, что во время марша, не доезжая местечка Богуславля верст за десять, другой партии атаман Шевченка с шестьюдесят восьмью человеки и з двумя знамями взят и допросом показал, что он с пока-

занным Неживым посланы от помянутого Максима Железняка по всей Полской Украине для истребления поляков и жидов, коих ими многое число в разных местечках и селах и истреблено. Тот же де подполковник Брынк под местечком Пятигорами, в лесу, одну гайдамацкую шайку наехав, которая супротивлятся стала, на оную ударил и на месте до тритцати положил, некоторых поймал, достальные ж разбежались.

Генерал-маиор Подгоричани: посыланными де от него разъездными командами приведено к нему шатающихся тамо поиманных в три раза запорожцов 38 человек да один дьячок, который де сперва конфедератом был, а после того между гайдамаками сотником себя называл, ис коих первые показанные в присланном от него реестре 3 человека и дьячок многие тамо грабителства и смертныя убивства причинили, другие дватцать три человека сами находившемуся у разъезда афицеру явились и от них еще тем афицером спрашивано, тамошним обывателям никакого грабителства и смертного убивства не зделано, да и без того де их недавнее прибытие туда можно видеть, что при взятье их, кроме запорожского ружья и копей, ничего из пограбленного при них не было и шатались пешие; но последние де двенатцать человек так же, как и первые, винились в смертном убивстве и грабителстве.

Генерал-майор Кречетников: в числе де присланных от него запорожцев находятся раненых пять человек, которые подлежать пред другими жесточайшему наказанию, понеже оные отважились против гусар вооруженною рукою и двух человек убили, а трех – ранили. И по приложенному при том ево, генерал-майора Кречетникова, репорте списку показаны ранеными Конон Лагода, Семен Пукоменной, Степан Слива, Максим Таран и Афанасей Черенко.

В рапорте находящегося при Василковском фарпосте киевского гарнизона секунд-майора Воейкова, что присланные от него при том репорте пришедшие к оному фарпосту три запорожца Остап Байда, Тарас Малый и Антон Федченко сперва обявили, что якобы шли в Киев для богомолья, а потом винились, что были они в Полше на разбое и грабителстве.

В двух доношениях Киевского Межигорского монастыря, а именно:

в 1-м: июля де 27 дня сего году полского села Казарович откупщица Ефимья Иванова писменно в оной монастырь дала знать, что того ж июля против 5 числа ночью не знаемо какие люди, нашедши во многом числе на состоящей в оном селе Казаровичах ее дом, все ее имение без остатку разграбили. Из числа де которых разбойников пойманные в Полше на воровстве того ж июля в средних числех запорожцы Илья, Григорей да Влас в полском местечке Чернобыле показали, что при том грабителстве были и болшою частию из того ее имения поразбирали ведомства Киевского Межигорского монастыря села Новых Петровец жители Василей Загинайло да Иван Коваленко. И требовала де оная откупщица от того Межигорского монастиря удоволствия, и тем доношением оной Межигорской монастыр подставлял, что хотя оной Загинайло в том воровстве и винился, но оной де претензии взыскать с него не из чего, потому что не толко никаких пожитков, но и избы у себя не имеет. Вышеобявленного ж де бывшаго при том грабителстве села Петровец жителя Ивана Коваленка в доме ево не сыскано, а отлучился якобы для зажону хлеба.

в 2-м: полского де села Гостомля губернатор Антон Верешниовской в оной Межигорской монастырь писменно дал знать, что в том же июле месяце, напав на оное село Гостомлю, семнатцать человек не знаемо каких людей хотели ограбить оное село Гостомлю, но собравшиеся де люди к тому их не допустили. В числе де которых были ведомства оного Киево-Межигорского монастыря нижепоказанных мест жители, а именно: хутора Горенки – Михайло Коваленко, Василий Никитенко, Мощунского хутора – Степан Стрелченко, Григорей Даниленко, села Новых Петровец – Клим Дранник, Федор Левченко и Данило Бондаренко. Из которых де Михайло Коваленко, Василий Никитенко и Григорей Даниленко показали, что они в то время, то есть того ж июля 17 дня, находились в домах своих, а за границею нигде ни с кем не были, и вышепоказанные де того Межигорского монастыря подданные Клим Дранник, Федор Левченко и Данила Бондаренко пред тем еще отлучились якобы для зажону хлеба.

В доношении из Киевского магистрата: того ж де июля 27, в девятом часу по полудни, магистратским обходом взят с пятью ру-

жями не знаемо какой человек, называющейся Василем, по прозванию Пастух, и обявил, что оныя ружья даны ему не знаемо каким человеком, называющимся Кондратом, для продажи. А сысканные де по показанию оного Пастуха малороссияне Зиновей Гупало с товарищи – четыре человека – в оном же магистрате показали, что подговорены они запорожским казаком Ильею, а прозвания ево не знают, итти за границу, в Полшу, к находящимся там запорожским же казакам для грабителства и потому де, купив в Киеве ружья, были в полском местечке Гостомле партиею в пятнадцати человеках, где из них один убит, а два взяты, протчие ж де, в том числе и они, оттуда бежав, находились сперва в Межигорском бору, а потом, как харчей не стало, то для покупки оных пришли в Киев, где и под караул взяты.

А в уложенье напечатано: 2 главы в 21-м пункте, кто учнет к царскому величеству или на его государевых бояр и окольничих, и думных, и ближних людей и в городех, и в полкех на воевод и приказных людей или на кого-нибудь приходити скопом и заговором и учнут кого грабити или побивати, и тех людей, кто так учинит, за то казнити смертию без всякой пощады. В воинском артикуле 17 главы, в артикулах в 133-м все непристойные подозрителные сходбища и собрания воинских людей, хотя для советов каких-нибудь (хотя и не для зла) или для челобитья, чтоб общую челобитную писать, чрез что возмущение или бунт может сочинится, чрез сей артикул имеет быть весьма запрещены; ежели из рядових кто в сем деле преступит, то зачинщиков без всякого милосердия, несмотря на тое, хотя они к тому какую и притчину имели или нет, повесить, а с остальными поступать, как о беглецах упомянуто, а ежели какая кому нужда бить челом, то позволяется каждому о себе и своих обидах бить челом, а не обще; в 135-м – никто б ниже словом или делом, или письмами сам собою или чрез других к бунту и возмущению или ино что учинить причины не давал, ис чего бы мог бунт произойти, ежели кто против сего поступит, оный по розыску дела живота лишится или на теле наказан будет; в 136-м – таким же образом имеют быть наказаны и те, которые такия слова слышали или таковыя письма читали, в которых о бунте и возмущении упомянуто, а в надлежащем месте

или афицером своим вскоре не донесли; в 137-м – всякой бунт и возмущение и упрямство без всякой милости имеет быть висилицею наказано. В толковании: в возмущении надлежит винных на месте и в деле самом наказать и умертвить, а особливо ежели опасность в медлении есть, дабы чрез то другим страх подать и оных от таких непристойностей удержать (пока не разширится) и более б не умножалось; 19 главы в артикулах в 154-м, кто кого волею и нарочно, без нужды и без смертного страху, умертвит или убъет его тако, что от того умрет, оного кров паки отметить и без всякой милости оному голову отсечь; в 155-м – власно яко убийца сам, тако и протчие имеют быть наказаны, которые подлинно к смертному убивству вспомогали или советом, или делом вступались; в 160-м – ежели кто кому прикажет кого смертно убить, оный також, яко убийтца, сам имеет казнен быть смертию, а имянно голову ему отсечь; в 161-м – ежели кто для прибыли или в надежде к какой прибыли договорится, наймется или дасть себя подкупить, или готова себя учинит, кого убить смертно, тогда оный купно с тем, кто его нанял, подкупил или упросил, колесом разломан и тела их на колеса положены быть имеют. В толковании: сие наказание имеет свое исполнение, хотя обещанная кому прибыль вскоре отдана или впред еще имеет быть заплачена или хотя точию едина надежда к прибыли учинена и обещание в том дано было; 21 главы в артикулах в 178-м: кто из афицеров или рядовых самоволством и нарочно, без указу, в маршу город, село и деревню или церкви, школы, шпитали и мелницы зазжет, печи или некоторые дворы сломает, також крестьянскую рухлядь и прочее, что потратит, оной купно с теми, которые помогали, яко зажигатель и преступитель уложенья, смертию имеет быть казнен и созжен; в 182-м – никто бы ниже офицер, рейтар или салдат не дерзал никакого б человека его величества подданого или нет грабить и насилить, или что у него силою отнимать, хотя на улице, в походе чрез землю или в обозе, городах, крепостях и деревнях не точию в своей союзничей или нейтралной землях, но и в неприятелской, також контрибуцей скота и протчаго без указу какова б имяни ни было брать не должен ни под каким видом, также и строение всякое и огороды ломать, портить да не дерзает

под смертным наказанием (или на теле, ежели зело малое преступление) и лишением всего, ибо может от грабителства войско без прокормления быть, а от ломания строения квартир лишится и от холоду исчезать, от чего можеть войско разорено быть и вред всему государству причинится. В 185-м – кто людей на пути и улицах вооруженною рукою нападет и оных силою ограбит или побьет, поранит и умертвит или ночью с оружием в дом ворвется, пограбит, побьет, поранит или умертвит, оного купно с теми, которые при нем были и помогали, колесовать и на колесо тела их потом положить. Да по состоявшимся указом велено: по 1-м из Правителствующаго Сената от 12 ноября 1721 – разбойникам и татям чинит экзекуции: разбойникам – за один и за два разбоя, ежели смертного убивства не чинил, по розыску учиня наказание и вырезав ноздри, ссылать на каторгу в вечную работу, а ежели хотя и на одном разбое кто был, а учинил смертное убивство, и таких казнить смертию, а за три разбоя, хотя и смертного убивства не учинил – казнить смертию ж; по 2-му от 8 марта 1723 – понеже ведомо Правителствующему Сенату учинилось, что из многих уездов многие крестьяня, собравшись с женами и с детьми и с пожитки, бегут в Полшу и за другие границы, того ради во всех пограничных городах, по рубежам в пристойных местах учинить крепкие заставы и на тех заставах таких беглецов велеть ловить и распрашивать, которых они уездов, сел и деревень и чьи крестьяне, и кто их за рубеж подговаривал и по тем их распросам тем беглецам учиня наказание, бив кнутом, отсылать в те правинции, из которых они бежали, а буде из тех беглецов явятся подговорщики, теми разыскивать, и которые по розыску явятся винны, тем учиня жестокое наказание, ссылать в вечную работу на каторгу, а ежели на тех заставах явятся малороссийские жители, и тех ловить же и, спрашивая, отсылать по тому ж в те места, откуда они бежали без наказания; по 3-му от 20 ноября 1728 – проводчиков, которые беглых людей и крестьян, подговоря, поведут за рубеж, потом те подговорщики пойманы или по доносу обличены будуть и которые ж, подговоря, поведут за рубеж же, а не доходя рубежа, пойманы будут, то всех по розыскам, равно как и проводцов, казнить смертию – вешать на тех местах, где они их проводить были

намерены, для того, что они к тому точное имели намерение и ежели б были не пойманы, то б те подговореные люди ими за рубеж были проведены; а которые люди к побегу имели намерение и для проводу за рубеж нанимали кого, а прежде побегу о том на них от кого донесено или уведено будет, тем равно как беглым так, которые обещались их провесть, по розыскам буде покажут, что прежде проводов не чинивали, чинить наказание: бить кнутом и отдавать на прежнее жилище; по 4-му от 10 числа февраля 1763 годов по 2-му пункту – когда приводимые воры или разбойники, становщики или пристанодержатели с первых своих допросов или с очных ставок во всем на них показуемом покажут справедливо, то таковым, не чиня не толко пыток, ниже пристрастных распросов, решить дело по законам.

Приказали: по силе вышепрописанных высочайшего е. и. в. рескрипта, також уложенных пунктов воинских артикулов и указов учинить следующее:

1-е. Как из произведенного в Киевской губернской канцелярии следствия явно оказалось, что упоминаемой из запорожцев Максим Железняк ложным своим предъявлением якобы ему по указу велено состоящие в Полше греческого исповедания монастыри, церкви и живущих там греческого ж исповедания людей защищать, а поляков и жидов искоренять, привлекши к себе в сообщество толь немалую толпу из запорожцов и из полских обывателей, поступил на такое мерское и богопротивное предприятие произведением в соседственной Полской области между подданными оной возмущения и бунта, а потом, соединясь с оными, не толко в разных Полской Украины городах, местечках и селах, но и в соседственной блистателной Оттоманской Порте принадлежащей земле на слободы Балту и Голту напав, безчеловечные грабителства и смертные убивства делал, во время окружения его и всей оного шайки войсками е. и. в. и увещанию к здаче вооруженною рукою противился, самоволно полковником назывался и, одним словом, всему злу был главным зачинщиком, предводителем и исполнителем, то в разсуждении всех вышереченных толь тяжчайших преступлений, наипаче же за продерзость на земли блистателной Порты яко Российской империи найдружественнейшей державы, с которою она действи-

телно намерена в добром соседстве и согласии непременно пребывать по точной силе счастливо настоящих между обоими империями вечно мирных трактатов, в удовлетворение обиженным ея подданым, его, Железняка, яко главного нарушителя пограничной тишины, колесовать и живова положить на колесо, но вместо того, отменя оное, в ныне употребляемое самонайважнейшим преступником наказание бить кнутом – дать сто пятьдесят ударов и, вырезав ему ноздри и поставя на лбу и на щеках указные знаки, сослать в Нерчинск в каторжную работу вечно.

2-е. Бывшим с ним, Железняком, вместе в сообществе разбойникам, а имянно: называвшемуся атаманом Павлу Тарану, также Давиду Вербенку, Макару Черному, Степану Саганаку, Ивану Белому, Фоме Дурному, Федору Волошину, Андрею Голубенку, Михайле Белоусу, Федору Колбасе, Нестеру Литвиниченку за учиненныя ими грабителства и смертныя убивства, в коих они при следствии и винились, и за самоволную их, без ведома команд своих, отлучку, и за тайной проход чрез границу – в Полшу – отсечь головы, а вместо того бить их кнутом – дать по семидесят ударов каждому и, вырезав ноздри и поставя указные знаки, сослать в Нерчинск в каторжную работу вечно.

3-е. Той же железняковой шайки разбойникам Емельяну Чубу, Филипу Безрукавому, Ивану Байрацкому, Фоме Скуру, которые хотя при следствии в грабителстве и смертном убивстве не винились, показывая, что из них Емельян Чуб во время грабителства и смертного убивства в полском местечке Умани был приставлен там же, в Умане, для недопущения к убивству желающих принять греческого исповедания веру поляков и жидов. Филип Безрукавый и Иван Байрацкой якобы находилис в тож время за Уманью, при обозе оных разбойников, для пастбы лошедей, а Фома Сукур якобы прибыл в Умань по разграблении уже на другой день, но в получении на часть их ис пограбленных денег и пожитков винились и за то, также и за самоволную их без ведома команд своих отлучку и за тайной проход за границу – в Полшу – отсечь головы, а вместо того бить кнутом – дать по семидесят ударов каждому и, вырезав ноздри и поставя указные знаки, сослать в Нерчинск в каторжную работу вечно.

4-е. Хотя находившейся при состоящем в Полше Матронинском монастыре на послушании и самопроизволно приставшей в шайку к частореченному Железняку крещеной из казанских татар Моисей Павлов в грабителстве и в смертном убивстве не винился, показывая, что пристав к Железняку еще при Матронинском монастыре, где бежал от переясловского архиерея, был на послушании и, пришед вместе с Железняком к полскому местечку Умани; оставлен был с протчими запорожцами в поле для пастбы лошадей и в Умани во время грабителства и смертного убивства не был; так же и запорожец Кирила Буговый, которой, как по показанию ево явствует, пристал к Железняку еще при Матренинском же монастыре и, следуя к местечку Умани, в дороге заболел и по прибытии к Умани лежал болен в обозе, и за тем грабителства и смертного убивства не чинил, но как со обществом своим с ним, Железняком, при самом начале принятия им, Железняком, к тому зловредного умыслу явно уже оказали, и они, Павлов и Буговый, жадность свою к корысти, в чаяний оную получить грабителством, но не произвели оного действом, как видно по одному толко тому, что Павлов оставлен был разбойниками при их лошедях в поле, следовательно, Павлов и в действие при том был употреблен, а Буговый за болезнию ни в каком действии не был, то во уважении того из них Павлову отсечь голову, а вместо того бить кнутом, однако, против других, действительно учинивших грабителство и смертное убивство, уменшить наказание, то есть дать пятьдесят ударов и, вырезав ноздри и поставя указные знаки, сослать в Нерчинск в каторжную работу вечно, а Бугового, который как вышепоказано, за болезнию не был ни в каком действии, однако, за сообщество с разбойническою шайкою, також за самоволную, без ведома своей команды, отлучку и за тайной проход чрез границу – в Полшу – повесить, а вместо того бить кнутом, дать пятдесят ударов и по тому ж сослать в Нерчинск в каторжную работу вечно.

5-е. Той же железняковой шайки разбойников Власа Лаевского, Семена Тарасенка, Андрея Майданника, Степана Яковича, Михайла Моторного, Каленика Медведевского, Кондрата Верховойта, Якова Щербатенка, Ивана Зеленского, Леонтья Грыву, Ивана Лысого, Петра Бандурку, Андрея Белого, Павла Столпового,

Лукьяна Долгополого, Ивана Тарана, Ефима Прейму, Григорья Кочаненка, Максима Рудя, Моисея Неживенка, Якима Жерлая, Евтифея Безклубого, Гаврилу Тарана, Никиту Тарана, Власа Сукура, Корнея Белого, Радиона Морковщину, Кирилу Сторчака, Ивана Губу, Дениса Кобеняка, Корнея Черного, Ивана Заверюху, Харитона Круглого, Петра Тарана, Михайлу Черного, Григорья Тарана, Василя Тарана ж, Ивана Шрама, Михайлу Плохова, Василя Гаенного, Василья Молчана, Демьяна Балабана, Никифора Лаштабея, Ивана Жулая, Игната Побошкоровича, Федора Булку, Федора Губу, Якова Бурхана, Василья Моргуна, Алексея Смешка, Трофима Чуприну, Гаврила Губу – итого пятдесят двух человек, которые хотя в грабителстве и смертном убивстве не винились, показывая, что пришли они к полскому местечку Умани по разграблении уже оного, однако за сообщество их с тою разбойническою шайкою, чем равномерно и они оказались в таком же жадничестве к корысти, надеясь оную получить от грабителства, но оного не приизвали действом, как видно, по причине скорого взятья их российскими войски под караул, также за самоволную их, без ведома команд своих, отлучку и за тайной проход через границу – в Полшу – повесить, а вместо того бить кнутом, дать каждому по пятидесят ударов и сослать в Нерчинск в каторжную работу вечно.

6-е. Присланного вместе с оным же Железняком малороссиянина Новороссийской губернии Кальниболоцкого шанца жителя Семена Волка, которой, как по допросу ево явствует, в нынешнем 1768-м году в июне месяце без ведома команды своей и без писменного виду отлучась, перешел тайно за границу – в Полшу – для свиданья з живущим в полском селе Синице братом своим и в следование оттуда обратно, не доходя российской границы мили за три, наехавшею на него российских войск командою, за неимением у него письменного виду, взят под караул, всходство чего и вышеупоминаемой Железняк на очной ставке показал, что он, Волк, с ним, Железняком, и с протчими запорожскими и полскими казаками на грабителствах и смертных убивствах и в посылках от него нигде не был и до того он, Железняк, ево, Волка, не знал, а увидел при команде российских войск уже содержанного в то время, когда взят был он, Железняк, с товарищи под караул за тайной переход

без дозволения своей команды за границу, бить плетьми и отослать при промемории в канцелярию Новороссийской губернии для определения на прежнее ево жилище.

7-е. Другой разбойнической шайки называвшагося атаманом Семена Неживого за учиненные им; отделясь от Железняка, с собранною им особою шайкою в разных Полской Украины местах грабителства и смертные убивства и за умышленное зазжение им в полском местечке Каневе одного дому, от чего учинился пожар и выгорел весь тамошней замок, колесовать и живова положить на колесо, а вместо того бить кнутом, дать сто пятьдесят ударов и, вырезав ноздри и поставя указные знаки, сослать в Нерчинск вечно на каторгу.

8-е. Шайки оного ж Неживого разбойнику Василью Шулге за чинимые им, будучи вместе с оным Неживым, в разных местах грабителства и смертные убывства – отсечь голову, а вместо того бить кнутом, дать восемдесят ударов и, вырезав ноздри, поставя указные знаки, сослать в Нарчинск вечно в каторжную работу.

9-е. Той же Неживого шайки разбойника Тихона Плохова, которой хотя в грабителстве и смертном убивстве не винился, за сообщество ево с шайкою оного ж Неживого для корысти в надежде получить оную грабителством, но действом того не произвел по притчине скорого по приходе в Полшу взятья ево российскими войски под караул, так же за самоволную, без ведома команды своей, отлучку и за тайной проход за границу – повесить, а вместо того бить кнутом, дать пятьдесят ударов и сослать в Нерчинск вечно в каторжную работу.

10-е. Понеже присланной с оным же Неживым полского местечка Канева житель и бывшей там над казаками сотник Василей Мизин, как по допросу ево явствует, по причине бывшаго на него от каневского губернатора Новицкого гонения за то, что он, Мизин, с протчими тамошними каневскими греческого исповедания жителми по принуждению оного Новицкого не пристал к унияцкому закону и от угрожения оным Новицким ему, Мизину, смертию, бежав он, Мизин, ис-под караула, крылся, а по раззорении Неживым оного местечка Канева пришел он, Мизин, в дом свой, где видел ево и оной Неживой, а потом оной же Неживой, отехав ис Канева к

полскому селу Медведовке, в скором времени чрез присылку трех человек шайки своей нарочных, сыскав насилно ево, Мизина, к себе и хотя он, Мизин, просил ево, Неживого, об отпуске в дом свой, но не отпущен и по письму Черного гусарского полку полковника Чорбы, едучи он, Неживой, Новороссийской губернии в Глинской шанец, взяли и ево, Мизина, с собою и там он, Мизин, обще с ним, Неживым, с товарыщи взят под караул, которое ево, Мизина, показание во всем точно на очной ставке подтвердил и упоминаемой Неживой с таким при том прибавлением, что он, Мизин, на грабителствах и смертных убивствах нигде с ним, Неживым, не был, то в разсуждении сего обстоятелства оного Мизина яко полского подданного, по ево невинности из-под караула свободив, выслать за границу обратно.

11-е. Присланным от генерал-майора Подгоричани разбойнической шайки называвшемуся атаманом Павлу Яцковичу и ево шайки разбойникам Семену Чеповскому, показанному в репорте и в списке от генерала-майора Подгоричани дьячком, так же Никифору Кожухарю и Герасиму Гордеенку, из которых Яцкович й Чеповской в смертных убивствах и грабителствах винились, а сверх того Чеповской винился ж, что был он в конфедерацкой партии против российских войск, коими оная партия и разбита, где он, Чеповской, найден между раненными и для вылечения отдан был, а по выздоровлении и отпуске в Киев пристал к разбойнической партии, за границу ж он, Чеповской, проехал по данному ему ведомства Киевского Михайловского монастыря от живущего в селе Глевахе монаха Власия писменному свидетельству, а Кожухар и Гордеенко, хотя винились в одних толко грабителствах, однако во уважении показания в репорте помянутого генерала-майора Подгоричани, что они, Яцкевич, Чеповской, Кожухар и Гордеенко, причинили в Полше многие грабителства и смертные убивства и сверх того оной Чеповской, будучи в той разбойнической шайке, назывался сотником, отсечь им головы, а вместо того бить кнутом, дать по восмидесят ударов каждому и, вырезав ноздри и поставя указные знаки, сослать в Нерчинск в каторжную работу вечно. А о учинении по законам с помянутым монахом Власием за дачу им показанному Чеповскому о пропуске ево за границу писменного свиде-

телства, которого ему давать не подлежало, сообщить в Киевскую духовную консисторию промемориею.

12. Присланной от оного ж генерал-майора Подгоричани Иван Шаренко, хотя в грабителстве и смертном убивстве не винился, показывая, что, пристав он в разбойническую шайку, пришел к полскому местечку Умани по раззорении уже оного и был в посылках оттуда в другие полские ж места для добычи съестных припасов и, в той посылке будучи, увидя в полском селе Степановке донских козаков, явился бывшему при оных донскому полковнику, где и взят под караул, но как сообществом своим с разбойниками оказал уже он жадность свою к корысти в чаянии получить оную грабителством, чего произвесть в действие не дозволил поздний ево к оным разбойникам приход, то во уважении сего, также за самовольную ево, без ведома команды своей, отлучку и за тайной проход чрез границу – в Полшу – ево, Шаренка, повесить, а вместо того бить кнутом, дать пятдесят ударов и сослать в Нерчинск в каторжную работу вечно.

13. Из присланных от оного ж генерала-майора Подгоричани разбойников, а имянно: Осип Хоменко, Василей Безверхой, Иван Пащенко, Григорей Саражин, Иван Попенко, Андрей Попенко ж, Осип Васильченко, Гаврило Килимник, Иван Миронов, хотя в чинимых ими грабителствах и смертных убивствах и не винились, показывая, однако, что, пристав они к разбойнической шайке, посланы были от Умани в другие полские ж места для добычи съестных припасов и, в той посылке будучи, взяты донскими казаками под караул, но понеже упоминаемой генерал-майор Подгоричани репортом своим об них изясняет, что и они чинили грабителства и смертные убивства да и сообществом своим с теми разбойниками не могут себя в их к тому намерении оправдать, то за оное их преступление учитывать им наказание: бить кнутом, дать каждому по пятидесят ударов и сослать в Нерчинск в каторжную работу вечно.

14. Что принадлежит до присланных от оного ж генерала-майора Подгоричани полского села Антоновки уроженца Василья Малого и полского города Замостья уроженца ж, бывшаго пред сим в Запорожской Сече казаком, а потом находившагося на житье в разных местах Новоросийской губернии Ивана Золотаря, кои при

следствии показали, что из них Василей Малый ездил к находившемуся под польским местечком Уманью главному разбойническому началнику Железняку просить об отдаче пограбленных шайки ево, Железняка, запорожцами оставленных им, Малым, в полском же местечке Черкасах овчинок, называемых по-малороссийски смушков, и как оной Малый помянутому Железняку под тем местечком Уманью явился, то он, Железняк, обнадежив ево заплатою за оные овчинки, приказал остатся при нем, Железняке. А Иван Золотар показал же, что он, увидясь с ним, Малым, в полском селе Казацкой Далине, и по прозьбе ево, Малого, ездил под Умань вместе для требования означенных овчинок к оному же Железняку, которой и ему, Золотарю, потому ж приказал там остатся, где оба они и были, и по приходе их туда на четвертой день взяты российскими войски под караул, а грабителства и смертного убивства не учинили, которое их показание на очной ставке и оной Железняк подтвердил с таким изъяснением: что они, Малый и Золотарь, явились к нему под местечком Уманью подлинно по разграблении уже онаго и что они на грабителствах и смертных убивствах и нигде в посылках от него, Железняка, не были, то в разсуждении того оных Малого и Золотаря по их невинности, освободя из-под караула Малого, яко польского подданного, выслать обратно за границу, а Золотаря отослать в канцелярию Новороссийской губернии при промемории от места до места за провожатыми при отверстом указе с тем, что ежели он определен в той Новороссийской губернии на житье, то отдать ево на прежнее жилище, а ежели окажется, что там на житье определен не был, то выслать за границу обратно.

15. Присланные от оного ж генерал-маиора Подгоричани запорожцы, а именно: называвшейся атаманом Сава Позехайло, також Илья Дробот, Афонасей Кривонос, Савелей Шепель, Павел Швець, Иван Литвиненко, Роман Маловек, Петр Безрукавой, Трофим Таран, Степан Щарбина, Кондрат Ковшар, Савелей Тонконоженко, Иван Деркачь, Федор Лысой, Анисим Овчар, Федор Табанець, Матвей Горкуша, Артемей Толкач, Никита Нор, Иван Великой, Иван Чуб, Семен Попович, Никита Голой, итого 23 человека, хотя при следствии в грабителстве и в смертном убивстве не винились, показывая, что по разсеянному слуху якобы находящияся в Польше

донские казаки принимают запорожцов в помощь против поляков для защищения греческого исповедания веры и потому, согласясь, пошли в Полшу, в подтверждение чего и оной генерал-майор Подгоричани в репорте об них обявляет, что они бывшему у разъезду офицеру явились собою и от них, как тем офицером спрашивано, никакова грабительства и смертного убивства не учинено, да и ис того де недавное их туда прибытие видеть можно, что при взяте их, кроме запорожского ружья и копей, ничего ис пограбленного при них не было и шатались пешие, однако как они из мест своих отлучились без дозволения своей команды и прошли через границу – в Полшу – тайно недозволенными местами да и намерение их было по-видимому не в том точно, чтобы защищать веру, но в самом деле, чтоб получить себе какую-либо корысть грабителством, чего действом произвесть они не могли за несысканием к тому удобного случая по причине чинимых тогда уже в Полше российских войск командами за подобными им грабителями поисков, и потому принуждены были они сами явится бывшему в разъезде офицеру, то по состоянию вышепрописанных их вин учинить им наказание: вместо кнута бить плетьми и сослать на поселение в Сибирь вечно.

16. Присланного Московского карабинерного полку от полковника Протасова разбойнической шайки называвшегося атаманом Никиту Швачку, которой, как по показанию ево явствует, еще в прошлом 1767 году восени выехав в Полшу для продажи соли, там зимовал и пристал напоследок там же к разбойникам, за учиненные им в разных полских местах как обще с вышеупоминаемым главным разбоиническим началником и предводителем Железняком, так и отделись от него особою шаикою, многие грабителства и смертные убивства, в коих и сам он, Швачка, винился, колесовать и живого положить на колесо, а вместо того бить кнутом, дать сто пятдесят ударов и, вырезав ноздри и поставя указные знаки, сослать в Нерчинск в каторжную работу вечно.

17. Также присланной от полковника Протасова шайки разбойники Семен Донец, Никита Даниленко и Иван Дробной, хотя в смертных убивствах и не винились, что смертные убивства чинены протчими бывшими в шайке их товарыщи, но понеже они сообщась с оными разбойниками и быв с ними, как по показанию их

явствует, в разных местах при грабителствах, в коих оные и винились, не могли не иметь с ними и в смертных убивствах равнаго участия, к тому ж по репорту упоминаемого полковника Протасова явствует, что при взятье их шайки чинили войскам е. и. в. супротивление, то за оное, также за самоволную их, без ведома команд своих, отлучку и за тайной проход чрез границу – в Полшу – отсечь им головы, а вместо того бить кнутом, дать ударов Донцу, яко самоволно к разбоиникам приставшему, семдесят, Ивану Дробному, которой, как по показанию ево явствует, пошел в Полшу для требования взятой разбойниками в состоящем в Новороссийской губернии при границе хуторе, в котором он находился жителством собственной ево лошади, но оная ему не отдана, а при том и он там же с разбойниками остался, пятьдесят; а Никите Даниленку в розсуждении того, что от роду ему еще толко дватцать лет, тритцать ударов и, вырезав им ноздри и поставя указные знаки, сослать в Нерчинск в каторжную работу вечно.

18. Присланные от оного ж полковника Протасова разбойники Михайло Черной и Роман Гончаренко, хотя в разбоях и грабителствах не винились, но как в допросах своих точно изяснились, что, пристав в шайку к атаману Швачке, были с ним и с протчими в разных местах, следовательно, в разбоях и грабителствах не могли не иметь равного с ними участия, к тому ж, как выше явствует, часто реченной полковник Протасов репортом представляет, что при взяте шайки оного Швачки разбойников чинили они войскам е. и. в. супротивление, то за оные вины и продерзости их, Черного и Ганчаренка, повесить, а вместо тога бить кнутом и из них Черному за то, что он, как по показанию ево явствует, пристал в разбойническую шайку самопроизвольно, дать семдесят ударов, а Гончаренку, которой, будучи в Полше для зажону хлеба,. пристал к тому ж Швачке по ево приглашению, тритцать ударов и сослать в Нерчинск в каторжную работу вечно.

19. Оной же присланной от полковника Протасова разбойнической шайки находившиеся жительством в Новороссийской губернии, в слободе Плоскои, Михаила Котляр и Федор Бадюненко при следствии показали, что, будучи они посланы в польское село Тагане живущим в той Новороссийской губернии, в местечке Цыбу-

леве, капитаном, а имяни и прозвания ево не знают, для забрания и пригону перешедшаго оттуда на российскую сторону на житье мужика Ивана Волкодава оставленного там оным Волкодавом скота, взяты были в полском местечке Городище тамошними жителями с забранным ими помянутого Волкодава скотом под караул, а потом наехавшею туда разбойническою шаикою из-под караула свобожены и к той шайке пристали, но вскоре после того российскими войски взяты под караул, и хотя в грабителствах и смертных убивствах не винились, но за сообщество их с оною разбойническою шайкою для корысти в чаянии оную получить грабительством, чего повидимому они не произвели действом за скорым взятьем их наехавшею командою под караул, бить кнутом, дать по тритцати ударов и сослать в Нерчинск вечно на каторгу.

20. Присланным в Киев к генералу-аншефу, киевскому генералу-губернатору и кавалеру Воейкову от разбойнических атаманов Швачки и Журбы с письмом запорожцам Демьяну Чернявщенку и Якову Безродному, которые при следствии винились, что были с ними в разных местах на грабителствах и смертных убивствах, отсечь головы, а вместо того бить кнутом, дать каждому по восмидесят ударов и, вырезав ноздри и поставя указные знаки, сослать в Нерчинск в каторжную работу вечно.

21. Из присланных из городского Переясловского суда пойманных в Полше Троицкого пехотного полку капитаном Великополским разбойников Яков Кравченко, Максим Степаненко, Василеи Кисель при следствии показали, что, пристав они к разбойническому атаману Неживому и быв в разных местах на грабителстве и смертном убивстве, из них Кравченко с товарищи приезжал Новороссийской губернии к Крыловскому шанцу и требовал выдачи прибегших туда из Полши под протекцию е. и. в. жидов, а сверх того самоволно они, без ведома команд своих, отлучась, прошли тайно за границу – в Полшу – и за то им отсечь головы, а вместо того бить кнутом, дать Кравченку и Степаненку по пятидесят ударов каждому, а Василью Киселю в разсуждении того, что от роду ему еще толко дватцат лет – тритцать ударов и, вырезав ноздри и поставя указные знаки, сослать в Нерчинск в каторжную работу вечно.

22. Той же шайки разбойник Иван Байрацкои, хотя при следствии в грабителстве и смертном убивстве не винился, но как по показанию ево явствует, что он, отлучась без ведома команды и перешед тайно чрез границу в Полшу, самопроизволно пристал к шайке разбойнического атамана Неживого, а по взятье оного, Неживого, под караул, бежав он с товарищи той же шайки разбойниками в табор оного Неживого и из вырученных за награбленной оным, Неживым, и проданном им, Баирацким, с товарищи скот денег получил дележ, то за оное ево, Баирацкого, повесить, а вместо того бить кнутом, дать пятдесят ударов и сослать в Нерчинск в каторжную работу вечно.

23. Той же шаики разбойников Якова Полового и Андрея Черного, которые хотя в грабителстве и смертном убивстве не винились, но как по показанию их явствует, что из них Половой с товарыщи приезжал Новороссийской губернии к Крыловскому шанцу и требовал выдачи прибегших туда из Полши под протекцию е. и. в. жидов, а Черной с товарыщи от чинимых за ними российскими войски поисков, будучи в бегах, получил из вырученных за награбленной и проданной протчими разбойниками скот денег дележ, то за оное и за самоволную, без ведома команды своей, отлучку и за тайной проход чрез границу – в Полшу– учинить им, Половому и Черному, наказание, бить кнутом, дать по пятидесят ударов каждому и сослать в Нерчинск в каторжную работу вечно.

24. Присланной из оного ж Переясловского гродского суда полской подданной местечка Сквиры житель Емельян Колтуненко при следствии показал, что в Петров пост сего году в бытность ево в состоящем близ российской границы полской деревне Мытнице с помещиком своим, полским шляхтичем Лопуцким, наехав туда, разбойники из запорожцев ево, Колтуненка, и бывшие там оного Лопуцкого сорок рогатых скотин да на четырех возах разные пожитки, взяв скот, распродали, а ево, Колтуненка, и пожитки отвезли в полское ж село Студенцы и, оставя ево, Колтуненка, с протчими их шайки разбойниками в том селе Студенцах десят человек, и с тех запорожцев поехали к атаману их Неживому в местечко Медведовку, приказав их обратного приезду дожидатся, а как прибыла туда российских войск команда, то он, Колтуненко,

с бывшими там разбойниками бежав, крылись по разным местам, а, наконец, пошли было в местечко Медведовку к помянутому атаману Неживому, но, послышав, что оной Неживой уже был взят под караул, пошли они в полское ж местечко Мошны, где он, Колтуненко, вместе с разбойниками взят российскими войски под караул; следовательно, когда он, Колтуненко, не уходя от разбойников, пошел было вместе с ними к их атаману Неживому, то тем доказывает, что и он пристал уже было в разбойническую шайку, но, как выше явствует, что он, Колтуненко, полской подданой, то выдать ево на полскую сторону для поступления с ним по тамошним правам.

25. Присланные из Киевского магистрата при доношении малороссияне Зиновеи Гупало, Авксентей Кайнаренко, Петр Тарасенко да Яков Шелковенко при следствии показали, что, будучи они в Киеве, по подговору некоторых запорожцев, искупя себе ружья, ходили в Полшу для разведания, где находятся разбойнических партии началники Железняк и Неживой, с намерением, чтоб к им пристать в сообщество, и по приходе их в полское местечко Гостомль из оных запорожцов один тамошним поляком из ружья ранен, после чего, а особливо послышав, что прежде зашедшие туда для грабителства запорожцы в том же местечке Гостомле пойманы, возвратились они, Гупало с товарыщи, обратно на российскую сторону и по приходе в Киев бывшим с ними в сообществе товарыщем Кондратом Бойком (которой не знаемо куда бежал) спрятанные ими в лесу ружья отданы были для продажи находившемуся жителством в Киеве малороссийского Переясловского полку села Сосновы уроженцу Василью Пастуху, по поимке которого, Пастуха, с теми ружьями и по показанию им об них переловлены и они, Гупало с товарыщи, и так, хотя они разбою и грабителства действительно не учинили, но к тому, как из показаней их явствует, точное намерение имели и не произвели оного в действо по-видимому за тем, что к тому означенным поляком и тамошними полскими казаками не допущены, то за оную их продерзость и за тайной проход за границу и из-за границы бить их кнутом и из них Гупалу, Тарасенку и Шелковенку дать по тритцати каждому, а Кайнаренку *у*

разсуждении того, что от роду ему толко еще дватцать лет – дватцать ударов и сослать в Нерчинск в каторжную работу вечно.

26. Хотя вышеобъявленной присланной из Киевского магистрата с помянутыми Зиновьем Гупалом с товарыщи малороссийского Переясловского полку села Сосновы уроженец Василей Пастух при следствии и показал, что данные ему для продажи бывшим с ними, Гупалом с товарыши, в сообществе Кондратом Бойком (которой не знаемо куда бежал) ружья, кои спрятаны были в лесу, хотел было он, Пастух, обяъвить в Киевском магистрате и что как он с теми ружьями шел в Киев, то в урочище, называемом Черная Грязь, взят магистратским обходом под караул, но как он, Пастух, доволно мог понимать, что те ружья были, конечно, подозрительных людей, потому что спрятаны были оныя в лесу, следователно, тех ружей и принимать ему неподлежало, а долженствовало о том уведав, где надлежит, донесть, то в разсуждении того для поступления за то с ним по законам отослать ево по команде малороссийского Переясловского полку в полковую канцелярию при указе, под караулом от места до места за провожатыми.

27. Второй присылки Московского карабинерного полку от полковника Протасова запорожцы Степан Кривый, Остап Белой, Герасим Ненка, Иван Негода, Игнат Колыванко, Максим Донец, Фома Таран, Терентей Лен при следствии показали, что они, отлучась без ведома команды своей и перешед тайно чрез границу – в Полшу, из них Кривый и Колыванко в чинимом там грабителстве и смертном убивст-ве винились, а Донец, Таран и Негода показали ж, что якобы они в то время, как протчими шайки их разбойниками чинено грабителство и смертное убивство, были в винокурне и пили вино, а Белой, Ненка и Лен в то ж время якобы были оставлены атаманом той же разбойнической шайки при их возах, но как все они равное намерение имели к грабителству и смертному убивству, то за оные их преступлении Кривому и Колыванку, яко действително грабителство и смертное убивство учинившим, отсечь головы, а вместо того бить кнутом, дать по восмидесят ударов каждому и, вырезав ноздри и поставя указные знаки, сослать в Нерчинск в каторжную работу, а Белому, Ненке, Донцу, Тарану, Негоде и Лену за участие их сообществом в ту разбойническую шайку, також за

самоволную, без ведома команды своей, отлучку и за тайнои проход чрез границу, повесить, а вместо того бить кнутом, дать по пятидесят ударов каждому и, вырезав ноздри и поставя указные знаки, потому ж сослать в Нерчинск в каторжную работу вечно.

28. Из оной же вторично присланной от полковника Протасова разбойнической шайки запорожец Сидор Головатой при следствии показал, что и он с протчими запорожцами без ведома команды своей отлучась и перешед тайно за границу в Полшу и следуя к полскому местечку Белой Церкве, оныя запорожцы пьяныя между собою стреляли из ружей и ево, Головатого, ранили пулею в бок, которая де пуля и ныне в боку у него находится, и от того де он, будучи болен, грабителства и смертного убивства нигде не учинил, а слышел той же шайки от запорожцев, что они в полском местечке Каменном Броду закололи четырех поляков и взяли сорок четыре червонных, и хотя и он, Головатой, за сообщество с оными разбойниками, также за самовольную, без ведома команды, отлучку и за тайной проход чрез границу, равному как и вышеозначенные Белой с товарыщи, подлежит наказанию, но как он от сообщников своих из ружья пулею уже ранен и ныне от того болен, то в разсуждении того подлежащее ему за оные преступлении наказание уменьшить, то есть от вырезания ноздрей и от поставлення указных знаков ево свободить и, бив кнутом, дать дватцать пять ударов, сослать в Нерчинск вечно в каторжную работу.

29. Присланным ис Киевского Межигорского монастыря ведомства того ж монастыря жителями села Петровец Василью Загинаиле да села Борок Андрею Романенку за тайнои ими чрез границу – в Полшу – десяти человек запорожцов провод и за учиненное ими в полском селе Казаровичах грабителство и полученной из того дележ отсечь головы, а вместо того бить кнутом, дать по семидесят ударов каждому и, вырезав ноздреи и поставя указные знаки, сослать в Нерчинск в каторжную работу вечно; о показываемом же оным Загинаилом бывшем с ними на том же грабителстве ведомства оного ж Межигорского монастыря села Старых Петровец жителе Иване Коваленке, о котором в доношении из оного монастыря объявлено, что он отлучился для зажону хлеба, писал того монас-

тыря к архимандриту, требуя о присылке ево в Киевскую губернскую канцелярию для поступления за то с ним по указам.

30. Присланным из оного ж Межигорского монастыря Мощунского хутора жителя Григорья Даниленка, також хутора Горенки жителя Михайлу Коваленка и Василья Микитенка, кои, как по показаниям их явствует, с оным Даниленком, по ево прозбе, из договореннои ими платы четырех рублев ходили в Полшу для забрания и пригону на здешнюю сторону оставшаго в полском местечке Гостомле (где пред сим оной Даниленко находился жителством) рогатого скота, но не дошедши до оного местечка Гостомля, уведомясь, что оной скот забран владельцем того села полским шляхтячем, возвратились обратно, а пропускиваны они были за границу и из-за границы чрез Шевлевской фарпост находящимися при том фарпосте двумя салдатами, из которых одного зовут Карпом, а прозвания ево, также и другова как звать и прозвания, не знают. За их без дозволения началствующих за границу проход бить вместо кнута плетми нещадно и отпустить на прежния жилища; а о поступлении с означенными солдатами за пропуск их, Даниленка с товарищи, чрез обявленной Шевлевской форпост без надлежащего писменного виду сообщить к генералу-маеору и киевскому оберкаменданту Елчанинову, а как по показаниям их, Даниленка с товарыщи, явствует, что с ними обще для забрания того ж ево, Даниленка, скота ходили за границу ведомства того ж Межигорского монастыря хутора Мощунского житель Степан Стрелченко, села Новых Петровец жители Клим Дранник, Федор Левченко и Данило Бондаренко да ведомства Киевского магистрата подгородья Преварки житель Иван Котляр, ис которых о Стрелченке, Драннике, Левченке и Бондаренке в доношении из Межигорского монастыря обявлено, что они отлучились для зажону хлеба, то о присылке их в Киевскую губернскую к[анцелярию] для учинения им за тот их без дозволения начальствующих за границу проход надлежащего наказания к архимандриту того Межигорского монастыря писать, и о присылке для такова ж наказания упоминаемого ведомства Киевского магистрата подгорья Преварки жителя Ивана Котляра послать в оной магистрат указ.

31. Хотя из присланных от генерала-майора Кречетникова из запорожцов называвшеися между собранною их шайкою атаманом Остап Лепеха, есаулы Лукьян Таран и Данила Непоспешный, запорожцы Конон Лагода, Семен Пукоменный, Степан Слива, Максим Таран, Афанасей Черенко, как по учиненным ими по поимке в Полше и в Киевской губернской канцелярии показаниям явствует, ничего далняго в Полше не произвели, кроме токмо что взяли грабежем у одного попа три кафтана и пробирались для соединения с прежде вышедшими в Полшу запорожцами; но понеже между оною шайкою были Остап Лепеха атаманом, Лукьян Таран и Данила Непоспешный есаулами, следовательно, в намерении их к грабителству учинились было они предводительми, а о Кононе Лагоде, Семене Пукоменном, Степане Сливе, Максиме Таране и Афанасье Черенке упоминаемой генерал-майор Кречетников репортом обявляет, что они при взятье их [отва]жились чинить войскам е. и. в. супротивление вооруженною рукою и двух гусар убили, а трех ранили, то за оное их преступление, также за самоволную, без ведома команды, отлучку и за тайной проход за границу – отсечь им головы, а вместо того бить их кнутом, дать по восмидесят ударов каждому и, вырезав ноздри и поставя указные знаки, сослать в Нерчинск в каторжную работу вечно.

32. Присланные от оного ж генерала-майора Кречетникова запорожцы Федор Белокур, Яков Иванович, Василей Кулик, Иван Бугасловской, Федор Сырый, Федор Грицко, Яким Бевзик, Остап Некрутило, Антип Сергеенко, Максим Чухрай, Осип Горб, Осип Самарець, Иван Вечерко, Влас Губа, Степан Талко, Гаврила Снетелець, Яков Волошин, Яким Пластун, Михайла Сыроватый, Алексей Пахно, Яков Кабак, Василей Байко, Федор Таран, Артем Растрепа, Яков Кукурус, Иван Чуприна, Федор Бабенко, Иван Носовской, Дмитреи Чорной, Андреи Белой, Остап Бандурка, Иван Белой, Демьян Скорховый, Мартын Юшко, Карп Бойко, Павел Дробной, Давыд Глушко-Крыловской, Федор Попович, Моисей Палей, Петр Чебан, Андреи Скорбенко, Андрей Лях, итого 42 человека, при следствии винились во взятье грабежем в Полше обще с вышепоказанными атаманом Лепехою с товарыщи трех кафтанов, також Мойсеи Коваль, Иван Шаповал, Роман Коваль, Василей Широш-

тан, Иван Бойко, Степан Щербина, Матвей Покачалка, Мартин Самарченко, Емельян Сак, Семен Кваша, Иван Пьяный, Семен Стреха, Михаила Плохий, Филимон Завезин, Кондрат Голотан, итого 15 человек, винились же в грабеже у проезжих волохов одного кафтана и десяти аршин холста да в местечке Чечелнике у тамошняго войта во взятье грабежем холста и горячего вина; а Григорей Калениченко, Герасим Шастун и Иван Макаренко ни в каком грабителстве не винились, показывая, что скоро по выходе их в Полшу взяты они трое российских войск командою под караул, а при том все они согласно показали, что шли в Полшу для грабителства, но действом ничего далняго они не произвели как видно по причине скорой их поимки, то в разсуждении того, также за самоволную их отлучку и за тайной чрез границу переход их повесить, а вместо того бить кнутом, дать по семидесят ударов каждому и сослать в Нерчинск в каторжную работу вечно.

33. Из оных же присланных от генерала-майора Кречетникова показали, а именно: Василей Литвин, родом де он малороссийского Черниговского полку из местечка Березнои, был с хозяином своим в Полше для продажи рыбы и от него пьяной отстал и как, проспавшись, шел к оному ево хозяину, то на дороге донскими казаками взят; из запорожцов Андреи Дейненка, родом де он ведомства Войска Запорожского из поселенной слободы, называемой Старой Кодак, был запорожским казаком и назад тому года с четыре, вышедши он из Запорожскои Сечи в Полшу и в тамошнем местечке Монастырище женясь, находился жителством, а после Петрова дни ездил в полское ж местечко Олшану для продажи соли и как по продаже оной ехал обратно, то в селе Медвине взят донскими казаками, а к разбойническим партиям нигде они, Литвин и Дейнека, не приставали и почему де они в списке между тех запорожцов, кои шли в Полшу для грабителства, написаны, не знают; всходство чего все вышеписаныя присланный от генерала-майора Кречетникова запорожцы согласно показали, что оные, Литвин и Дейнека, с ними не были и они их не знают, следовательно, по оным показаниям открылось, что часто упоминаемые Литвин и Дейнека в обществе с разбойническою шайкою не были, то в разсуждении того оных,

Литвина и Дейнеку, по их невинности, свободя из-под караула и дав им пашпорты, отпустить на прежния их жилища.

34. Присланным от находящагося при Василковском фарпосте Киевского гарнизона секунд-майора Воейкова трем запорожцам Остапу Байде, Тарасу Малому и Антону Федченку за учиненное ими убивство в полском селе Райках одного поляка и за написание себе в том же селе Райках чрез дьячка фальшиваго о пропуске их до Киева письма с показанием якобы они отпущены из полского села Корытянки, в чем они как при том Василковском фарпосте, так и в Киевской губернской канцелярии при следствии винились, отсечь головы, а вместо того бить кнутом, дать по восмидесят ударов каждому и, вырезав ноздри и поставя указные знаки, сослать в Нерчинск в каторжную работу вечно.

35. Как вышеобявленным данным генералу-аншефу и киевскому генералу-губернатору Воейкову высочайшим е. и. в. раскриптом предписано, толпу оных разбойников разделить на две части, из которых одну отвесть вблизость разоренной татарской слободы Балты и у оной произвесть над ними определенные наказание, списавшись наперед с началником той слободы известным Якубом о дне и месте экзекуции, а другую часть винных наказать в самой Сече или, по крайней мере, естли он, генерал-губернатор, сие за неудобно признает в такой от Сечи близости, чтоб хотя некоторые казаки самовидцами быть, а протчия о учиненной им казни скоро и легко сведать могли, то во исполнение оного высочайшаго е. и. в. повеления учинить оным разбойникам определенное наказание в нижепоказанных местах, а имянно: главному оных разбойников началнику Железняку и бывшим в ево шайке всего семи-десят человекам Новороссийской губернии – при Орловском фарпосте, у берега реки Буга против ханской слободы Голты; присланным от бригадира Черткова разбойническому атаману Неживому и бывшим в ево шайке двум человекам, також присланным от генерал-маеора Подгоричани тритцати семи, Московского карабинерного полку от полковника Протасова второй присылки девяти, итого сорока девяти человекам – той же Новороссийской губернии при Глинском шанце, на самой границе полской против Матрененского лесу, в коем первоначалное зборище и гнездо сих злодеев было;

присланным от генерала-маеора Кречетникова разбойническому атаману Остапу Лепехе и бывшим в ево шайке и с ним, Лепехою, всего шестидесят восми человекам – оной же Новороссийской губернии при Б[о]городицкой крепости у берега реки Самары, по которой запорожския селении слободами заведены; первой присылки от помянутого ж полковника Протасова разбойническому атаману Швачке и бывшим в ево шайке – семи да присланным от оного ж Швачки с товарыщи к генералу-аншефу и генералу-губернатору Воейкову с писмом – двум, из Киевского Межигорского монастыря – пяти, из гродского Переясловского суда – шести, из Киевского магистрата – четырем, от находящагося при Василковском фарпосте Киевского гарнизона секунд-маеора Воейкова – трем, итого дватцати восми человекам – при Василковском фарпосте; а кому при учинении оным разбойникам присужденного наказания как в Новороссийской губернии, в вышепоказанных местах, так и при Василковском фарпосте быть о том от генерала-аншефа и генерала-губернатора Воейкова определено быть имеет ордерами к находящемуся в Новороссийской губернии генералу-маеору и кавалеру Исакову и к кому надлежит, так же о времени и месте казни надлежащее уведомление татарской слободы Балты началнику от него ж, генерала и генерала-губернатора, дано быть имеет.

36. Для конвою оных колодников в вышепоказанные места командировать военных служителей из находящихся в Киеве для содержания караулов от полков Украинского корпуса рот нижепоказанное число, а имянно: к первой; отправляемой с разбойником Железняком партии, состоящей в семидесят человеках, одного обер-офицера с надлежащим числом ундер-офицеров и капралов и сорок человек редовых; к другой партии, отправляемой с разбойником Неживым, состоящей в сорока девяти человеках, потому ж одного обер-офицера с двадцатью пяти человек редовых; к третей партии, отправляемой с разбойническим атаманом Лепехою, состоящей в шестидесят осми человеках, одного обер-офицера с 35 человек редовых, с которыми оных колодников, заковав их в крепкие кандалы, и отправить с теми командами, и каким образом оным конвойным командам в препровождении тех колодников посту-

пать, о том дать им с надлежащим на основании указов наставлением инструкции.

А чтоб скорее из оных отправляемых в Новороссийскую губернию для экзекуции колодников первую с Железняком партию в надлежащее место доставить, то оную отправить на подводах, определя на трех человек по одной подводе, а протчие партии отправить пеши, дав толко по силе присланных в К[иевскую] г[убернскую] к[анцелярию] из Государственной камор-коллегии от 7 февраля 1765 году и обявленных в оном П[равительствующего] Сената из четвертаго департамента указов для случающихся из них болных по три подводы на дватцать человек и на платеж на оные подводы прогонов и на дачу колодникам в пути кормовых денег, которых производить им по силе законов по одной копейке на день каждому и на протчия необходимые путевые издершки выдать тем имеющим быть командированным офицерам ис подлежащих до государственной статс-канторы доходов на три отправляемые в Новороссийскую губернию партии по 100 руб. на каждую партию, а к Василькову 30 руб. и на записку из тех денег расхода, дать за губернскою печатью и за секретарскою по листам скрепою книги; предписав при том в даваемых оным одправляемым в Кременчюк офицерам инструкциях, чтоб они из выдаваемых им на прогоны и на дачу колодникам кормовых денег, сколько из оных будет в остатке, отдали в канцелярию Новороссийской губернии для употребления на отправление оных же колодников в повеленныя места.

37. Киевского гарнизона плац-маеору Лбову приказать оных колодников осмотреть, все ль оные колодники имеют нужное платье и обувь, и ежели у кого из них платья и обуви нет, то о том ему, Лбову, подать в Киевскую губернскую канцелярию репорт, означа имянно что кому необходимо потребно, и потому как платья, так и обувь, по силе П[равительствующего] Сената от 5 апреля 1734 году указа и, скупя, оным колодникам раздать, а денги на то употребить ис надлежащих же до государственной статс-канторы доходов.

38. Помянутому генералу-маеору и кавалеру Исакову рекомендовать оных отправляемых в Новороссийскую губернию колодников по учиненним им определенного наказания отправить прямо из той Новороссийской губернии за надлежащим конвоем в Москву, в

учрежденную при Московскои губернскои канцелярии розыскную экспедицию, для отправления оттуда их в поведенное вышесобявленным Государственнои коллегии иностранных дел указом место, то есть в Нерчинск, снабдя тех колодников при отправлении ис той же Новороссийской губернии, в силу указов, надлежащим числом как кормовыми, так и на прогоны денгами, а из тех же дватцати восми человек колодников, коих определено наказать при Василковском фарпосте, по учинений оного и по приводе обратно в Киев отправить отсюда за надлежащим же переменным по тракту от команды до команды конвоем в Москву, в упоминаемую розыскную экспедицию, при указе и при имянном списке выдав, в силу указов, из статейних же доходов на дачу оным колодникам в пути кормовых и на прогоны как отсюда до Москвы, так и от Москвы до Сибири надлежащее число денег.

39. В силу вышеобявленного присланного в Киевскую губернскую канцелярию из Государственной коллегии иностранных дел от 24 июля сего году указа во известие о всем вышеписанном отправить репорт с приложением из сего приговора копии и для ведома о том же Правителствующаго Сената в шестой департамент и в учрежденную при Сенате о колодниках экспедицию репортовать, а в Московскую розыскную экспедицию дать знать указом.

Джерело: ЦДІА УРСР у Києві. – Ф. 59. – Спр. 5526. – Арк. 37-78. Чернетка. Оригінал пошкоджений, без початку, закінчення див. у цьому ж фонді. – Спр. 5518. – Арк. 1-27.

Н.Добротворский

ПОРТРЕТ ГОНТЫ

В ноябрьской книжке "Киевской Старины" за 1882 год была помещена прекрасно написанная проф. В.Б.Антоновичем, по современным мемуарам, биография уманского сотника Ивана Гонты и к ней приложен портрет этого знаменитого в народной памяти героя Колиивщины или Уманской резни, сподвижника "казацкого батька – отамана Железняка", с которым они в 1768 году раскуривали "люльки" свои на пожарищах польских городов и костелов и залили лядской кровью всю Правобережную Украину. Приложенный портрет, как сказано в пояснительном к нему тексте, представляет снимок, воспроизведенный в Экспедиции заготовления государственных бумаг посредством гелиографии, с оригинала, принадлежащего тому же профессору Антоновичу. Сам же оригинал, как объясняет г.Антонович, написан правдоподобно при жизни Гонты для церкви м.Володарки Киевской губернии, в которой Гонта состоял старостою, хранился в ней до 1847 г., пока не был приобретен в собственность тамошним помещиком, после ссылки которого достался с аукциона г.Антоновичу. В автентичности означенного портрета не может быть поэтому сомнения... но слабость ли кисти художника, писавшего этот портрет, или несовершенство сделанного Экспедицией снимка, зависевшее от каких-либо случайных причин, дали в результате то, что на названном приложении к "Киевской Старине", как кажется нам, не бросаются в глаза те выдающиеся черты необычайной силы воли, мужества, ума и внешней величавости и красоты, которые несомненно присущи были знаменитому сотнику. Гораздо более, как нам кажется, запечатлены эти черты на портрете Гонты, который нам удалось видеть недавно в частных руках, но не в оригинале, а в фотографическом снимке. Здесь Гонта кажется совершенным красавцем, лицо у него открытое, в высшей степени энергичное и умное, взгляд быстрый, смелый; в осанке, чертах лица есть нечто, напоминающее польский тип; в выражении лица столько живой, кипущей, непобедимой энергии и такая могучая сила воли, что вы невольно изумляетесь каким образом в одном и том же лице соединилась красота Апполона

и железная энергия Петра... На этом портрете Гонта представлен в польском кунтуше, но ворот рубашки небрежно завязан простым шнурком, голова бритая, оселедец закинут за ухо...

Этот фотографический снимок мы видели в Харькове у отставного капитана тамбовского пехотного полка В.А.Богдановича, который, на наш вопрос как досталась ему эта редкая фотография, рассказал следующее:

Незадолго перед объявлением войны Турции в 1876 году, тамбовский полк был послан в подольскую губернию для расквартирования. Батальйон, в котором состоял г.Богданович, был поставлен в м.Немиров Брацлавского уезда. Солдаты и офицеры разместились по домам обывателей, а командир батальона, майор М. занял квартиру в старом заброшенном помещичьем доме. Здесь внимание командира и посещавших его офицеров привлекли старинные портреты, висевшие на почерневших от времени стенах в зале и столовой. На портретах были изображены родовитые предки владельца усадьбы; тут же было несколько поясных портретов королей Речи Посполитой, портреты каких-то римских кардиналов и т.д. Но между всеми этими портретами особенно выделялось изображение какого-то казака с бритой головой, с умной и интеллигентной физиономией. Удивились офицеры: как мог затесаться сюда, в среду великомощных и ясновельможных магнатов и королей этот простой казак с оселедцем на голове и простым шнурком на воротнике рубашки. Кто бы это мог быть? Сняли портрет со стены, посмотрели нет ли под ним какой подписи, заглянули на оборотную сторону и нашли там польскую надпись – знаменитый Гонта. Но кто такой Гонта и как мог он, на вид простой казак, попасть в портретную галлерею богатого польского пана никто из присутствующих про это не знал, потому что офицеры знанием истории не отличались. Только после, долгое время спустя, они узнали, что Гонта был уманский сотник и резался с поляками... Тем не менее лицо Гонты и его оригинальный наряд так понравились офицерам, что они решили отослать портрет к знакомому фотографу в Харьков с просьбой сделать несколько фотографических с него снимков, не ради чего-нибудь; а просто потому, что физиономия "казака" показалась им очень "интересною". Спустя три недели фотограф при-

слал им обратно портрет Гонты и снятые с него три фотографии, одну из которых взял себе г.Богданович, другую – майор М., а третью поручик С.; подлинный же портрет повешен был на старое место в столовой помещичьего дома в Немирове. Вскоре за тем был объявлен поход против Турции и тамбовский полк двинулся за Дунай одним из первых.

Во время похода карточки Гонты у майора М. и поручика С., насколько нам известно, затерялись и из трех фотографий, снятых с оригинала, сохранилась только одна – у г.Богдановича, который и показал ее нам в конце прошлого года в Харькове.

Было бы, конечно, в высшей степени интересно узнать сохранился ли в Немирове оригинальный портрет Гонты, уцелел ли он до настоящего времени и если уцелел, то желательно было бы видеть его в печати и получить разъяснение: почему владельцы Немирова решились повесить в своей столовой рядом с портретами своих предков портрет Гонты, который был заклятым врагом польского шляхетства…

Джерело: Киевская Старина. – 1895. – №4. – С.736-738.

В.Антонович

НЕСКОЛЬКО ДАННЫХ О СУДЬБЕ ЖЕЛЕЗНЯКА ПОСЛЕ ЕГО АРЕСТА В УМАНИ

После усмирения "Колиивщины" судьба человека, игравшего в ней самую важную роль, Максима Железняка, теряется в неизвестности: из польских мемуаров знаем только то, что он был арестован в лагере возле Умани полковником Гуриевым и отправлен в Киев; затем дальнейших сведений о его участи не имеется. Встретив случайно несколько документов, относящихся к Железняку после его ареста, мы находим возможность дополнить хоть несколькими незначительными чертами скудные сведения об этом инициаторе "Колиивщины".

Покойный М.А.Максимович передал нам небольшую пачку документов, извлеченных из "киевских плац-майорских дел", в которых находится несколько фактических указаний на первое время ареста Железняка и его товарищей. В пачке этой сохранились следующие документы: 1) рапорт плац-майора киевопечерской крепости Лбова о том, что он принял под караул Железняка с 73 его товарищами, 8 июля (20 июля по новому стилю) 1768 года; 2) распоряжение киевской губернской канцелярии о выдаче суммы для продовольствия арестованных гайдамак впредь, пока судьба их не будет решена коллегиею иностранных дел (17 июля); 3) рапорт Лбова (от 8 августа) о том, что он израсходовал отпущенную сумму и 4) постановление киевской губернской канцелярии о вторичном отпуске суммы на содержание арестованных до окончания над ними суда (от 11 августа). Из последнего документа мы узнаем, что суд происходил в киевской губернской канцелярии, ибо, давая распоряжение об отпуске кормовых денег, канцелярия эта мотивирует свое распоряжение следующим образом: "А как по присланному из оной государственной коллегии иностранных дел от 24 июля сего года указу ведено над оными присланными из польской Украины, оказавшимися в разбое и во смертном убивстве, запорожцами произвести киевской губернской канцелярии надлежащий суд, то в рассуждении того приказали... означенным арестантам до окончания об них суда кормовых денег выдать".

И так из приведенных документов видно, что 8 июля 1768 года Железняк с товарищами были заключены в киево-печерскую крепость, что в конце июля последовало распоряжение о предании их суду в киевской губернской канцелярии и что в начале августа суд уже начал свои действия. Приговор его нам неизвестен, но вероятно он кончил свои действия только в октябре и приговорил осужденных к ссылке на восток. Последнее мы узнаем из документа, сообщенного нам А.А.Андриевским, в котором значится, что 1-го ноября Железняк с товарищами был уже на пути к Белгороду (Курской губернии). В окрестностях Ахтырки арестанты обезоружили конвой и спаслись бегством, но большинство их, и в том числе Железняк, были вскоре настигнуты и вновь взяты под стражу.

Этими немногими данными и ограничиваются те сведения, которые нам удалось извлечь из указанной выше переписки. В виду заключающихся в ней не безинтересных подробностей, мы помещаем ниже три из перечисленных документов.

В.А.

1. Рапорт киевского плац-майора Василия Лбова о принятии в киево-печерскую крепость 74 гайдамак и в числе их полковника Максима Железняка. 1768 года, июля 9.

Киевской губернской канцелярии в секретную экспедицию от киевских плац-майорских дел рапорт.

Сего июля 8-го дня прислано из Польши пойманных гайдамак семьдесят четыре человека, которые и содержатся в киево-печерской крепости под караулом и пропитания никакого ни откуда не имеют; о сем секретной экспедиции сим представляю: что повелено будет с оными чинить, имею ожидать резолюции. Плац-майор Василий Лбов. Июля 9 дня, 1768 года.

Список приведенных под конвоем, взятых под местечком Гуманем, запорожских старшин и казаков, а именно:

называемые: атаман Павло Тарань, полковник Максим Зализняк.

Казаки: Влась Лаевский, Макар Черный, Амелко Чуб, Иван Белый, Степан Якубович, Михайло Моторный, Кондрат Верховойт, Андрей Калыболоцкий, Иван Зелепский, Иван Лысий, Андрей Бе-

лый, Лукьян Долгопалый, Ефим Прейма, Максим Рудь, Еким Жерлай, Гаврило Тарань, Влас Сокур, Радко Марковщина, Иван Губа, Корней Черный, Давыд Вербенко, Степан Саганак, Семен Тарасенко, Андрей Майданник, Фома Дурной, Каленик Медведевский, Федор Волошин, Яков Щербитенко, Лытко Грива, Петр Бандуренко, Павло Столбовый, Иван Тарань, Грицко Кочар, Мосей Неживенко, Евстух Бескуздый, Никита Тарань, Корней Белый, Кирило Стирчак, Денис Кобиняк, Иван Заверуха, Харко Круглый, Михайло Белоус, Филип Безрукавый, Грицько Тарань, Иван Шрам, Василий Гаенный, Демко Балаган, Иван Жулай, Федор Булка, Лецко Бургань, Алекса Смишко, Нестор Литвиненко, Кирило Мадсейчан, Гаврило Губа, Семен Иванович, Демян Чернявский, Петр Тарань, Михайло Черный, Федор Кулбаса, Василь Тарань, Михайло Плохий, Василий Скулчан, Ничипор Лаштабей, Игнат Побошкородич, Федор Губа, Василий Морчук, Трофим Чуприна, Иван Байрицкий, Фома Сукур, Павло Лабазин, Моисей Павлов, Яков Безродный.

Итого семьдесят четыре человека.

Плац-майор Василий Лбов.

2. Постановление Ккиевской губернской канцелярии о выдаче кормовых денег, по две копейки в день на человека, для содержания поименованных гайдамак. 1768 года, июля 17.

1768 года июля 17 дня. По указу ея императорского величества Киевская губернская канцелярия, слушав присланного от находящегося в Польше Каргопольского карабинерного полку полковника Гуриева рапорт, в котором между прочим объявлено: что по командировании его, полковника Гурьева, с оным каргопольским полком от генерала-майора Кречетникова к польскому местечку Умани для истребления оказавшихся там гайдамак, поймано там оным полком запорожских казаков 48, перед тем поймано Тверского карабинерского полку поручиком Кологривовым запорожких казаков 25, итого 73 человека, между ними их начальник – полковник Железняк. И оные гайдамаки присланы в Киев при приложенном при том рапорте списке, из которого явствует, что из показанных Гордей Кибитный в дороге умер, плац-майор Лбов письменно

представляет, что из арестованных надлежит исключить Павла Лабазина, потому что он Белевского полку беглый солдат и что настоящее его имя Андрей, а прозвание Кобызев. А по поданному от плац-майора Лбова списку явствует, что за исключением умершего Гордея Кибитного да беглого солдата Андрея Кобызева, должно быть присланных от полковника Гурьева арестованных 71, да прежде того присланных в Киев с письмом из Умани от гайдамацких начальников два, итого всех 73 человека. Причем плац-майор Лбов письменно представляет, что на содержание оных арестованных, то есть на покупку им хлеба, меньшим числом обойтись не можно как двумя копейками на день на каждого человека; а как оные арестанты присланы сюда по известным, происходящим в Польше событиям, о которых уже на резолюцию представлено в государственную коллегию иностранных дел, того ради приказали: вышеозначенным присланным Каргопольского карабинерного полку от полковника Гурьева 71, да от гайдамацких начальников двум, итого 73 человекам арестанстам... производить кормовые деньги по две копейки на день на каждого человека с приводу их в Киев, то есть с июля 8 числа и на произведение им тех кормовых денег выдать плац-майору Лбову 50 рублей из имеющейся в Киевской губернской канцелярии определенной на заграничные расходы суммы медноюо монетою, записав в расход с распискою и о том расходчику, архивариусу Белоезерскому дать указы и плац-майору Лбову на записку тех денег в приход и в расход, за губернскою печатью и за секретарскою по листам скрепленной, книгу. Означенного же беглого солдата Андрея Кобызева, для поступления о нем по указам и воинским регулам, отослать при ордере к генерал-майору, киевскому обер-коменданту Елчанинову. Причем плац-майору Лбову объявить, чтобы по издержке тех денег, в приход требовал выдачи еще на кормовые арестантам.

Федор Войенков. Петр Веселицкий.

3. Приказ Киевской губернской канцелярии о разыскании бежавших из под стражи на пути из Киева в Белгород гайдамак с заметкою о поимке уже 36 из бежавших, в том числе и Максима Железняка. 1768 года, декабря 19.

1768 года, декабря 19 дня. По указу ея императорского величества Киевская губернская канцелярия, слушав промемории из канцелярии Новороссийской губернии, в которой объявлено, что из отправленной из оной канцелярии за надлежащим конвоем для препровождения в Белгород 71 человека колодников, Максим Железняк с товарищами во время ночлега в слободе Котельве Ахтырской провинции ноября 1 дня сего 1768 году ночью, разбив караул, и выломав двери, и отбив у солдат десять ружей и у казаков копья и ружья; из которых колодников 52-х человек Железняк с товарищами (33 человека) в малороссийском полтавском полку два человека пойманы, а 16 человек не пойманы и того промемориею требуется о подтверждении, куда надлежит, о присматривании и поимке, по показанным в приложенном при оной промемории списке оных беглых колодников, и, если пойманы будут, о присылке оных в ту канцелярию новороссийской губернии под караулом для отправления их в надлежащие места. Приказали: в киевский магистрат, также в полицмейстерскую контору и на состоящие в Киевской губернии главные пограничные форпосты послать указы и при оных приложить с оного, присланного при промемории из канцелярии Новороссийской губернии бежавших колодников списка копии, и велеть тех бежавших 16 человек колодников, по показанным в том списке приметам, присматривать и ловить, и ежели где усмотрены и пойманы будут, то, забив их в колодки, прислать под крепким караулом в Киевскую губернскую канцелярию немедленно, и для ведома, о том в оную канцелярию Новороссийской губернии сообщать промемориею.

Наум Ск., Василий Флееров, секретарь Василий Чернявский.

Подписано 20 декабря 1768 года.

Джерело: Киевская Старина. – 1882. – №2. – С.564-568.

Ф.Ф.

ОСТАТКИ ПРЕДАНИЯ О ГОНТЕ

(Перепечатываем эту интересную статью г.Ф.Ф.
из старого "Киевлянина" (1871 г., № 45),
где она, как и многие подобные другие теряется чуть не навсегда...)

Недавно мне случилось быть в с.Сербах (Могилевского уезда, Подольской губернии). Селение это известно тем, что оно было местом казни известного предводителя народного движения и деятеля так называемой "Уманской резни" – Гонты. Казнь Гонты дала с.Сербам право на упоминание в южнорусской истории. Зачем именно Гонта был завезен для казни в с.Сербы, так далеко от главного места своих подвигов – окрестностей Умани, и от места своего пленения – отгадать трудно; но это обстоятельство повлияло на то, что количество устных народных преданий о его смерти уменьшилось. Жители окрестностей места его казни не так были заинтересованы личностью Гонты, меньше занимали их воспоминания о нем, чем жителей той страны, которая полна преданий о событиях, связанных с именами Гонты и Железняка. Сербы видели только казнь, – но не видели дел Гонты.

Распросы у жителей с.Сербов дали немного; сто лет времени сильно сгладили народное предание и от него уцелели только небольшие остатки, слабое свидетельствующие о том, как относилось население к деятелю уманской резни: с симпатией или с отвращением; что больше запечатлелось и уцелело в народной памяти: его ли жестокости или то, что Гонта все-таки был выразителем народного движения, народного чувства. Правда, почти все жители с.Сербов твердо запомнили, что именно здесь был казнен Гонта, но личность его представляется им недостаточно определенною. В отрывочных рассказах Гонта является то предводителем народного движения, симпатичным населению, то простым разбойником. Новейшее поколение уже смешивает его иногда даже с разбойником Кармелюком, действовавшим в Подольской губернии в позднейшее время. Подвиги Кармелюка иногда приписывают Гонте, хотя крестьяне постарше тут же и протестуют против этого мнения и

отделяют личность Гонты. "Нема теперь уже таких", – говорят они, "щоб бачылы як Гонту тут стратылы. Це вже дуже давно диялось: и ти вже старі люды, котри чулы вид батькив и вид дидив". Только старая, разрушающаяся деревянная церковь села Сербов, которой по видимому далеко больше ста лет, остается безмолвным свидетелем страшной казни, устроенной польской лютостью над лютым карателем поляков и жидов. В селе осталась еще такая поговорка: "Гонта свит пройшов, та Сербив не перейшов: тут его и стратылы".

Место казни указывают различно: одни говорят, что Гонта казнен у самых ворот селения возле вновь выстроенной церкви, где будто бы стоял прежде и крест, на который в старину указывали как на место могилы; другие положительно утверждают, что казнь была произведена возле "мурованной криницы", немного подальше. Как признак могилы называют железный кол, который будто бы вбили в могилу мучителя Гонты. Где этот кол – отыскать едва ли удалось бы. Но о существовании кола повторяют все.

Гонту долго мучили – говорят старики; его не один раз убили: сняли с него кожу с головы, потом отрубили одну руку, дальше другую, а там и ноги, а после всего голову, и это делалось несколько дней, чтобы дольше мучить. "Отрубят Гонте одну руку, а он акафист Иисусу читает, отрубили другую руку, а он все-таки акафист читает", – так говорил одни старик, рассказ которого был очень толковый и согласовался с известными подробностями событий.

Другие говорили что Гонту убили иначе – вытягиванием из него кишек: вытянули кишки, привязали к столбу и вертели его вокруг столба пока не вытянули всех кишек до конца. Тогда Гонта засмеялся и умер, а когда его мучили, он все молился и акафист читал. Последний рассказ очевидно ошибочен и расходится с письменными свидетельствами, по которым действительно с Гонты сняли кожу с головы, голову посолили, вырезали полосы кожи с других мест тела и четвертовали с большими промежутками времени. Первое предание вернее. Но оба разноречащие предания говорят одинаково, что во время казни Гонта громко читал акафист. Если и теперь еще уцелело подобное предание, то ясно, что в народной памяти Гонта остался не в виде разбойника, а в совершенно другой обстановке: представление человека, умирающего с твердо-

стью и читающего акафист во время мучительнейших смертных истязаний, вызвает в народе совсем не то чувство, какое имеют к разбойнику.

"То правда, що Гонта багато збыткив (т.е. вреда, капостей) наробыв по свиту", – говорят сербянские и окрестные крестьяне, но иные прибавляют, что не для всех он был лютый человек; одни говорят, что он был лют только до "ляхов и жидов"; а другие, – что он был такой человек, что богатого "обибрав, а бидному дав". В этом последнем предании выступает опять не разбойничий атрибут, а что-то другое, хотя мало определенное. Очевидно, что у населения осталось симпатичное чувство к Гонте: его не считали дурным человеком.

Один из стариков, больше всех знавший о Гонте, рассказал так: Гонта был родом из Росошек под Уманью; его же село было и Кодыма (Подольской губ.); тут (в Сербах) про него никто хорошо не знает, а я помню, что по дороге в Одессу, как бывало идешь, то про него там больше говорят. "Я добре знаю, что як пидеш в ту сторону, то там було и на нич тебе не примут: прийдеш в село просыться на нич, спытают: а звидкиля, чоловиче? – з Сербив. З которых Сербив? Бо есть еще и другие Сербы (действительно, в Подольской губернии есть и другое село Сербы). Як тилько скажеш, що з тых Сербив що пид Могылевом, то уже ни за що не пустять на нич: то вы з тых Сербив, кажуть, де нашого батька (або дядька) стратылы. Идить соби! Так и не пустять. А мы хиба вынни (виноваты), що в Сербах Гонту стратылы?"

По сербянским рассказам выходит, что и население из окрестностей Умани также относилось сочувственно к Гонте: видевшие людей из-под Умани говорят, что и последние называли Гонту батьком или дядьком и говорили, что это "добрый был пан хотя и багато збыткив робыв по свиту жыдам и ляхам".

Не лишено интереса то обстоятельство, что в народе осталась память, будто и русское правительство, представители которого выдали Гонту полякам, противилось его казни: "Як тилько стратылы Гонту в Сербах", – говорит одно из преданий, – "скоро з Петербургу прыйшло таке письмо, щоб его не убывать, а повезты в Петербург, який то "лыцарь". То вже письмо то не поспило, не було

вже кого везти в Петербург". Не просвечивает ли тут старое народное мнение, что русское правительство не могло, за одно с поляками, преследовать народное движение русского населения.

Место подвигов Гонты многие в окрестностях Сербов совершенно спутывают. Так, например, некоторые говорят об убиении католического духовенства и учащихся "студентов", и о том, что убитые были брошены в колодезь, но вместо Умани называют местом действия город Бар. До того стерлось тут предание, до того забыли его в сто лет!

По народному преданию, в Сербы привезен был не один только Гонта, но и множество гайдамаков; их всех, кроме Гонты, содержавшегося особо, рассадили в две огромные и глубокие ямы, не покрытые от непогоды и держали там довольно долго. Сидели там эти "невольники" и кормились тем, что принесут им окрестные жители. Ямы, где мучились "невольники" были так глубоки, что ничего туда подать руками было нельзя; есть крестьяне, которые говорят, что дед или бабка такого то из них или даже отец, будучи в детском возрасте, сами носили пищу гайдамакам в ямы. Возьмут "близнята" (т.е. горшки, соединенные между собой по два), привяжут к ним веревку и опустят так на дно ямы. Поедят "невольники" и отдают назад "близнята", но всегда не съевши всей пищи; на дне этих горшков приносившие пищу находили под борщем и кашею червонцы и кораллы, которыми "невольники" благодарили тех, кто кормил их. Долго стража, охранявшая гайдамак, не знала о том, но наконец как-то обнаружилось, что они передавали деньги жителям; тогда их обыскали и больше денежных гайдамацких даров не было. Но каким же образом пленники могли сохранить у себя деньги? Это предание объясняется тем, что их привезли в Сербы не "обобранными" и что гайдамаки умели прятать у себя деньги. Предание о том, что жители Сербов носили им пищу, опуская ее на веревках, и часто получали за то щедрые дары в борще и каше принадлежит к числу наиболее свежих и определенных преданий. О том говорят многие, совершенно согласно иссылаясь на слова собственных своих отцов и дедов, видевших все это своими глазами.

Этого мало: указывают самые места тех глубоких ям, где содержались "невольники". Таких ям было две, и от обеих остались следы,

которые я видел. Одна из таких ям была возле нынешнего кладбища, вблизи почтовой дороги; там осталась большая впадина, искусственность происхождения которой слишком заметна; теперь это место уже вспахано, но если и в настоящее время впадина еще очень широка и значительна, то какова же она была сто лет тому назад? Сто лет ямы эти осыпались, запахивались и все-таки следы их не могли изгладиться! Предание же, передаваемое местными жителями, утверждает, что в ямах содержались сотни гайдамак – "невольников". Признаки ям подтверждают наглядно то, что передается жителями устно и своим видом поддерживают самое предание.

Вот почти все, что мне пришлось собрать из устных преданий о Гонте на том месте, которое видело его казнь. Слабость преданий объясняется отчасти тем, что Сербы слишком удалены от окрестностей уманской резни, а до привоза туда Гонты о нем едва только слухи туда доходили. Один только старик еще имеет несколько определенное понятие о Гонте, называет также по имени сподвижника его – Шилу, о котором говорит, что он был посажен на кол, на "паль", – но еще в товарищи обоим прибавляет какого-то "Мотовилу".

Джерело: Киевская Старина. – 1901. – №7-8. – С.4-9.

ДЖЕРЕЛА ТА ЛІТЕРАТУРА ПРО КОЛІЇВЩИНУ

I
ДОКУМЕНТИ, МАТЕРІАЛИ, СВІДЧЕННЯ ОЧЕВИДЦІВ

1. Акты о гайдамаках //Архив Юго-Западной России. – К., 1864. – Ч.1. – Т.II-III; К., 1876. – Ч.3. – Т.III.

2. Гайдамацький рух на Україні в XVIII ст.: Зб. док. – К., 1970. – 670 с.

3. *Галант И.* Молитва в память Уманской резни // Киевская старина. – 1895. – № 3. – С.92-97.

4. Грамота Максима Железняка // Киевская старина. – 1905. – № 3. – С.243.

5. Журнал генерал-майора Петра Кречетникова. О движении и действиях военных в Польше в 1767-1768 годах // Чтения в обществе истории и древностей российских при Московском университете.– М., 1863. – Кн.3. – С. 1-205.

6. *Иваницкий С.Ф.* Польские мемуары о крестьянском востании 1768г. ("Колиивщина") // Ученые записки Ленинградского педагогического института. – Л., 1938. – Т.XI. – С.119-147.

7. Коденська книга судових актів //Український архів. – 1931. – Т.2.

8. Матеріали до історії Коліївщини. Польська поема про Уманську різню // Записки НТШ. – 1904. – Т.13. – С.1-40.

9. Мемуар ржищівського тринітарія про Коліївщину // Записки НТШ. – 1908. Т.83. С.130-156.

10. *Нейман Ц.Г.* Дарственная запись Станислава Потоцкого Веронике Кребс // Киевская старина. – 1885. – № 7. – С.512-514.

11. Несколько данных о судьбе Железняка после ареста в Умани // Киевская старина. – 1882. – №12. – С.564-568.

12. Новознайдені пісні про Коліївщину (Коментар Ю.Мицика) // Народна творчість та етнографія. – 1993. – № 5-6. – С.66-68.

13. Оповідання очевидця про смерть Гонти // Записки НТШ. – 1907. – Т.79. – С.94-96.

14. Опис смерті Гонти за записками // Записки НТШ. – 1908. – Т.86. – С.174.

15. Описание бедствия, постигшего Умань и всю Украину в 1768 г. // Киевская старина. – 1888. – №3. – С.520-529.

16. Отрывок из записок анонима (1768г.) (Казнь Гонты и усмирение Колиивщины // Киевская старина. – 1882. – С.349-358.

17. Переписка графа П.А.Румянцева о восстании на Украине 1768 года // Киевская старина. – 1882. – №9-10; 1883. – № 9-10.

18. Протокол допиту полковника Максима Залізняка, складений у Каргопільському карабінерному полку // ЦДАІ України у Києві. – Ф.59. – спр.5520. – Арх. 5-6.

19. *Рыльський Ромуальд.* Рассказ современника о приключениях с ним во время Колиивщины 1768 г. // Киевская старина. – 1887. – №1. – С.51-64.

20. Свідчення у Коші Зопорозької Січі мешканців Умані Остапа Поламаного і Остапа Бочки про напад гайдамаків на місто Умань // *Скальковский А.* Наезды гайдамак на Западную Украину в XVIII ст. – Одеса, 1845. – С.133-134.

21. *Скальковский А.* Несколько документов к истории гайдамаччины // Киевская старина. – 1885. – №10. – С.277-318.

22. Уманская беда 1768 года 20-го июня (Перевод польской рукописи неизвестного современника, хранящаяся в львовской библиотеке Оссолинских) // Основа. – 1862. – №3. – С.11-23.

23. Уманская резня. (Записки Вероники Кребс). – К., 1879. – 36 с.

24. Ф.П. Остатки предания о Гонте // Киевская старина. – 1901. – №7-8. – С.4-9.

25. Ф.П. Остатки предания о Гонте в Могилевском уезде // Киевлянин. – 1871. – № 45.

26. *Чернецький Василь.* Літопис монастиря О.О.Василіан в Кристинополі від 1768-1890 рр. // Діло. – 1890. – № 42-92.

27. *Шпитковський І.* Мемуар Д.Завроцького про Коліївщину // Записки НТШ. – 1910. – Т.96. – С.58-93; Т.97. – С.27-72.

28. *Шпитковський І.* Филипович Ігнатій, василіанин, мемуар до Коліївщини // Записки НТШ. – 1922. – Т.133. – С.55-98.

29. *Шпитковський І.* Штайншнайдер. К истории Уманской резни 1768 г. // Записки НТШ. – 1909. – Т.88.

30. *Штайншнайдер.* К истории Уманской резни 1768 г.: Материалы и исследования евреев в Польше и Юго-Западной России.– К., 1908. – Вып.1.

II

ЛІТЕРАТУРА

31. *Псевдо-Железняк А.Л.* // Киевская старина. – 1889. – №1 – С.221-222.

32. *Антонович В.* Уманский сотник Иван Гонта (1768г.) // Киевская старина. – 1882. – № 11. – С.250-276.

33. *Железняк В.А.* Несколько данных о судьбе его после ареста в Умани // Киевская старина. – 1882. – № 12. – С.564-568.

34. *Галант И.В.* К истории уманской резни 1768 г. // Киевская старина. – 1882. – № 11. – С.209-229.

35. *Гермайзе О.* Коліївщина в світлі новознайдених матеріалів // Україна. – 1924. – Кн. 1-2.

36. *Глущенко С.І.* Матеріали до історії Коліївщини //Записки НТШ. – 1904. – Т.59. – С.1-16.

37. *Голобуцький В.А.* Максим Железняк. – М., 1960.

38. *Гуслистий К.Г.* Селянське повстання 1768 року на Україні. – Харків, 1934. – 218 с.

39. *Гр.Моз.* Гайдамацкие движения XVIII ст. и монахи киевских монастырей // Киевская старина. – 1883. – № 5. – С.228-242.

40. *Добротворский Н.* Портрет Гонты //Киевская старина. – 1895. – № 4. – С.736-738.

41. *Дмитриев А.* Колиивщина. – М., 1934. – 46 с.

42. *Эварницкий Д.И.* Гайдамацкое движение и уманская резня // Русская мысль. – 1901. – Кн.2. – С.44-71.

43. *Зінчук С.С.* Іван Гонта: Кайдани стереотипів. – К., 1991 – 32 с.

44. Коліївщина, 1768: Матеріали ювілейної наукової сесії, присвяченої 200- річчю повстання. – К., 1970.

45. Колиивщина в песнях // Киевская старина. – 1882. – № 9. – С.582-589.

46. *Костомаров Н.* Материалы для истории Колиивщины или резни 1768г. // Киевская старина. – 1882. – № 8. – С.297-321.

47. *Мірчук П.* Коліївщина: Гайдамацьке повстання 1768 р. – Нью-Йорк, 1973. – 319 с.

48. *П-ко Вл.* Был ли игумен Значко-Яворский организатором украинского восстания 1768 г.? // Киевская старина. – 1905. – № 1. – С.4-7.

49. *П-ко Вл.* К истории Колиивщины // Киевская старина. – 1905. – № 3. – С.237-242.

50. *Смолій В.А.* Деякі дискусійні питання історії Коліївщини в 1768 р. // Український історичний журнал. – 1993. – №10.

51. *Смолій В.А.* Максим Залізняк // Український історичний журнал. – 1990. №3.

52. *Смоктий А.* Город Умань и Софиевка (история г.Умани – Уманская резня Софиевка) // Киевская старина. – 1882. – № 12. – С.420-437.

53. *У.О., К.Ф.* Коденская книга и три бандуриста // Киевская старина. – 1882. – № 4. – С.161-166.

54. *Храбан Г.Ю.* Спалах гніву народного (Антифеодальне, народно-визвольне-повстання на Правобережній Україні у 1768-1769 рр.) – К., 1989. – 176 с.

55. *Щербина В.* О происхождении слова "Колиивщина" // Киевская старина. 1893. – № 2. – С.356-358.

56. *Щербина В.* Три Шелеста. (Из истории Колиивщины) // Киевская старина. – 93. – № 11. – С.235-240.

57. *Шульгин Я.М.* Очерк колиивщины по неизданным и изданным документам 1768 и ближайших годов // Киевская старина. – 1890. – № 28; 30.

58. *Шульгин Я.* "Правда" о Колиивщине польского историка г.Корзона // Киевская старина. – 1893. – № 1. – С.126-160.

59. *Щурат В.* До історії Коліївщини // Записки НТШ. – 1908. – Т.86. – С.140-146.

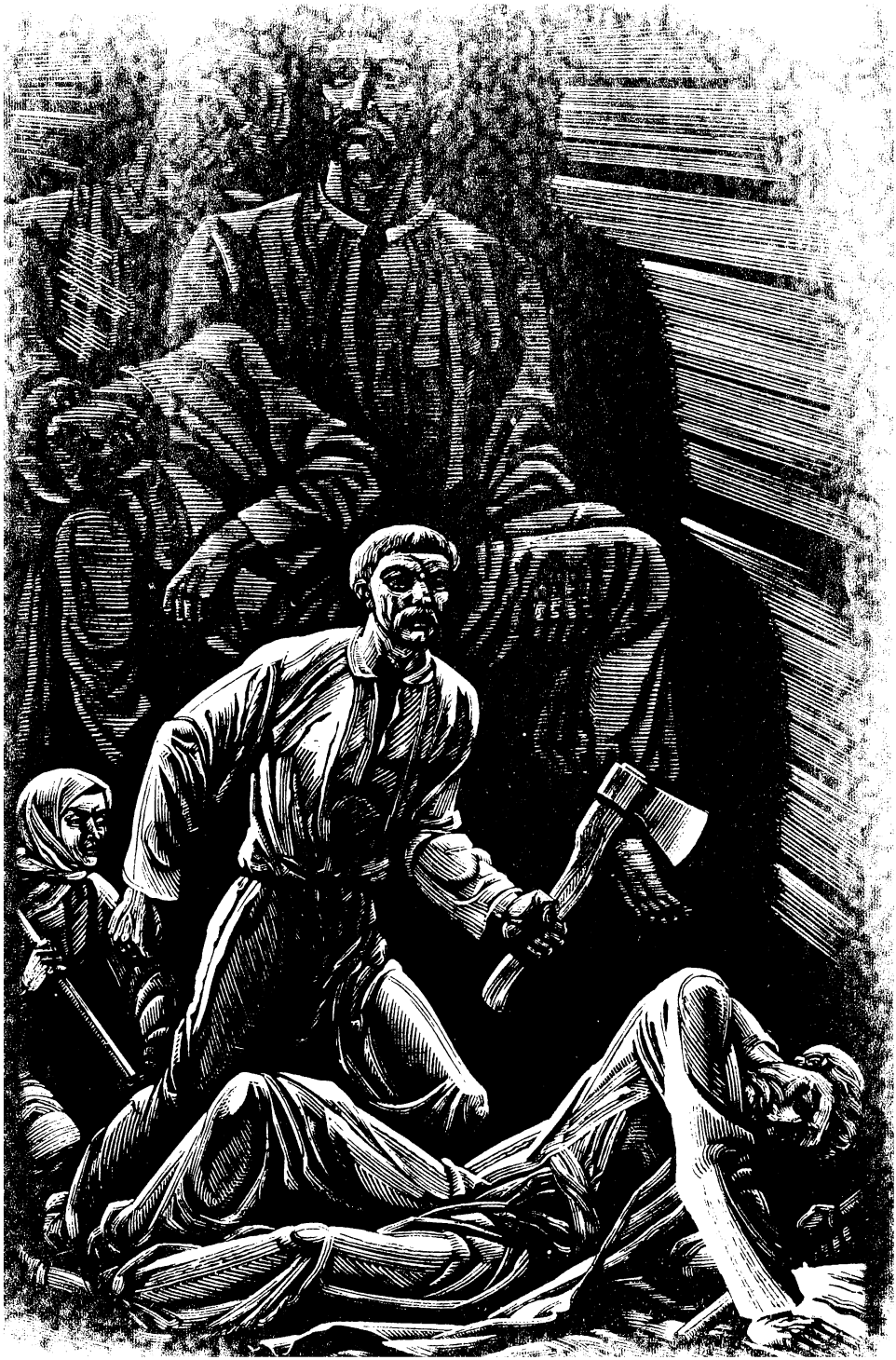
60. *Щурат В.* Коліївщина в польській літературі до 1841 р. // Записки НТШ. – 1910. – Т.97. – С.89.

61. *Ястребов В.* Гайдамацкая песня // Киевская старина. – 1885. – № 12. – С.766.

Навчальне видання

ГАЙДАМАЦЬКИЙ РУХ НА УМАНЩИНІ. КОЛІЇВЩИНА 1768 РОКУ ХРЕСТОМАТІЯ

Оригінал-макет виготовлено Видавничо-поліграфічним центром "Київський університет"

Видавничо-поліграфічний центр "Київський університет"
01033, Київ, бульв. Т. Шевченка, 14, кімн.43, тел. (38044) 221 3222;
(38044) 224 99-72;
(38044) 224 0105; факс (38044) 234 2290.

Підписано до друку 28.12.01. Формат 60x84 1/16. Вид. № 1-02.
Друк офсетний. Наклад 1000. Умовн.друк.арк. 13,3.
Зам. № 22-337